

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

БРАТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
КОМПЛЕКСНАЯ ЛАБОРАТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ОСВОЕНИЯ СИБИРИ

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ СИБИРСКИХ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ

Сборник научных трудов

НОВОСИБИРСК
Сибирское научное издательство
2011

УДК 332.122:45(571.1/5) «19/20»
ББК 65.046.12
Ф 796

Формирование и развитие сибирских территориально-производственных комплексов. Сборник научных трудов. Новосибирск: Сибирское научное издательство. 2011. 232 с.

ISBN 978-5-98901-086-8

В сборнике исследуются актуальные и недостаточно изученные проблемы комплексного развития производительных сил сибирского региона на различных этапах XX столетия и в начале XXI века. Раскрываются исторические предпосылки формирования территориально-производственных комплексов и сложный процесс их создания в районах нового промышленного освоения. Изучается роль ТПК в модернизации советской и современной российской экономики. Анализируются социокультурные аспекты и экологические условия жизни населения новых индустриальных городов.

Сборник адресован специалистам, учащимся и всем интересующимся историей Сибири.

Утверждено к печати
Ученым советом Института истории СО РАН

Рецензенты
д-р истор. наук *В.А. Исупов*, д-р истор. наук *И.М. Савицкий*,
д-р филос. наук *В.С. Шамаков*

Редакционная коллегия
д-р истор. наук *С.С. Букин (отв. редактор)*,
д-р истор. наук *Г.П. Власов*, д-р истор. наук *В.И. Исаев*,
канд. истор. наук *А.А. Долголюк (отв. секретарь)*

*Сборник подготовлен при финансовой поддержке РГНФ, проект № 10-01-00296а
«Территориально-производственные комплексы и модернизация Сибири в XX столетии».*

*Издание осуществлено в рамках интеграционного проекта СО РАН № 8
«Становление индустриально-урбанистического общества в Урало-Сибирском регионе в XX столетии»*

Без объявления

ISBN 978-5-98901-086-8

© Коллектив авторов, 2011
© Институт истории СО РАН, 2011

Букин С.С., Долголюк А.А., Тимошенко А.И.

**ПРОБЛЕМЫ КОМПЛЕКСНОГО РАЗВИТИЯ СИБИРИ
В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА
В 1920–1980-е гг.***

По мере укрепления советского государства возрастала роль Сибири в его региональной политике. Развитие её производительных сил на основе масштабного освоения новых территорий и природных ресурсов входило во все основные социально-экономические программы СССР, реализуемые в восточных районах. Одним из ведущих направлений государственной экономической политики стала стратегия комплексного развития сибирского региона через создание системы территориально-производственных комплексов (ТПК).

Комплексный подход к организации производства на определенной территории крайне актуален для России. Он обусловлен обширностью её пространств, природно-климатическим и цивилизационно-культурным разнообразием районов, а также особым характером взаимоотношений центра и периферии, государственной власти и местного самоуправления. Эти факторы активно влияли на региональную политику российского государства. Их значимость ещё более возросла с конца XIX в. Правительство, возглавляемое С.Ю. Витте, пришло к выводу, что для будущего благополучия России необходимо комплексное развитие не только её центральных и обжитых районов, но и периферийных, ещё слабо вовлеченных в хозяйственную деятельность. В значительной степени это касалось восточных районов, которые составляли большую часть страны и были обильно наделены природными богатствами. Для обеспечения устойчивого геополитического положения государства и его перспективного социально-экономического роста именно здесь следовало вести активное транспортное строительство, развивать хозяйственную жизнь, заселять самые отдаленные территории¹.

И в последующие годы высшая исполнительная власть царской России не отказалась от этих идей. Она продолжала рассматривать восточные районы как важный экономический и военно-стратегический ресурс государства. Советская власть приняла эту эстафету. Идеи комплексного развития восточных районов нашли отражение в плане ГОЭЛРО. Он разрабатывался в непосредственной связи с эко-

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект №10-01-00296а

номическим районированием, развернувшимся в стране в начале 1920-х гг. и охватившем буквально все регионы с целью учета местных возможностей развития производительных сил СССР в процессе составления текущих и перспективных планов в условиях централизованного управления национализированной экономикой.

Данные намерения получили продолжение при разработке первых пятилетних планов и Генерального перспективного плана, рассчитанного на пятнадцатилетний период (1926-1941 гг.). В них отмечалось, что восточные регионы имеют все основания для комплексного подхода к социально-экономическому развитию, которое рассматривалось прежде всего с точки зрения создания различных производств с использованием разнообразных природных ресурсов.

Идеи комплексного развития хозяйства представлялись наиболее актуальными для Сибири с ее богатыми сырьевыми и энергетическими возможностями. Это обусловило повышенный интерес к исследованию перспектив экономического освоения сибирского региона. Во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. публикуются труды различных конференций и съездов по изучению производительных сил². В них обоснована необходимость научных разработок по созданию территориально-промышленных комплексов (комбинатов), определены главные стратегические направления в экономическом развитии Сибири, подведены некоторые итоги изучения региона, обсуждены методы и формы научных исследований.

Одним из основоположников теории и практики территориально-производственных (промышленных) комплексов СССР был академик И.Г. Александров. Ему принадлежит первый в мировой науке проект комплексного использования природных и трудовых ресурсов крупного экономического района. В 1927 г. в свет вышла работа, в которой автор предложил технический проект и экономическое обоснование Днепровского энергопромышленного комбината, охватившего весь южный экономический район страны³. Несколько позже опубликовано исследование по программе строительства крупных районных комбинатов в разных частях страны, в том числе и в Сибири⁴. По поручению Академии наук и по просьбе Сибирской плановой комиссии И.Г. Александров разработал комплексный план изучения Ангара-Енисейской проблемы. В своих трудах ученый указывал на слабую изученность района, необходимость форсирования исследований природных ресурсов, на возможность строительства электростанций и промышленных предприятий, тесно взаимоувязанных друг с другом⁵.

Большой вклад в разработку теоретических основ территориально-производственных комплексов внес крупнейший советский эконом-географ Н.Н. Колосовский – активный участник составления первых пятилетних планов, автор фундаментальных трудов по вопросам районирования и размещения производительных сил по отдельным территориям страны. В работе «Теория экономического районирования» он обосновал и впервые сформулировал основные теоретические положения ТПК. Под территориально-производственным комплексом Н.Н. Колосовский понимал «взаимообусловленное (соподчиненное) сочетание производственных предприятий и населенных мест либо на ограниченной территории (локальные комплексы), либо на территории экономического района или подрайона (районные комплексы). Производственно-территориальное сочетание (комплекс) есть определенная географическая и техническая форма общественного труда социалистического общества с энергетическим и машинным его вооружением, приложенная к определенному сочетанию природных ресурсов района (или частично привлеченных ресурсов из других районов)»⁶. Н.Н. Колосовский отмечал, что изучение комплексов заключается в исследовании их структур и связей, а также в отыскании закономерностей развития. Он предложил теоретически определить процесс формирования и развития ТПК как «цепочку» взаимосвязанных производственных стадий, среди которых первостепенное значение приобретает научная подготовка. Ученый считал необходимым «иметь точные научные основы для одновременного и взаимного сопряженного планирования и реконструкции хозяйства и природы на территории экономических районов»⁷. Ему принадлежат экономическое обоснование создания в Сибири крупных промышленно-энергетических комплексов, а также схемы сооружения Урало-Кузнецкого комбината, оценка роли Ангара-Енисейского района в народном хозяйстве страны. Он же выдвинул предложения по вовлечению в хозяйственный оборот уникальных энергетических ресурсов крупнейших рек Восточной Сибири. Наибольший интерес, по мнению ученого, представлял бассейн Ангары. Изучение и использование её ресурсов он предлагал осуществить в два этапа. Первый предполагал освоение природных ресурсов верховьев реки. Выдвигалась идея создания здесь на основе уже имевшихся научных разработок полноценного промышленно-энергетического комплекса. Второму этапу должен предшествовать длительный подготовительный период научно-исследовательских работ, после которого следовало развернуть сооружение мощных ГЭС, железной дороги, металлургических и химических

заводов⁸. Итогам первого этапа исследований, подготовивших создание Прибайкальского энергопромышленного комплекса, Н.Н. Колосовский посвятил специальную работу. В ней он дал высокую оценку проведенных к этому времени изыскательских и научно-исследовательских работ и выдвинутых гипотез социально-экономического развития региона⁹.

В эти годы понятие комплексности ограничивалось преимущественно производственной сферой, для которой разрабатывались планы технического и технологического сочетания предприятий с целью достижения наибольшего производственного и экономического эффекта. Социальные проблемы рассматривались опосредованно, применительно к решению кадровых проблем. Комплексное развитие основывалось на создании производственных комбинатов.

Одним из первенцев советских комбинатов стал Урало-Кузнецкий (УКК), который можно назвать первой межрайонной целевой комплексной программой модернизации производительных сил на новой научно-технической базе. В ходе его реализации возникли новые организационно-экономические формы ускоренного развития хозяйства в условиях планового централизованного государственного управления. В рыночных условиях вряд ли был возможен такой вид межрегионального комбинирования: «маятниковый» обмен ресурсами удаленных друг от друга районов, формирование общей системы промышленных узлов и производственных комплексов на основе энергопроизводственных циклов последовательного обогащения и обогащения исходного сырья, магистрализация ранее разрозненных участков железных дорог и подчинение их работы единой цели.

УКК состоял из двух мощных производственных комплексов в рамках единого комбината: Уральского с центром в Магнитогорске и Кузнецкого с центром в Сталинске (Новокузнецке). Для их обслуживания построены новые заводы и электростанции в Кемерово, Новосибирске, Барнауле. Одновременно реконструировалась и укреплялась Транссибирская железнодорожная магистраль, строилась новая – Южносибирская. В составе УКК начали действовать мощные металлообрабатывающие и машиностроительные предприятия. Таким образом, УКК в целом и особенно его восточная часть – Кузбасс стали играть роль опорной базы хозяйственного освоения огромной территории Сибири.

Модернизации экономики сибирского региона и повышению его роли в народном хозяйстве страны способствовало начавшееся в предвоенные годы размещение «заводов-дублеров» европейской про-

мышленности СССР в городах, расположенных вдоль Транссибирской магистрали. Концепция «дублирования» в государственной политике стала одним из удачных вариантов реального сдвига производительных сил на восток. Она обеспечила создание в Сибири военно-оборонного комплекса, который помог СССР выиграть Великую Отечественную войну, укрепить его позиции в международных отношениях в послевоенное время.

При разработке планов комплексного освоения Сибири предусматривалось поэтапное движение на восток. После создания УКК важное место отводилось Ангаро-Енисейскому региону, в котором уже в годы первых пятилеток планировалось проведение широких исследовательских работ. В их программу входили задания по развитию энергоемких производств и передачи электроэнергии, использованию черемховских углей и поиску других полезных ископаемых, расширению лесного и сельского хозяйства, формированию транспортной сети.

Однако в предвоенные и военные годы объём проектно-изыскательских работ в Ангаро-Енисейском регионе оставался сравнительно небольшим, но сразу же после войны он стал увеличиваться, особенно после Всесоюзной конференции по развитию производительных сил Иркутской области, состоявшейся в 1947 г. Ее участники одобрили разработанную в 1930–1940-е гг. концепцию хозяйственного освоения Восточной Сибири. В то же время они высказались за увеличение масштабов намечаемых производств с учетом новейших достижений науки и техники, а также возросших модернизационных потребностей страны. Взятый в середине 1950-х гг. курс на ускоренное развитие восточных районов потребовал переосмысления первоначальных представлений о путях их освоения. С этой целью была тщательно подготовлена и в 1958 г. проведена Всесоюзная конференция по развитию производительных сил Восточной Сибири.

В принятой на конференции новой концепции сохранилась идея комплексного освоения Ангаро-Енисейского региона. В нем выделялись пять энергопромышленных комплексов: Иркутско-Черемховский, Ачинско-Красноярский (простирающийся вдоль Транссибирской магистрали в Красноярском крае), Южно-Енисейский (включающий Минусинскую котловину, Хакасскую и Тувинскую автономные области), Братско-Тайшетский (Средне-Ангарский), Нижнеангарский (охватывающий нижний участок Ангары и районы, прилегающие к месту ее впадения в Енисей)¹⁰.

По новым проектировкам особенно существенным изменениям подвергалась отраслевая структура первых трех комплексов, наиболее

удобно расположенных географически и лучше заселенных. В отношении их комплексность стала пониматься как всесторонность. Кроме отраслей, определенных в качестве профилирующих, предусматривалось развитие машиностроения, промышленности строительных материалов, производства товаров народного потребления, а для Южно-Енисейского комплекса в отрасль всесоюзной специализации превращалась также переработка сельскохозяйственной продукции¹¹.

Прошедшая конференция, в отличие от других крупных научных форумов, на которых обсуждались вопросы социально-экономического освоения Сибири, имела непосредственное, более широкое практическое значение. Многие из ее рекомендаций вошли в подготавливаемый Государственный план развития народного хозяйства страны на 1959–1965 гг. Это позволило придать новый импульс практической реализации Ангаро-Енисейского проекта.

Хозяйственное освоение региона стало осуществляться широким фронтом. Строительно-монтажные работы развернулись одновременно на многочисленных объектах. В эти годы сооружались гиганты электроэнергетики, цветной и черной металлургии, химической и лесохимической промышленности и других отраслей.

Уже к концу 1960-х гг. в регионе была создана крупная топливно-энергетическая база союзного значения, энергоемкие производства, быстро наращивались мощности по комплексной переработке древесины. В результате довольно четко определилась специализация Иркутско-Черемховского, Центрально-Красноярского и Братско-Усть-Илимского ТПК.

Параллельно с практикой формирования в СССР территориально-производственных комплексов продолжалась теоретическая разработка концепции освоения новых районов. Подводились первые итоги создания ТПК в стране, оценивалась их роль и значение в решении крупных народнохозяйственных задач. Представители различных отраслей науки активно подключались к анализу этой проблематики. По данным Всесоюзного института научной и технической информации, только в 1965–1969 гг. появилось 955 публикаций, связанных непосредственно с тематикой ТПК¹². В 1973–1977 гг. опубликовано еще 1070 подобных работ различного объема и характера¹³. Среди них преобладали труды экономистов, в которых разрабатывалась теория ТПК, определялись основные понятия и закономерности их развития. Лишь в экономической литературе появилось более сотни различных определений ТПК, которые можно разделить на две большие группы. Первую составляют определения, основанные на мнении,

что в состав комплексов входят только объекты отраслей материального производства. Вторая группа определений предполагает включение в число элементов ТПК объектов как материального производства, так и непроизводственной сферы.

На наш взгляд, наиболее точно отображающим характерные особенности ТПК является определение, сформулированное сибирскими экономистами. Под территориально-производственным комплексом подразумевается планомерно формируемая, пропорционально развивающаяся совокупность устойчиво взаимосвязанных объектов отраслей народного хозяйства, которые создаются для совместного решения одной или нескольких крупных народнохозяйственных проблем, сконцентрированы на относительно ограниченной и обязательно компактной (неразобщенной) территории, обладающей таким набором и размерами ресурсов, которые достаточны для решения крупных народнохозяйственных проблем, обеспечивают не только эффективное (с позиций народного хозяйства страны) использование местных и полученных извне ресурсов, но и охрану окружающей среды и воспроизводство естественных ресурсов, обслуживаются единой инфраструктурой¹⁴.

Как элемент региональной экономики, ТПК по сравнению с отраслями народного хозяйства имели свои особенности, которые позволяли с большей эффективностью решать такие вопросы, как комплексное использование природных и трудовых ресурсов в данном районе, формирование единой строительной базы и транспортной системы, обеспечение необходимого развития социальной инфраструктуры и создание условий для повышения жизненного уровня населения, воспроизводства и охраны окружающей среды¹⁵.

С точки зрения изучения проблем, связанных с научной подготовкой комплексных социально-экономических программ, наиболее ценным в экономической литературе является выделение отдельных стадий в процессе формирования ТПК. Сибирские исследователи М.К. Бандман, В.И. Чалов, В.П. Гуков и другие предложили выделять пять таких этапов: научной и проектной подготовки, инфраструктурного развития, интенсивного создания основных объектов, стационарного функционирования. Весь процесс формирования комплексов охватывает, как правило, несколько десятилетий¹⁶. Экономисты внесли важный вклад и в изучение истории формирования территориально-производственных комплексов Сибири. Большую часть массива литературы составляют работы, в которых ТПК рассматривались в связи с изучением изменений, произошедших в народном хозяйстве

региона в XX в.¹⁷. Большое количество работ посвящено анализу создания отдельных ТПК¹⁸. В целом территориально-производственные комплексы Сибири оценивались в научных публикациях как закономерная и наиболее прогрессивная форма пространственной организации производительных сил. На фоне общих тенденций в сибирской экономике анализировались технико-экономические возможности их создания, этапы строительства, трудности в организации производства и управлении.

Анализ литературы, освещающей теорию и практику формирования территориально-производственных комплексов, показывает, что её основная часть появилась в 1970–1980-е гг. Во многом это объясняется тем, что проблемы комплексного развития отдельных территорий стали активно разрабатываться в рамках долгосрочной научно-исследовательской программы «Сибирь». Вполне естественно, что, как уже вполне сформировавшиеся, так и намеченные к созданию ТПК стали объектами пристального внимания ученых самого различного профиля.

Ориентация различных программ на исследование региональных комплексных проблем в одних случаях следовала уже из их названия. К ним можно отнести такие, как «Формирование территориально-производственных комплексов Ангаро-Енисейского региона», «Южно-Якутский ТПК», «Проекты государственной программы освоения Нижнего Приангарья». В других случаях вопросы, относящиеся к комплексному развитию отдельных территорий, не выделялись отдельно, а изучались параллельно с другими проблемами. Так, ключевые аспекты формирования Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, КАТЭКа, Восточно-Сибирского нефтегазового комплекса рассматривались в программах, в которых исследовался энергетический комплекс Сибири, изучались минеральные ресурсы и многие другие вопросы.

К началу работ по программе «Сибирь» довольно четко обозначились контуры Иркутско-Черемховского, Братско-Усть-Илимского ТПК и Центрально-Красноярского промышленного узла. В то же время формирование других территориально-производственных комплексов Ангаро-Енисейского региона, намеченных в проектах 1930-х и 1950-х гг., находилось лишь на начальных стадиях. Большие изменения, произошедшие в социально-экономическом развитии Восточной Сибири и страны в целом, требовали внесения необходимых коррективов в первоначальные замыслы. Поэтому в программе «Сибирь» предусматривалась специальная подпрограмма «Формирование территориально-

производственных комплексов Ангара-Енисейского региона». Целью ее разработки являлась оптимизация производственной и пространственной структуры ТПК. Объектом исследования являлись интенсивно формирующиеся в 1970-е гг. комплексы: Саянский и Канско-Ачинский, а также Нижне-Ангарский и Верхне-Ленский, создание которых лишь начиналось.

В рамках подпрограммы были разработаны сценарии дальнейшего развития вновь создаваемых комплексов до 2015 г. Так, Саянский ТПК по первому варианту должен развиваться в том же направлении, которое сложилось за предыдущие 20 лет. По второму варианту его формирование связывалось с проектами, содержащимися в схеме развития производительных сил края. Третий вариант предполагал отказ от действовавшей концепции создания ТПК в направлении образования в нем мощного агропромышленного производства.

Для Канско-Ачинского ТПК в качестве основного рассматривался вариант, связанный с переориентацией инвестиционной политики. Приоритет отдавался осуществлению реконструкции действующего производственного аппарата с целью перевода его на более высокий технический уровень с одновременным решением экологических проблем этой зоны, а также реализации комплекса мероприятий по повышению уровня жизни местного населения.

Новый этап строительства Байкало-Амурской магистрали в 1970-е гг. поставил задачу формирования в прилегающих регионах целого ряда территориально-производственных комплексов, первоочередным из которых планировался Южно-Якутский, что позволяло создать на востоке страны новую топливно-энергетическую базу путем вовлечения в эксплуатацию месторождений коксующихся углей и строительства Нерюнгринской ГРЭС. В 1976 г. стал строиться Нерюнгринский разрез мощностью 13 млн. т угля в год, в 1977 г. – обогатительная фабрика по ежегодной переработке 9 млн. т угля. В решениях XXV съезда КПСС было утверждено первоочередное в рамках сооружения Байкало-Амурской магистрали строительство железной дороги Тынды–Беркакит–Нерюнгри.

Создание Южно-Якутского ТПК имело огромное значение, как для народного хозяйства СССР, так и социально-экономического развития Якутии и всего северо-востока страны. Здесь образовался не только угольный комплекс производств, но и формировалась вся производственная инфраструктура, включая транспорт, энергетику, строительную индустрию. В ранее необжитых и слабо освоенных районах появились сложные инженерно-технические сооружения, современные

высокоэффективные предприятия, в том числе и сельскохозяйственные, объекты коммунального хозяйства, связи, радио-телевещания и т.п. В суровых природно-климатических условиях в короткие исторические сроки возникли новые города и рабочие поселки.

Создание ТПК органично вписывалось как в общегосударственную стратегию укрепления единого народнохозяйственного комплекса СССР, так и в политику регионального развития, которая в государственных политических декларациях того времени заключалась в стремлении выровнять социально-экономические условия в различных регионах страны.

Понятие «территориально-производственный комплекс» (ТПК) в партийно-правительственные директивные документы было введено после XXIV съезда КПСС. В рамках официальной государственной экономической политики комплексы стали рассматриваться как форма организации хозяйства, позволяющая решить наиболее важные народнохозяйственные задачи. Идеи комплексного развития территорий СССР заняли важное место при составлении Генеральных схем развития производительных сил, на основе которых стали разрабатываться и реализовываться конкретные стратегические программы. Одна из них относилась к Красноярскому краю, где планировалось масштабное индустриальное строительство по ускоренной схеме. В этой связи в феврале 1971 г. принято Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему комплексному развитию в 1971–1980-х гг. производительных сил Красноярского края»¹⁹.

Разработанная программа комплексного освоения природных ресурсов Красноярского края стала первой целевой программой по комплексному социально-экономическому развитию крупнейшего региона Сибири. Она носила экспериментальный характер и была продолжена в следующем после 1980 г. десятилетии. Суть проекта заключалась в одновременном и сбалансированном развитии промышленного производства и сельского хозяйства с решением всех жизненно важных проблем на территории края на основе формирования территориально-производственных комплексов и промышленных узлов в сибирских условиях. В ходе её выполнения четко просматривались пять территориально-производственных комплексов, находящихся на разных стадиях своего развития – Центрально-Красноярский, Саянский, Нижнеангарский, Северо-Енисейский (Норильский) и Канско-Ачинский.

Наиболее существенные достижения в реализации намеченных программ в Сибири были получены в Ангаро-Енисейском регионе, в ко-

тором в 1950–1960 гг. развернулось крупное индустриальное строительство. История постановки и разработки Ангаро-Енисейской проблемы насчитывала к началу строительства первых объектов уже более 100 лет²⁰. Впервые государственный интерес к ней появился в начале 1920-х гг. при разработке планов электрификации России, в которых обосновывалось значение реки Ангары как крупного источника электроэнергии. В 1930-е гг. Ангаро-Енисейская проблема обсуждалась с точки зрения трех ее основных составляющих: энергетики, развития химии и цветной металлургии. Причем отмечалось, что ориентация на энергоемкие производства учитывает дефицит трудовых ресурсов в регионе.

Расчеты, приводившиеся на конференции 1932 г., показывали, что использование электроэнергии Ангаро-Енисейских ГЭС для размещения традиционных отраслей с большим количеством занятых требовало бы в 2,5 раза большей численности работников, чем вариант создания энергоемких производств. К 1940 г. планировалось завершить строительство нескольких крупных предприятий Ангарстроя. Однако по ряду объективных и субъективных обстоятельств планы реализации Ангаро-Енисейской программы отодвинулись. К её воплощению в жизнь вернулись во второй половине 1940-х гг.

Реализация намеченных планов началась с сооружения сравнительно маломощной Иркутской ГЭС. Создание первого предусмотренного программой индустриального комплекса в относительно освоенном районе Сибири стало своеобразным опытом научно-технической, проектной и строительной подготовки для её более сложных частей, включавших строительство мощных объектов в северных малообжитых районах с экстремальными климатическими условиями.

В 1956 г. Иркутская ГЭС вступила в эксплуатацию, в июне 1959 г. перекрыто русло Ангары в створе Братской ГЭС. В ноябре 1961 г. запущена первая Братская гидротурбина, затем пришла очередь ещё более мощных Красноярской, Усть-Илимской, Саяно-Шушенской ГЭС. По мере реализации Ангаро-Енисейской программы разработка проектов социально-экономического развития стала происходить в рамках формирования системы ТПК. После Иркутско-Черемховского комплекса вокруг Иркутской ГЭС в 1955–1980 гг. сформировался самый эффективный Братско-Усть-Илимский, затем Центрально-Красноярский, Саянский, проектировались Канско-Ачинский, Нижне-Ангарский ТПК.

Социально-экономическая практика доказывала целесообразность комплексного подхода. В Сибири это выразилось в значительной экономии времени, средств и ресурсов в деле хозяйственного освоения

новых территорий, преимущества территориальной кооперации между южными и северными районами. На примере формирования системы Ангаро-Енисейских ТПК удалось выявить, что южные районы могут стать опорной базой для создания материально-технического и кадрового потенциала в северных регионах. Позднее эти концептуальные решения воплотились в научное обоснование экспедиционно-вахтового метода при освоении экстремальных районов Крайнего Севера Сибири в ходе освоения нефтегазовых месторождений.

Производства, созданные в процессе реализации Ангаро-Енисейской проблемы, стали высокоэффективными. Они обеспечивали страну крайне необходимой продукцией. Но, в то же время, в ходе строительства, а затем и эксплуатации новых гигантских промышленных объектов уделялось очень мало внимания защите окружающей среды. Промышленные предприятия алюминиевой, химической и лесохимической промышленности оказывали мощное антропогенное воздействие, как на природу, так и на жизнь человека в новых городах.

Предпринимались попытки компенсировать негативные явления индустриального строительства за счет обеспечения более высокого уровня жизни сибиряков. В районах нового промышленного освоения планировались более высокие, чем в целом по стране темпы роста непродовольственной сферы. Однако осуществить эти планы в полной мере не удалось. На практике всё сложилось иначе. При более высокой производительности общественного труда показатели уровня жизни населения в Сибири в целом постоянно отставали от средних по стране.

Не удалось обеспечить взаимосвязь экономического и социального прогресса в ходе реализации крупнейшего проекта общегосударственного значения – создания Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (ЗСНГК). Здесь, уже в первые годы после открытия богатейших месторождений нефти и газа, возникли концепции социально-экономического развития огромной территории. Они включали в себя широкий спектр задач. Прежде всего, предусматривался неуклонный рост добычи полезных ископаемых. Одновременно намечалось создание в районах с крайне неблагоприятным для проживания человека климатом совершенно новых городов и рабочих поселков. Их жителей планировалось обеспечить самыми высокими стандартами жизненного уровня, а окружающую среду защитить от влияния индустриальных объектов.

Первые промышленные предприятия Западно-Сибирского нефтегазового комплекса были организованы в начале 1960-х гг., а уже к

1987 г. они обеспечивали более 2/3 общесоюзной и 1/5 мировой добычи нефти и газа. Столь высокие темпы роста производственного потенциала комплекса демонстрировали возросшие к этому времени материально-технические, научные, социально-экономические возможности страны. В 1966–1985 гг. капиталовложения в хозяйство Тюменской и Томской областей, где в основном создавался ЗСНГК, составили 108,6 млрд. руб. – более 8 % от их объема в РСФСР, почти 5 % в СССР. Доля капиталовложений возросла с 1,8 % в восьмой пятилетке до 7,6 % – в одиннадцатой к общесоюзному уровню, с 3,5 до 12 % – к республиканскому. В свою очередь, капиталовложения в нефтяную инфраструктуру Западной Сибири за этот же период увеличились с 19 до 35 %, в газовую – с 4 до 50 % к общему объему ассигнований в эти отрасли ²¹.

За два десятилетия в нефтегазодобывающих районах Западной Сибири создан мощный промышленный потенциал. Основные фонды Тюменской области в 1966–1985 гг. увеличились в 65 раз. На нефтегазопромислах построено около 43 тыс. эксплуатационных скважин, в том числе около 41,4 тыс. нефтяных и свыше 1,5 тыс. газовых, почти 30 тыс. км трубопроводов, ГРЭС, ЛЭП, сотни других промышленно-производственных объектов ²².

ЗСНГК оказал огромное воздействие на экономику СССР. Благодаря ему коренным образом улучшился топливно-энергетический баланс страны. Доля нефти и газа в его составе возросла с 38 % в 1960 г. до 76 % в 1985 г. Всего в 1964–1985 гг. на промыслах Западной Сибири добыто 5,2 млрд. т нефти, что могло заменить 11 млрд. т угля, для добычи которого потребовалось бы свыше 15 лет и громадные материально-технические ресурсы ²³.

Освоение нефтяных и газовых ресурсов стало мощным катализатором социально-экономических и демографических процессов на территории Севера Западной Сибири. В 1960–1980-е гг. здесь произошел значительный рост населения, особенно в районах нефте- и газодобычи. Численность населения Ханты-Мансийского автономного округа по данным Всесоюзных переписей населения за 1959–1989-е гг. возросла в 10,2 раза, Ямало-Ненецкого автономного округа – в 7,9 раза. В целом население Тюменской области за этот же период выросло в 2,8 раза, в Западно-Сибирском регионе – в 1,3 раза. Характерной чертой являлся ускоренный рост городского населения. За 1959–1989 гг. в Ханты-Мансийском округе его доля увеличилась с 27 до 91 %, а в Ямало-Ненецком – с 35 до 78 %.

Таким образом, в 1960–1980-е гг. на Севере Западной Сибири создан громадный производственно-экономический и значительный социально-демографический потенциал, который обеспечивал экономику страны энергоресурсами, позволял формировать доходы государственного бюджета на всех уровнях, оплачивать внешние финансовые обязательства. Тюменская область получила мощный импульс социально-экономического развития. Она стала лидером по темпам урбанизации среди всех сибирских регионов, её экономический рост намного опережал средние показатели по России и СССР. Вместе с тем отметим, что экономический прогресс определялся исключительно добычей нефти и газа. Комплексность социально-экономического развития при создании ЗСНГК так и не была достигнута ни применительно к производству, ни относительно социальной инфраструктуры.

В производственной сфере все стратегические решения формировались на уровне центральных органов государственной и партийной власти, которые ориентировались на быстрый рост добычи нефти и газа, как для народного хозяйства страны, так и экспорта энергоресурсов на международный рынок. В 1960-е гг. партийное руководство Тюменской области неоднократно предлагало правительству наряду с обустройством нефтепромыслов создавать нефтеперерабатывающие и нефтехимические предприятия²⁴. Однако эти предложения долгое время оставались без внимания. Лишь в 1970-е гг. принято несколько правительственных решений о проектировании и строительстве Тобольского нефтехимического комбината. В 1986–1988 гг. органам государственного управления предлагался проект сооружения одновременно пяти крупных нефтегазохимических комплексов суммарной стоимостью более 20 млрд. долларов²⁵. Однако намеченные планы полностью выполнить не удалось. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс ориентировался на добычу и поставку необработанного углеводородного сырья.

На практике не получилось реализовать комплексный подход при создании социальной сферы ЗСНГК. С самого начала формирования нефтяной и газовой отраслей на Севере Западной Сибири наблюдалось сильное отставание в строительстве жилья и особенно других объектов социальной инфраструктуры: здравоохранения, культуры, коммунально-бытового обслуживания. Доля непроизводственной сферы в капитальных вложениях в 1960–1980-е гг. составляла лишь 12–15 %, или в 2–3 раза ниже, чем тратилось в обжитых районах страны. В Среднем Приобье в 1970-е гг. возникла ситуация, при которой по мере увеличения добычи нефти уменьшалась среднедушевая обес-

печенность населения жильем. С целью устранения такого положения в начале 1980-х гг. принимались меры по ускорению жилищного строительства. Однако они были реализованы далеко не в полном объеме²⁶.

Значительная часть населения в районах формирования ЗСНГК длительное время вынуждено ютилась в едва приспособленных для жилья помещениях, лишенных элементарных удобств. При огромном значении для страны продукции комплекса его труженики оказывались в более худших жизненных условиях, чем в любом другом регионе страны. В начальный период освоения Уренгойского месторождения примерно половина жителей Нового Уренгоя проживала в балках и вагончиках. Водители автомобилей, не имевшие места в общежитии, ночевали в кабинах машин²⁷. В 1981 г. в Надыме и Новом Уренгое на одного горожанина приходилось около 4 кв. м жилой площади. Обеспеченность объектами бытового и социального обслуживания составляла от 20 до 50 % к нормам²⁸. Запущенность культурно-бытовой сферы отражала недооценку роли человеческого фактора в хозяйственном развитии, существенно сказывалась на трудовом поведении работников, их настроении, социально-психологическом климате в трудовых коллективах и являлась одной из главных причин чрезмерного оттока новоселов, временами похожего на бегство, из районов нового хозяйственного освоения²⁹. В итоге нельзя не заметить, что нефтегазовый гигант создавался по образу и подобию индустриальных проектов предшествующего времени. Здесь допускались те же просчеты и ошибки, что и при реализации более ранних хозяйственных программ.

Относительно успешное формирование территориально-производственных комплексов Ангаро-Енисейского региона стало возможным в значительной мере благодаря технико-технологической модернизации, темпы которой заметно возросли с середины 1950-х гг. В ходе ее происходило быстрое изменение орудий, средств и содержания труда, характера производства. Все это давало основания руководству страны оценивать происходившие процессы как научно-техническую революцию.

Широкомасштабное освоение природных ресурсов Сибири велось на новой технической основе. Расширенное воспроизводство в регионе осуществлялось как за счет экстенсивных, так и интенсивных факторов. Для формирующихся территориально-производственных комплексов были запроектированы, а затем и построены гигантские промышленные объекты, ставшие флагманами в своих отраслях, не

только по масштабам выпуска соответствующих видов продукции, но и по состоянию производственного аппарата.

Мощность энергогенерирующих установок, возведенных на Ангаре и Енисее, значительно превышала показатели станций, сооруженных на реках европейской части СССР. В ходе последующих реконструкций они еще больше увеличивались. Установленная мощность первой крупной гидроэлектростанции Сибири – Иркутской ГЭС составляла 660 тыс. кВт, Усть-Илимской – 4,3 млн. кВт, Братской – 4,5, Красноярской – 6,0, и Саяно-Шушенской – 6,4 млн. кВт. Три последние последовательно сменяли друг друга как крупнейшие не только в СССР, но и в мире. Новые технические решения, совершенные для того времени гидроагрегаты, уникальный водный режим сибирских рек (прежде всего Ангары) обеспечили самую низкую в мире себестоимость произведенной энергии. В Центрально-Красноярском ТПК были сооружены самые мощные в стране тепловые электростанции: Назаровская (1,4 млн. кВт) и Берёзовская (6,4 млн. кВт) ГРЭС.

Лидерство в отрасли по своим производственным возможностям занимали по мере строительства и ввода в эксплуатацию Иркутский, Красноярский, Братский и Саянский алюминиевые заводы. Так, Братский алюминиевый завод создавался на основе самой совершенной серии электролизеров. Творчески работали и строители. За счет оригинальных решений они в десять раз сократили трудовые затраты по нулевому циклу³⁰. При возведении электролизных корпусов в значительно больших, чем ранее, масштабах использовались промышленные методы. Наличие в Управлении строительства БрАЗа хорошо развитой производственной базы позволило организовать отлаженный технологический поток. Уровень индустриализации строительства с 1965 г. по 1969 г. вырос с 48 до 87 %. Это способствовало значительному сокращению предусмотренных планом сроков ввода мощностей и быстрому их освоению. На монтаж корпуса электролиза здесь затрачивалось всего лишь три месяца. Мировая практика строительства ничего подобного не знала³¹. К сожалению, позднее при сооружении Саянского алюминиевого завода накопленный опыт не был использован. Строительство этого предприятия происходило гораздо медленнее.

На угольные разрезы Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса поступала самая современная техника и оборудование. Основная масса угля добывалась роторными экскаваторами. Всего лишь за десятилетие с 1960 г. по 1970 г. их выработка выросла в полтора раза. А в 1980-е гг. на разрезах действовали уникальные

образцы отечественного машиностроения. Только один роторный комплекс разреза «Бородинский» обеспечивал добычу 5 тыс. т угля в час. С каждым пятилетием на КАТЭКе увеличивался удельный вес роторной добычи. Уже в 1976–1980 гг. здесь этим способом получали три четверти угля³².

Множество новых технических решений было заложено при проектировании крупнейшего в мире Братского лесопромышленного комплекса и аналогичного комбината в Усть-Илимске. По используемой технике, технологии и организации производства в этом городе возникло самое совершенное в стране лесопромышленное предприятие. Комбинат проектировался с учетом высокой степени использования древесины (в лесопильном производстве – до 94 %, а в целлюлозном – до 98 %) и глубокой химической и механической переработки лесных материалов. Для сравнения отметим, что обычно достигаемая в те годы степень использования древесины не превышала 60–66 %³³. Впервые в мировой практике все основные цеха целлюлозного завода, насчитывающего 63 объекта, разместили в одном производственном здании размером 860х240 м, что снизило площадь застройки на 12 га, сократило капиталовложения на 900 тыс. руб., обеспечило значительную экономию строительных материалов, а при эксплуатации – воды и пара³⁴. Подобная компоновка завода, возведенного в районе с суровым климатом, способствовала созданию для эксплуатационников более благоприятных условий труда. С учетом последних научно-технических достижений модернизированы многие виды и отдельные узлы оборудования, что позволило усовершенствовать технологию производства важнейшей продукции.

По технической оснащенности все ведущие промышленные объекты Среднего Приангарья находились в числе передовых в стране. Комплексно механизированными предприятиями являлись Братский и Усть-Илимский лесопромышленный комплексы, хлебозавод и швейная фабрика в Братске, автоматизированными предприятиями – Братская и Усть-Илимская гидроэлектростанции.

Следовательно, техническая модернизация в районах нового промышленного освоения протекала более ускоренными темпами, чем в целом по стране. Этот процесс происходил как в промышленности, так и в строительстве. Большие масштабы инвестиционной деятельности становились возможными лишь при условии высокой технической оснащенности строительных организаций. В период пика строительно-монтажных работ на Братской ГЭС было задействовано 265 различных экскаваторов, 750 кранов, 405 бульдозеров, свыше 3500

автомашин общей грузоподъемностью 16,4 тыс. т.³⁵ Механовооруженность труда здесь оказалась почти на порядок выше, чем на более ранних аналогичных стройках: Куйбышевской, Новосибирской и Иркутской гидроэлектростанциях.

Столь же разительно от ранее построенных заводов отличалась техническая оснащенность новых промышленных предприятий. Всё это открывало возможности для более широкого использования квалифицированного труда. Производству требовалось значительно больше кадров с высоким общеобразовательным и профессиональным уровнем.

Новые трудовые коллективы формирующихся территориально-производственных комплексов в значительной степени комплектовались за счет молодежи, образовательный потенциал которой был выше, чем у представителей старших возрастных групп. Среди рабочих Братскгэсстроя в 1959 г. доля имеющих высшее и среднее (полное и неполное) образование составляла 65 %, тогда как в среднем по СССР (по данным переписи) среди занятого населения их удельный вес равнялся 40 %³⁶. И в целом в индустриальной сфере Братско-Усть-Илимского ТПК культурно-технический уровень работников значительно превышал средне-республиканские показатели. Похожее положение складывалось и в других осваиваемых районах Сибири. На предприятия и стройки с каждым новым пятилетием вливались более образованные работники. Если в 1973–1975 гг. – в первые годы существования Главсибтрубопроводстроя – доля имеющих образование ниже среднего составляла среди рабочих 63–66 %, то в 1985 г. – лишь 21 %³⁷.

Зачастую, уже поступив на предприятие или стройку, работники обнаруживали, что их знаний недостаточно, чтобы овладеть новой техникой, успешно адаптироваться к характеру и содержанию труда. Поэтому многие продолжали обучение в различных образовательных учреждениях. Для этого в новых городах создавались соответствующие условия. В Среднем Приангарье количество школ рабочей молодежи (ШРМ) с 1955 по 1980 г. выросло с 11 до 26, а численность учащихся в них увеличилась за этот же период в 11 раз и составила 9,5 тыс. чел. В районах нефте- и газодобычи также открывались десятки ШРМ, организовывались курсы для рабочих при средних общеобразовательных школах.

В ещё больших масштабах проводилось профессиональное обучение. Наиболее квалифицированные кадры рабочих поставляла производству система профессионально-технического образования. По-

этому в первые же годы формирования комплексов в них создавались учебные заведения для подготовки работников различных специальностей. И все же эта задача решалась с большими трудностями. Медленно развивалась сеть профтехучилищ в городах Братско-Усть-Илимского и Саянского ТПК, а позднее – в Среднем Приобье. Положение заметно улучшилось с конца 1960-х гг., когда в жизнь стали воплощаться решения целой серии правительственных постановлений, сделавших подготовку молодых рабочих в стационарных училищах одним из приоритетных направлений государственной кадровой политики. Районы нового промышленного освоения оказались даже в более выигрышном положении. Лишь в 1971–1975 гг. в Томской области количество профтехучилищ увеличилось с 28 до 34, а в Тюменской области – с 35 до 60. Примерно в тех же пропорциях выросла численность учащихся³⁸.

И всё же училищ в сибирских ТПК было создано меньше, чем требовалось для подготовки рабочих кадров. Поэтому большую их часть обучали непосредственно на производстве. Так, все крупнейшие сибирские энергостройки превратились в настоящие кузницы рабочих кадров. Большое значение обучению строителей уделяли в Братск-гэстрое. За 1956–1980 гг. в нем подготовили 136 тыс. новых рабочих более чем по 100 специальностям³⁹. С каждым пятилетием нарастали масштабы подготовки кадров на предприятиях и стройках ЗСНГК. В 1986–1990 гг. в целом по Тюменской области было обучено 503 тыс. новых рабочих, а свыше 3 млн. чел. повысили свою квалификацию⁴⁰.

Параллельно с ростом количественных показателей шло повышение качества подготовки кадров. Изменялось содержание программ, улучшалась материально-техническая база учебных комбинатов и отделов, совершенствовалась методика обучения. Всё это способствовало повышению профессионально-квалификационного уровня трудящихся. Например, на Назаровской ГРЭС с 1970 г. по 1987 г. удельный вес рабочих высокой квалификации (V–VI разряды) увеличился в 1,6 раза, а доля малоквалифицированных и неквалифицированных кадров сократилась в 3 раза⁴¹.

Следовательно, технико-технологическая модернизация в районах нового освоения происходила одновременно с социокультурной, что особенно явно проявилось в повышении общеобразовательного и профессионально-технического уровня трудящихся.

В целом можно констатировать, что в процессе разработки и реализации комплексных программ в Сибири в XX в. создан уникальный социально-экономический потенциал, который имеет общенациональ-

ное и мировое значение. Темпы роста промышленности Сибири опережали среднереспубликанские, непрерывно повышалась доля региона в основных производственных показателях страны.

Многие объективные и субъективные обстоятельства не позволили в полной мере реализовать замыслы ученых и государственных деятелей. Процессы заселения и обживания Сибири происходили главным образом в целях добычи полезных ископаемых и их первичной переработки. Сибирские ТПК специализируются почти исключительно на производстве сырья и полуфабрикатов. Многолетнее стремление местных властей обеспечить их более глубокую переработку не увенчалось заметным успехом. Это ещё в советское время определяло неэквивалентность обмена сравнительно дешевыми вывозимыми продуктами и ввозимыми в регион готовыми к потреблению товарами, техникой, оборудованием. В постсоветский период неэквивалентный разрыв в товарообмене стал ещё более выраженным, что усиливает «сырьевой характер» сибирской экономики. Одновременно продолжала углубляться диспропорция в социально-экономическом развитии между производственной и социально-бытовой инфраструктурой, что является самым острым противоречием освоения Сибири в XX столетии. Реализация крупнейших государственных индустриальных программ, безудержная эксплуатация природных ресурсов, строительство гигантских предприятий не принесли реального благополучия сибирякам. Промышленное освоение новых территорий Сибири и формирование ТПК происходило в рамках государственной системы, где человек рассматривался как трудовой ресурс, объект региональной политики в интересах развития производства.

И все же при наличии разительных противоречий создание территориально-производственных комплексов явилось крупнейшим достижением социалистической системы, результатом огромных инвестиций и самоотверженного труда миллионов людей, одним из ярких проявлений советской модернизации. В новом столетии они остаются опорными экономическими столпами современной России.

¹ Витте С.Ю. Собрание сочинений и документальных материалов. Т.1. Кн.2. Ч.1. С. 338-340.

² См.: *1 Сибирский* краевой научно-исследовательский съезд. Новосибирск, 1928; *Труды I* краевого энергетического съезда Западной Сибири.

Новосибирск, 1932; *Резолюции* I краевого энергетического съезда Западной Сибири. Новосибирск, 1932; *Труды Всесоюзной конференции по размещению производительных сил Союза ССР*. Т. 16. Ангара-Енисейская проблема. М., 1932.

³ *Александров И.Г.* Днепрострой. Развитие южного горнопромышленного района и Днепровское строительство. М., 1927.

⁴ *Александров И.Г.* Географические центры нового строительства и проблемы районных комбинатов. М.; Л., 1931.

⁵ *Александров И.Г.* Проблема Ангары. М.; Л., 1931. С. 91-96.

⁶ *Колосовский Н.Н.* Теория экономического районирования. М., 1969. С. 142-143.

⁷ Там же. С. 25.

⁸ *Колосовский Н.Н.* Перспективы использования энергии р. Ангары в связи с хозяйством Сибири // *Плановое хозяйство*. 1929. № 4. С. 253-256, 263-265.

⁹ *Колосовский Н.Н.* К итогам исследовательских работ по Ангарастрою // *Плановое хозяйство*. 1935. № 4. С. 143.

¹⁰ *Развитие* производительных сил Восточной Сибири: Районные и межрайонные комплексные проблемы. М., 1960. С. 14.

¹¹ Там же. С. 15-20, 183-184.

¹² *Кибальчич О.А., Степанов М.Н., Казанский Н.Н., Гусева В.Д.* Производственно-территориальные комплексы. М., 1970. С. 7-69.

¹³ *Развитие* и формирование территориально-производственных комплексов в СССР. М., 1978. С. 120.

¹⁴ *Тенденции* экономического развития Сибири (1961-1975 гг.). Новосибирск, 1980. С. 160-161; *Моделирование* формирования территориально-производственных комплексов. Новосибирск, 1976. С. 20.

¹⁵ *Чалов В.И.* Территориально-производственный комплекс. Проблемы формирования и управления. М., 1983. С. 43.

¹⁶ *Бандман М.К.* Территориально-производственные комплексы: теория и практика предплановых исследований. Новосибирск, 1980. С. 81; *Чалов В.И.* Территориально-производственный комплекс... С. 59; *Гуков В.П.* Предпланирование развития территориально-производственных комплексов // Научно-проектная подготовка развития ТПК. Новосибирск, 1982. С. 82. С. 7.

¹⁷ *Орлов Б.П.* Сибирь сегодня: проблемы и решения. М., 1974; *Попов В.Э.* Развитие и размещение тяжелой индустрии в Сибири. Кемерово, 1962; *Он же.* Проблемы экономики Сибири. М., 1968; *Сибирь* в едином народнохозяйственном комплексе. Новосибирск, 1980; *Очерки экономики Сибири*. Новосибирск, 1980; *Тенденции* экономического развития Сибири (1961-1975 гг.). Новосибирск, 1980; и др.

¹⁸ *Формирование* территориально-производственных комплексов Ангара-Енисейского региона. Новосибирск, 1975; *Вопросы* формирования Братско-Усть-Илимского ТПК. Новосибирск, 1977; *Проблемы* экономики Восточной

Сибири. Новосибирск, 1981; *КАТЭК* и развитие отраслей хозяйства Сибири. Новосибирск, 1984; и др.

¹⁹ *КПСС* в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Издание 9, доп. и испр. М., 1985. Т.11. С.164-166.

²⁰ *Долголюк А.А., Ильиных В.А., Ламин В.А., Пленкин В.Ю., Тимошенко А.И.* Сибирь: проекты XX века. Новосибирск, 2002. С. 148-229.

²¹ *Пашков Н.М.* Нефтегазовый комплекс Западной Сибири в системе народного хозяйства СССР // Тезисы сообщений V областной научно-практической конференции «Нефть и газ Западной Сибири». Тюмень, 1988. С. 96.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ См.: *Нефть и газ* Тюмени в документах. Свердловск, 1973. Вып. 1.

²⁵ *Западно-Сибирский* феномен. М., 2000. С. 25.

²⁶ *Орлов Б.П.* Сибирь: шаги индустрии. М., 1988. С. 78.

²⁷ *Уренгой* – факел юности. Свердловск, 1986. С. 135.

²⁸ *Орлов Б.П.* Сибирь: шаги индустрии. С. 79

²⁹ *Алексеев В.В., Логунов Е.В., Шабанов П.П.* Опыт решения кадровых проблем в нефтегазовом строительстве Сибири. Свердловск, 1987. С. 136-168.

³⁰ *Свет Ангары.* Очерки истории ордена Ленина и ордена Октябрьской революции специального управления Братскгэсстрой. Иркутск, 1980. С. 266.

³¹ *Аганбегян А., Ибрагимова З.* Сибири не понаслышке. М., 1984. С. 170.

³² *Социально-экономические* проблемы научно-технического прогресса в сибирской индустрии (1950–80-е гг.). Новосибирск, 1990. С. 126.

³³ *Непорожний П.С.* Гидроэнергетика Сибири и Дальнего Востока. М., 1979. С. 42.

³⁴ *Шпак В.М.* Стратегия поиска. М., 1981. С. 15.

³⁵ *Алексеев В.В.* Электрификация Сибири. Историческое исследование. 1950–1970 гг. Ч. 2. Новосибирск, 1976. С. 77.

³⁶ *Долголюк А.А.* Формирование трудовых коллективов Братско-Усть-Илимского ТПК. 1955–1980. Новосибирск, 1988. С.119.

³⁷ *Алексеев В.В., Логунов Е.В., Шабанов П.П.* Опыт решения кадровых проблем в нефтегазовом строительстве Сибири. С. 83.

³⁸ *Пашков Н.М.* Деятельность партийных организаций Западной Сибири по созданию и развитию нефтегазового комплекса. 1964–1980 гг. Томск, 1988. С. 93.

³⁹ Рассчитано по данным годовых отчетов учебного комбината Братскгэсстрой.

⁴⁰ *Ямал* в панораме Российской истории. Салехард–Екатеринбург, 2004. С. 169.

⁴¹ *Социально-экономические* проблемы научно-технического прогресса. С. 128

В.И. Исаев.

**МИГРАЦИЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ КАК ОСНОВА
ФОРМИРОВАНИЯ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА УРАЛО-КУЗНЕЦКОГО
ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА В ГОДЫ
ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ.***

Одним из важнейших проектов формирования территориально-производственных комплексов в советское время стала попытка объединения ресурсов двух обширных регионов – Урала и Сибири, которая привела к созданию Урало-Кузнецкого комбината (УКК). В историографии советской России и Сибири формированию УКК посвящено значительное число научных трудов¹. В основном в литературе рассматривались проблемы проектирования и промышленного развития УКК в рамках создания второй угольно-металлургической базы в СССР. В меньшей степени изучались социальные аспекты развития территории Урало-Кузнецкого промышленного комплекса, материально-бытового положения рабочих и служащих. В частности, очень слабо изучены проблемы использования трудовых ресурсов урало-сибирского региона, формирования трудовых коллективов предприятий УКК.

Исследователи, изучавшие проблемы создания УКК, приходят к выводу, что в условиях форсированной индустриализации урало-сибирского региона проблемы обеспечения предприятий УКК рабочей силой решались в основном за счет притока мигрантов из уральской и сибирской деревни. В настоящей статье мы рассмотрим некоторые аспекты этой большой проблемы на материалах Сибири, включив в поле исследования причины и мотивы, по которым значительная часть крестьянского населения в данный период стремилась оставить занятия сельским хозяйством и влиться в ряды рабочего класса. Также мы попытаемся выявить некоторые черты социально-психологического облика сельских мигрантов, пополнявших состав городского населения на начальном этапе создания УКК, который приходится на годы первой пятилетки (1928–1932). Происходившая трансформация социального облика сельского населения во многом обусловила изменения общественного сознания и сопровождала массовую миграцию в город, где вчерашние крестьяне, прежде всего, вливались в состав промышленных рабочих. Источниками освещения обозначенных проблем послужат архивные и опубликованные материалы партийных,

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 10-01-00296а

советских и комсомольских органов Сибири, а также материалы профсоюзов; некоторые сведения извлечены из опубликованной в те годы литературы.

В российской исторической науке постсоветского времени при исследовании кардинальных трансформаций российского общества и государства в XX в. прочно утвердилась концепция модернизации, перехода от традиционно-аграрного к индустриально-урбанистическому обществу. Будучи перенесенной на нашу почву с Запада, концепция модернизации привлекает исследователей тем, что позволяет преодолеть прежние политизированные подходы к истории России. Напомним, что в советской литературе все социальные трансформации, происходившие в стране после 1917 г., рассматривались только в рамках строительства социализма, при этом «социалистическая» индустриализация по оценке советских ученых коренным образом и в лучшую сторону отличалась от процессов формирования индустриального общества в европейских странах.

К началу первой пятилетки Сибирь оставалась по преимуществу аграрным регионом, в котором подавляющее большинство населения вело традиционный крестьянский образ жизни. Развернувшаяся индустриализация Сибири, в частности, начальный этап формирования УКК, резко обнажили проблему острого недостатка рабочих рук для вновь строившихся предприятий, которую необходимо было решать форсированными темпами.

Для решения этой проблемы партийные и советские органы Сибири поставили задачу вовлечения в промышленное производство большого количества новых рабочих. Слабая степень урбанизированности сибирского региона, в котором доля городского населения едва превышала 10 %, означала, что людские ресурсы городов не способны обеспечить соответствующие темпы роста рабочего класса². В условиях подавляющего преобладания в структуре населения восточных районов СССР доли крестьянства, задача обеспечения рабочей силой Урало-Кузнецкого промышленного комплекса могла быть решена только за счет массовой миграции сельского населения в город.

Основным источником формирования кадрового потенциала предприятий УКК должно было стать население уральской и сибирской деревни. Поэтому необходимо было инициировать и направить поток мигрантов из сельской местности урало-сибирского региона в города.

Следует отметить, что стремление некоторой части сельского населения Сибири перебраться на жительство в города наблюдалось и до рассматриваемого периода, во второй половине XIX – начале XX вв.

Оно было обусловлено разницей в материальном положении сельского и городского населения, более благоприятными условиями и широкими перспективами городской жизни, представлявшимися заманчивыми для неудачливых или, напротив, наиболее предприимчивых жителей сибирских деревень. Вместе с тем данные о движении населения показывают, что до конца 1920-х гг. уезжала в город относительно небольшая часть сельского населения. Основная масса крестьянства была прочно привязана к земле и не мыслила своего существования вне деревенского мира.

Миграция сельского населения Сибири в города в широких масштабах развернулась на фоне свертывания НЭПа в конце 1920-х гг. Резкое усиление миграционного потока из села в город было обусловлено изменявшейся политической и социокультурной ситуацией в советском обществе: статус горожанина становился все более выгодным и приоритетным по отношению к статусу сельского жителя. При этом психологическое давление на население деревни оказывала вся общественно-политическая атмосфера, складывавшаяся в СССР после объявленного партийным руководством страны «наступления социализма по всему фронту».

В традиционном сибирском обществе в представлениях большинства людей их жизнь и помыслы были неразрывно связаны с крестьянским хозяйством и жизнью в деревне. Однако с принятием большевистской партией курса на коллективизацию единоличное крестьянское хозяйство по существу было объявлено атрибутом прошлого, подлежащим в скором времени полной ликвидации. В картине светлого будущего, которую старалось внедрить в сознание людей мощная машина партийно-государственной пропаганды, ведущее место в советском обществе должно было принадлежать рабочим, которым предстояло жить в прекрасных социалистических городах.

Крестьянство и сельский образ жизни в этой воображаемой картине социалистического будущего оттеснялись на задний план. Единственным оправданием и смыслом дальнейшего существования крестьянства становилось его объединение в крупные хозяйства, которые должны будут обеспечивать продуктами питания и сельскохозяйственным сырьем городское население и социалистическую промышленность.

Отказ от принципов НЭПа и переход к методам административного давления на крестьянство в ходе хлебозаготовительных кампаний 1928/29 гг., а также последовавшее затем развертывание наступления на кулака и принудительная коллективизация сельского хозяй-

ства породили дискриминацию и разгул насилия по отношению к крестьянству по всей стране, в том числе и в Сибири. Органам местной власти сверху «спускались» задания по ускоренному выполнению плана хлебозаготовок, а затем и по форсированному проведению коллективизации крестьянских хозяйств и развертыванию кампании «раскулачивания». Их выполнение для работников местных органов управления было делом чести и гарантией сохранения служебных постов.

При этом все в большей мере распространенным способом решения поставленных задач становились репрессии против крестьянства, имевшие цель запугать его и заставить подчиниться проводимому большевистской партией курсу. Значительная часть крестьянства в глазах руководителей партийно-государственного аппарата представляла в роли тормоза на пути прогрессивных преобразований. Не случайно из уст некоторых большевистских публицистов звучали в это время довольно оскорбительные высказывания в адрес крестьянства: в частности, расхожим выражением стало обозначение крестьянства как мелкобуржуазного класса, который в перспективе должен сойти с исторической арены как и другие реакционные классы буржуазного общества. Впрочем, антикрестьянская позиция коммунистических радикалов лишь в крайней форме отражала то, что думали многие коммунисты, но предпочитали не произносить вслух по политическим соображениям.

В 1930 г. складывавшееся в общественном сознании населения СССР представление о приоритетности положения рабочего или служащего, да и вообще городского жителя по сравнению с крестьянином было весьма своеобразно подтверждено и усилено развернувшейся насильственной коллективизацией. Оказавшись перед перспективой лишения собственного хозяйства либо в результате раскулачивания, либо в результате его обобществления, передачи колхозу, значительная часть крестьян предпочла вообще порвать с деревней и перебраться в город. Правда, во многих случаях это был не нормальный переезд, а паническое бегство.

Складывавшийся в общественном мнении приоритет рабочего класса и городского образа жизни отражался, прежде всего, в ориентациях и жизненных планах молодого поколения деревни. Так, по данным опроса, проведенного в 1928 г. в одной из сельских комсомольских организаций Тарского округа среди комсомольцев, уже имеющих крестьянское хозяйство или являвшихся основным работником в семье, только 48 % предполагали в будущем продолжать работать в сельском хозяйстве, 26 % надеялись поступить на учебу, а затем стать

советскими служащими, 15 % ставили себе целью просто переезд в город, еще около 11 % собирались овладеть каким-либо ремеслом, следовательно также предполагали порвать с сельским хозяйством³.

Таким образом, даже среди тех молодых людей, которые уже фактически заняли свое место в деревенском обществе, сохранялась высокая потенциальная мобильность, ориентация на изменение своей будущей деятельности в пользу города. Еще более высокой была степень потенциальной социальной мобильности среди сельских подростков, только выбиравших свою судьбу. По данным некоторых опросов, проводившихся в конце 1920-х гг. среди сельских школьников Сибири, до 80 % из них связывали свое будущее с жизнью в городе⁴.

Приведенные данные, возможно, нельзя считать достаточно репрезентативными, отражающими всю гамму настроений сибирской молодежи, так как они являлись результатами довольно узкого и не совсем профессионального анкетирования. Однако, как показывают и другие источники, в целом подобные оценки верно отражали ведущую общую тенденцию. В сложившихся условиях значительная часть крестьян действительно стремилась перебраться из деревни в город.

Можно сделать вывод, что сама реальная жизнь формировала у сельской молодежи антикрестьянские ориентации конкретными примерами всестороннего давления Советского государства на крепкое крестьянское хозяйство. Под тяжким прессом налогов и моральной дискредитации менялись убеждения и позиции даже бывших приверженцев коммунистической идеологии. Так, бывший организатор и секретарь комсомольской ячейки в с. Старомихайловка Новосибирского округа Цветков, заработав денег на подработках в городе, к концу 1920-х гг. существенно расширил свое крестьянское хозяйство, обзавелся 4 лошадьми, 6 коровами, 10 овцами, сельхозмашинами. Но такой рост единоличного крестьянского хозяйства вступал в противоречие с политико-идеологическими ориентирами советской власти. В результате хозяйство Цветкова было обложено дополнительным налогом. Теперь бывший комсомольский вожак стал публично возмущаться политикой большевистской партии: «Советская власть грабит мужика хуже Колчака»⁵. В сложившейся ситуации Цветков, успешно попробовавший себя в качестве городского работника, был вынужден ориентироваться на переезд в город.

Развернувшееся «раскулачивание» наиболее успешных крестьян окончательно убедило подраставшее поколение сельского населения, что прежняя перспектива создания собственного крепкого хозяйства

становилась не только непривлекательной, но и опасной. Неизбежным следствием такой ситуации становилось стремление значительной части сельской молодежи покинуть деревню, переехать в город.

У сельской молодежи складывался своеобразный комплекс социальной неполноценности, приводящий к маргинальности сознания. К тому же молодежь оказывалась в незавидном положении, как бы между двух огней. С одной стороны, старшее поколение требовало от молодежи помощи, поддержки, а в будущем принятия на себя функций хозяина и работника в крестьянском хозяйстве. С другой стороны, государственная пропаганда внушала молодежи, что прекрасное будущее связано с рабочим классом, с городом. Для многих сельских подростков выход из этой психологически некомфортной ситуации виделся в разрыве со своими корнями: крестьянской семьей, деревней. Переезд в город давал им шанс для занятия социально привилегированной позиции в рядах рабочего класса – передового отряда строителей социализма.

Подобные настроения порождали отчуждение молодежи от своих родителей, вызывали у подростков ощущение досады на свое крестьянское происхождение. Как верно отмечает историк В. Булдаков в своей известной работе о красном терроре, «в деревне подрастало поколение, которое ненавидело крестьянский быт»⁶.

Оценивая изменения ориентаций сельской молодежи в общем контексте преобразований, происходивших в рассматриваемый период, можно сделать вывод, что процесс перемещения населения в город был в определенной мере искусственно форсирован за счет мощного выдавливания крестьян из села. Все это и проявилось в стремлении сельской молодежи к переезду в город, в жизненных стратегиях молодых людей, не желающих связывать свое будущее с «отживающим классом мелких собственников».

Переезд в город связывался в сознании сельских мигрантов с надеждой на улучшение условий жизни. Но на самом деле огромные массы сельского населения, устремившиеся в город, создавали повышенную конкуренцию в борьбе за рабочие места и карьерное продвижение, что, в конечном итоге, приводило и в городе к низкому уровню жизни и бесправному положению людей. Большинство мигрантов оказывались в составе пополнений персонала промышленных предприятий, занимая самые низко оплачиваемые места, не требовавшие квалификации.

С одной стороны, движение население из села в город отвечало потребностям проведения индустриализации, обеспечивая быстрый

рост рабочего класса. Значительная часть сельского населения в первые годы коллективизации переместилась в город. Так, за период с 1929 по 1933 гг. население городов Западной Сибири выросло в два раза, причем этот рост обеспечивался в основном за счет сибирской деревни⁷.

В общем пополнении населения городов Западной Сибири, бывшем в течение 1926–1937 гг., мигранты из сельской местности составили 68,5 %. При этом доля выходцев из других несибирских территорий составила только около 20 %, в основном поток переселенцев шел из сибирских деревень⁸.

По данным профсоюзной статистики на промышленных предприятиях Западной Сибири в 1930 г. в составе новых рабочих выходцы из крестьян составили 80 %, в 1931 г. – 88 %, в 1931 г. – 85 %. Особенно высока была доля выходцев из села на стройках новых индустриальных гигантов. На строительстве КМК доля крестьян в пополнении трудового коллектива достигала в эти годы 90 %. В целом за годы первой пятилетки около 80 % новых пополнений рабочего класса Сибири приходило из деревни, в годы второй пятилетки этот показатель снизился, но, тем не менее, деревня давала около половины новых рабочих⁹.

Наряду со стихийным движением сельского населения в город партийно-советское руководство в соответствии с принципами планового хозяйства пыталось внести государственное регулирование в этот процесс. Об этом, в частности, свидетельствуют попытки руководящих органов Сибири проконтролировать и отрегулировать потоки миграции, предпринимавшиеся в ходе интенсивного перемещения населения из села в город.

Так, ярким примером дискриминационных действий партийных и государственных органов Сибири по отношению к крестьянству стало преследование определенной части сельских жителей за переезд, а по существу бегство из деревни в город, ставшее особенно массовым с развертыванием коллективизации и «раскулачивания».

Дело в том, что в условиях мощного налогового пресса на зажиточных крестьян многие из них предпочитали раздробить свое хозяйство или вообще ликвидировать его и уехать в город. В 1929 г. Сибкрайкомом ВКП(б) и Сибкрайисполкомом перед правоохранительными органами Сибирского края была поставлена задача бороться с массовым и незаконным по их мнению переездом крестьян, стремившихся найти себе место жительства в городе. Краевой суд и краевая прокуратура в начале 1930 г. разослали на места циркулярное пись-

мо, разъясняющее правоохранительным органам способы борьбы с этим бегством.

Беглых крестьян предлагалось квалифицировать как уклоняющихся от исполнения государственных обязанностей, а именно: от уплаты налогов, в частности, от выполнения так называемых «твердых заданий». Соответственно предлагалось привлекать «беглых» крестьян к уголовной ответственности по ст.61 ч.3 УК РСФСР. Правда, в отношении бедняков и середняков предлагалось ограничиться мерами общественного воздействия или административными мерами согласно части первой ст.61. Таким образом, органы власти пытались по существу незаконно присвоить себе право наказывать крестьян за несанкционированное переселение в город¹⁰.

В действительности же большинство таких крестьянских семей просто вынуждены были бежать со своего привычного места проживания. Можно считать, что с точки зрения конституционного порядка и нормального понимания прав человека эти крестьяне воспользовались своим правом на свободу передвижения и выбор места жительства. Излишне напоминать, что в советской конституции такие права граждан были гарантированы. Но у советского государства к этому времени был накоплен большой опыт объявления преступниками людей, действия которых шли вразрез с линией партии. Поэтому власти нашли очень простой выход: обвинять крестьян, переехавших таким образом в город, в уклонении от выплаты налогов. Это грозило виновным лишением свободы на срок от трех и выше лет с конфискацией имущества.

В своем циркуляре от 15 ноября 1931 г. Западно-Сибирский краевой суд еще раз разъяснил местным судам, что бегство единоличников – «твердозаданцев» в город должно рассматриваться как правонарушение, имеющее политический характер. В циркуляре была поставлена задача изучить данное явление, выявить состав беглых крестьян, обеспечить меры розыска и наказания¹¹.

Однако подобные заградительные меры не могли существенно регулировать стихию массового исхода сельского населения в города. Сельское население по существу, как принято говорить, «голосовало ногами» против сложившейся в советском государстве политики давления на крестьянство, навязывания ему принятых большевистской партией ориентиров и ценностей.

Необходимый и неизбежный процесс перемещения сельского населения в города, обеспечивавший рост рядов рабочего класса, имел наряду с положительными сторонами и серьезные недостатки. Сель-

ские мигранты существенно снижали социальные характеристики и качества, присущие классическому пролетариату. Большинство мигрантов приходило из деревни, не имея ни соответствующего образования, ни навыков городской жизни. Иначе говоря, они не готовы были стать настоящими пролетариями, способными бороться за приемлемый уровень оплаты труда, достойный образ и уровень жизни. Получив в городе возможность хоть каким-то образом обеспечить собственное существование, а также и своей семьи, «беглые» крестьяне были весьма непритязательны к условиям быта и уровню оплаты. (О крайне низком уровне жизни, в частности, бедственном жилищном положении рабочих Сибири, нами было уже много сказано в предыдущих публикациях, поэтому в целях экономии места в данной статье мы не будем рассматривать этот чрезвычайно важный аспект всей темы)¹².

Пополнение рабочего класса за счет крестьянства формировало маргинальный слой «индустриальных новобранцев», которых отличал от настоящих пролетариев неустоявшийся образ жизни и неукорененность на новом месте, приводившая к постоянной текучести кадров. По данным отдела кадров КМК в первые годы существования комбината текучесть приближалась к 100 %, таким образом, в течение года почти полностью обновлялся состав трудового коллектива. Такая же картина наблюдалась и на Урале. Так, по данным о движении населения в Магнитогорск в 1931 г. прибыло 116,7 тыс. чел., в то же время выбыло 103,3 тыс. чел. По сведениям отдела кадров Магнитогорского металлургического комбината текучесть на предприятии в 1931 г. составила 70,9 %¹³.

Маргинальное состояние переселенцев проявлялось и в том, что многие новые рабочие, будучи на постоянной основе занятыми в промышленном производстве, продолжали считать себя крестьянами. Так, по данным опроса в феврале 1931 г. на Кузнецкстрое из общего количества опрошенных – 13573 человека, лишь 6353 считали себя рабочими (46,9 %), продолжали считать себя крестьянами – 7220 (51,4 %)¹⁴. Многие переселенцы из села продолжали и в городе сохранять многие черты крестьянского уклада жизни.

Новые пополнения рабочего класса, состоявшие из малограмотных крестьян, существенно ухудшали характеристики его культурно-технического уровня. Так, по данным профсоюзной переписи в 1932–1933 гг. около 37 % новых рабочих металлургической промышленности были неграмотны или имели только начальные навыки чтения¹⁵. В значительной мере этим и объясняется тот факт, что, не-

смотря на широкие масштабы развернутой в годы первой пятилетки культурно-просветительной работы, показатели культурно-технического уровня рабочих Сибири оставались на прежнем уровне, а в отдельные периоды даже снижались. Так, за годы первой пятилетки уровень грамотности рабочих в целом по промышленности Сибири снизился, доля неграмотных составляла почти четверть состава рабочего класса¹⁶.

По мере перехода от начальной стадии строительства предприятий УКК, когда использовалась в основном неквалифицированная рабочая сила к наладке и пуску производства, низкий культурно-технический уровень новых пополнений рабочего класса начинал по существу тормозить дальнейшее развитие социалистической промышленности. Заостряя внимание на этой проблеме, газета «Уральский рабочий» писала: «Мы имеем перед глазами печальный опыт одной из крупнейших строек Советского Союза. Сталинградский тракторный гигант, построенный большевистскими темпами не сумел параллельно со стройкой разрешить проблему кадров, став при пуске завода перед фактом отсутствия необходимой квалифицированной рабочей силы»¹⁷.

Разумеется, проблема качества прибывавшей на предприятия УКК рабочей силы достаточно остро ощущалась уже в первые годы формирования промышленного комбината. Необходимость скорейшей переплавки вчерашних малограмотных крестьян в квалифицированных рабочих требовала колоссальных сил и внимания со стороны государства и общественности. Так, 19 января 1931 г. газета «Уральский рабочий», пытаясь привлечь должное внимание к проблеме качества приходившей на предприятия УКК рабочей силы, выступила со статьей с характерным названием: «Урало-Кузнецкому комбинату подготовить крепкие кадры строителей социализма»¹⁸. В статье констатировалось: «ЦК ВКП (б), придавая исключительное значение созданию на востоке угольно-металлургической базы, считает, что одним из важнейших условий создания этого угольно-металлургического центра является успешное разрешение проблемы подготовки хозяйственных и технических кадров. ... Осуществление урало-кузнецкой проблемы ... невозможно без форсированной подготовки хозяйственных и технических кадров. В настоящее время с предельной остротой стал вопрос об обеспечении строящихся на Урале гигантов социалистической индустрии необходимыми квалифицированными кадрами».

Для пополнения рабочего класса партийные и государственные органы разрабатывали и применяли все новые способы, одним из ко-

торых стал организованный набор рабочей силы. В 1931 г. вербовка отдельных людей была заменена привлечением целых коллективов согласно разработанной в государственном масштабе системы договорных обязательств между колхозами и промышленными предприятиями на поставку рабочей силы. В результате таких договоров конкретный человек оказывался как бы в стороне от решения своей судьбы, он становился кадром, трудовым ресурсом, в административно-приказном порядке по особым нарядам направлялся на предприятия и стройки народного хозяйства. Согласно договорам колхозы направляли рабочих, которые должны были отработать без увольнения назначенный срок, а стройки и предприятия в свою очередь оказывали помощь колхозам в ремонте машин, обеспечении механизмами и материалами, организовывали подготовку из колхозной молодежи квалифицированных кадров. С 1931 г. договоры с колхозами стали обеспечивать самый большой процент притока рабочих.

В первой половине 1930-х гг. была создана постоянно действовавшая система организованного пополнения рабочей силой предприятий промышленности. Так, 19 сентября 1932 года Запсибкрайком ВКП(б) издал постановление «О вербовке рабочей силы для Кузнецкстроя», в соответствии с которым была развернута работа по организованному набору колхозников для работы в промышленности¹⁹. В декабре 1933 года Запсибкрайисполком принял постановления «О порядке вербовки рабочих» и «О закреплении районов вербовки и рабгужилы на 1934 год»²⁰. В принятых решениях предусматривалось, что промышленным организациям и стройкам края необходимо осуществить в 1934 г. вербовку 234,5 тысяч человек.

Однако стремление к регулированию не могло преодолеть стихийность процессов общественной жизни. Так, за первую половину 1934 года в промышленность Сибири должны были быть завербованы 199637 новых рабочих, в действительности оргнабор позволил привлечь только 105228 человек, т.е. 53,4 % плана²¹.

В целом в составе новых работников промышленных предприятий Западной Сибири в 1932 г. 36 % было принято в порядке оргнабора, а уже в 1933 г. доля принятых по оргнабору достигла 86 %²².

Подводя некоторые итоги рассмотрения темы, можно сделать вывод, что в процессе индустриализации произошло ускоренное, во многом вынужденное и болезненное перемещение значительной части сельского населения в город. По данным Всесоюзной переписи 1926 г. только 12,8 % населения Сибири проживало в городах, а в 1939 г. аналогичный показатель достиг уже 31,3 %²³.

Таким образом, происходил ускоренный процесс урбанизации Сибири, включения многочисленных мигрантов из деревни в рабочий класс социалистического общества. Вовлечение больших масс сельского населения в промышленное производство сопровождалось усиленным внедрением в сознание народа коммунистической идеологии. Масштабное переселение сельских жителей в город, развернувшееся в процессе проведения индустриализации, преподносилась партийно-государственной пропагандой в СССР как важнейшее достижение в строительстве нового социалистического общества.

Однако сегодня, наряду с признанием грандиозного подвига народа, сумевшего в относительно короткие по историческим меркам сроки превратить Россию в мощную индустриальную державу, мы должны видеть и другую сторону медали. Настала пора открыто сказать, что в ходе советской индустриализации наряду с позитивными изменениями проходили процессы разорения и обнищания значительных масс сельского населения, насильственного вытеснения его в город.

Стремление сельских мигрантов влиться в ряды передового класса строителей социализма было обусловлено целым рядом стимулов. Но в качестве ведущих преобладали все-таки элементарные проблемы выживания, которые возникли в процессе насильственной коллективизации и разорения деревни.

Бежавшие со своих обжитых мест вчерашние крестьяне плохо ориентировались в новом для них городском мире. Перспектива остаться без работы, а значит и без куска хлеба, без места в новом обществе, пугала их больше всего. В отличие от отходников досоветского времени и периода НЭПа у них не было тыла, куда они могли бы отступить. Поэтому, зацепившись за любое рабочее место на промышленных предприятиях и стройках социализма, люди мирились с низким уровнем оплаты труда, бытовыми трудностями, диктатом партийных и профсоюзных начальников.

Во многом названные процессы живо напоминают печальные явления становления индустриального общества в странах Запада. Уместно здесь вспомнить, что в качестве одной из негативных характеристик становления индустриального общества в странах Запада в советской научной литературе обычно подчеркивалось обнищание и разорение сельского населения, его выталкивание в город и превращение в пролетариат. Разумеется, в Советском Союзе, по утверждению советских историков, ничего похожего не было и быть не могло. А массовое перемещение населения СССР из села в город проходило

организованно, под руководством большевистской партии, и давало только положительные результаты.

В настоящее время историкам предстоит более объективно рассмотреть и оценить процессы модернизации в нашей стране, проходившие в советский период, в том числе, процессы индустриализации и урбанизации, определявшие массовые миграции сельского населения в город. Поэтому, по нашему мнению, назрела необходимость в проведении масштабных сравнительно-исторических исследований по тематике модернизации в России в плане ее сравнения с модернизацией в других странах.

¹ См. более подробно: *Московский А.С.* Разработка Урало-Кузнецкой проблемы. // Разработка проблем промышленного освоения Сибири. Новосибирск. 1992. С.4-33; *Корнилов Г.Е.* Урало-Кузбасс в отечественной и зарубежной историографии. // Урало-Кузбасс в экономической стратегии первой половины XX века. Сб. статей. Екатеринбург, 2009. С. 9-17.

² *Население Западной Сибири в XX в.* Новосибирск, 1997. С.23-25.

³ *Российский* гос. архив социально-политических исследований. 3 зал. Далее: (РГАСПИ-3) Ф. 1. Оп. 23. Д. 840-в. Л. 95-97.

⁴ ГАНУ. Ф. п-188. Оп.1. Д.921. Л. 54-56.

⁵ РГАСПИ -3. Ф. 1. Оп. 23. Д. 840-в. Л. 107.

⁶ *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 265.

⁷ *Население Западной Сибири в XX в.* С. 24.

⁸ Там же. С.95.

⁹ *История рабочего класса Сибири. Рабочий класс Сибири в период строительства социализма. 1917–1937.* Новосибирск, 1982. С.235.

¹⁰ ГАНУ. Ф. р-1027, Оп.6, Д.16, Л.12.

¹¹ Там же. Л.18.

¹² См. например: *Исаев В.И.* Коммуна или коммуналка? Изменения быта рабочих Сибири в годы индустриализации. Новосибирск, 1996; *Букин С.С., Исаев В.И.* Жилищная проблема в городах Сибири (1920–1960-е гг.) Новосибирск, 2009.

¹³ *Магнитогорск* в цифрах. Магнитогорск, 1932. С. 246.

¹⁴ ГАНУ. Ф. р-233. Оп.1. Д.595. Л.6.

¹⁵ *Московский А.С.* Рост культурно-технического уровня рабочих Сибири. 1920–1937 гг. Новосибирск, 1979. С.81.

¹⁶ *Московский А.С., Аитов Н.Х.* Изменения в общеобразовательном уровне рабочих Сибири в период социалистической индустриализации. // Культура

и быт рабочих Сибири в период строительства социализма. Новосибирск, 1980. С.42-43.

¹⁷ *Уральский рабочий*. 1931. 19 янв.

¹⁸ Статья опубликована в кн.: *Урало-Кузбасс в экономической стратегии первой половины XX века*. Сб. статей. Екатеринбург, 2009. С. 323-325.

¹⁹ ГАО. Ф. р-981. Оп.1. Д.73. Л.91

²⁰ ГАО. Ф.р-12. Оп.3. Д.276. Л.27-29.

²¹ Там же. Л.224.

²² *Население Западной Сибири в XX веке*. С.95

²³ *Урбанизация советской Сибири*. Новосибирск, 1987. С.35.

Р.Е. Романов

**ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ РАБОЧИХ АВИАЦИОННОЙ ОТРАСЛИ
ОБОРОННО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА СИБИРИ
НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(1937–1945)***

В предвоенное время и в военных условиях одной из характерных тенденций социально-экономической жизни сибирских городов являлось интенсивное формирование новых отрядов индустриальных рабочих. Оно было связано с созданием и функционированием в регионе оборонно-промышленного комплекса, в частности его первой действующей отрасли – авиационной¹. Налаживание и развитие в крае производства самолетов способствовало широкому притоку в данную сферу индустриальной экономики трудовых ресурсов. Вовлечение в нее значительных людских масс, особенно в условиях войны, вело к быстрому изменению количественного состава работников крупных предприятий самолетостроения. Данный процесс оказывал существенное влияние на формирование всего производственного персонала оборонной промышленности Сибири. В связи с этим особую актуальность приобретает изучение динамики численности рабочих авиационных заводов края в предвоенные и военные годы.

В отечественной историографии детальное изучение проблемы трансформации количественных характеристик кадрового потенциала оборонно-промышленного комплекса СССР накануне и в годы войны

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 10-01-00296а

стало возможным только в 1990-е гг. В это время началось введение в научный оборот огромного массива рассекреченных архивных документов, в которых отражены статистические показатели деятельности отраслей и предприятий военного производства, в том числе самолетостроения. На их основе впервые динамика общей численности работников заводов, относившихся к отдельным наркоматам оборонной промышленности, была реконструирована в монографии Н.С. Симонова². В частности, в ней показаны изменения в количественном составе советских авиастроителей с 1939 по 1945 г. Однако автор привел только сводные данные по производственному персоналу авиационной индустрии, не выделив его отдельные категории – рабочих, ИТР и служащих. Динамика кадрового состава этой военно-промышленной отрасли, как и всех остальных, рассматривалась на общесоюзном уровне без учета ее региональной специфики.

К началу XXI в. проблема численности труженников оборонной индустрии в рассматриваемый период стала актуальной для исследователей, изучающих исторический опыт ее создания и развития на примере восточных районов России. Данная тематика нашла отражение и в современной историографии сибирского ВПК. В ней, прежде всего, выявлено количество рабочих на предприятиях оборонно-промышленного комплекса, действовавших в годы войны в регионах Сибири. Проанализирован их численный состав на отдельных авиационных заводах края. Например, в монографии Н.П. Шуранова реконструированы количественные изменения в заводских коллективах самолетостроителей западносибирского тыла³. Более детально этот аспект изучен И.М. Савицким на материалах Новосибирской области⁴. Отдельные данные о количестве трудящихся авиапредприятий Восточной Сибири приведены в трудах Н.И. Пузевича, В.Н. Шевченко, Н.В. Пахомовой⁵. В целом динамика численности рабочих самолетостроения сибирского тыла в силу ее фрагментарного рассмотрения недостаточно исследована в научной литературе. Данная проблема характерна также для историографии оборонной промышленности и ее остальных отраслей.

Еще менее изученным остается вопрос о количестве трудящихся, занятых в сибирском авиастроении накануне войны. В последние годы в историографии появились отдельные работы, посвященные анализу формирования рабочих кадров оборонного производства Новосибирска во второй половине 1930 – начале 1940-х гг.⁶ В частности, в них выявлены изменения численности основной категории производственного персонала авиационного завода им. Чкалова. Следовательно, в

рамках предвоенного периода изучаемая тематика стала пока лишь предметом первых специальных исследований, проведенных на локальном уровне.

Таким образом, к настоящему времени проблема количественных изменений в составе рабочих оборонно-промышленного комплекса Сибири, в том числе авиастроителей, накануне и в годы Великой Отечественной войны относительно слабо изучена в отечественной историографии. В ней пока не даны ответы на вопросы о том, какова была численность трудящихся оборонной индустрии региона в целом и ее отдельных отраслей, насколько она изменилась в военное время по сравнению со второй половиной 1930-х гг. Решение этих задач требует глубокого анализа и обобщения большого массива количественных данных, содержащихся, прежде всего, в архивных документах военно-промышленных наркоматов СССР⁷. В статье впервые в научный оборот вводятся статистические материалы Наркомата авиационной промышленности (НКАП), позволяющие реконструировать количественный состав работников отрасли в масштабах всей Сибири в 1937–1945 гг. Представляется весьма важным анализ тенденций и особенностей его динамики, а также влияния данного процесса на распределение самолетостроителей между западносибирским и восточносибирским регионами.

В предвоенные годы в условиях обострения международной обстановки происходило быстрое расширение оборонно-промышленного комплекса, являвшегося экономической основой безопасности советского государства. Одной из его динамично развивавшихся отраслей являлось самолетостроение, обеспечивавшее военно-воздушные силы страны как устаревшими, так и новейшими образцами авиатехники. С декабря 1936 г. авиационные предприятия СССР находились в компетенции 1-го управления Наркомата оборонной промышленности (НКОП)⁸. В январе 1939 г., после разделения НКОП на отдельные отраслевые ведомства, самолетостроительные заводы были переданы в ведение Наркомата авиационной промышленности (НКАП). По данным Н.С. Симонова в 1939 г. в составе четырех военно-промышленных наркоматов⁹ действовали 218 предприятий, в том числе в составе НКАП – 86 заводов¹⁰. Большая часть производственных мощностей советского авиапрома сосредоточивалась в центральной части страны. Об этом свидетельствовала ее доминирующая роль в выпуске боевых самолетов. В 1940 г. на Центр (в основном Москва и Московская область) приходилось 79 % всего объема валовой продукции предприятий НКАП, на Запад и Северо-Запад (в основном Ленинград

и Ленинградская область) – 4,0, Юг (Украина) – 7,0, на Восток (Поволжье, Урал, Сибирь и Дальний Восток) – 9,3 %¹¹. Такое размещение производства по территории страны способствовало тому, что абсолютное большинство советских авиастроителей¹² было сконцентрировано в северо-западных и центральных районах СССР. По сведениям на 1 мая 1941 г. на авиационных заводах Ленинграда, Москвы и Московской области, Воронежа и Горького трудилось 58,6 % всех рабочих¹³, занятых в данной отрасли оборонного производства.

В отличие от европейской части страны, к началу войны в Сибирском регионе была создана лишь первоначальная база для развития авиационной промышленности. В 1934 г. в Иркутске вступил в строй самолетостроительный завод, на котором начался выпуск истребителя И-14. С 1936 г. завод, получивший № 125 и имя Сталина, приступил к налаживанию и развитию производства скоростных бомбардировщиков (СБ). В этом же году в Новосибирске на базе предприятия по выпуску горного оборудования развернулось строительство авиационного завода № 153 (с 1939 г. – им. Чкалова). В конце 1937 г. предприятие изготовило первую продукцию. С 1938 г. трудовой коллектив начал серийное производство истребителей. Всего к июню 1941 г. завод им. Чкалова выпустил около 900 самолетов, завод им. Сталина – 837 самолетов¹⁴.

В годы третьей пятилетки в Сибири началось также функционирование предприятий по ремонту авиатехники. В 1939 г. в г. Улан-Удэ введен в эксплуатацию завод № 99. В конце 1940 г. в ведение НКАП передан завод им. Побежимова, находившийся в Красноярске. Всего накануне Великой Отечественной войны в регионе действовали четыре предприятия НКАП, выпускавшие 2,5 % валовой продукции авиационной промышленности СССР¹⁵.

Создание в крае основ авиационной отрасли способствовало быстрому формированию первого крупного отряда работников оборонно-промышленного комплекса Сибири – самолетостроителей. К 1937 г. на предприятиях НКАП региона сложился первоначальный костяк рабочих, позволивший наладить производство боевых самолетов (табл. 1). В предвоенные годы по мере его дальнейшего развертывания потребность авиазаводов в дополнительных трудовых ресурсах возросла. Расширение выпуска продукции порождало в самолетостроении острую кадровую проблему. По данным за 11 месяцев 1939 г. завод № 125 был обеспечен рабочей силой на 84,1 %, завод № 153 – 90,2 %¹⁶. Дефицит кадров способствовал постоянному притоку на предприятия в основном молодых и зрелых мужчин, являвшихся вы-

ходцами из городов и сел Сибирского региона. Их поступление в данную сферу оборонного производства, осуществлявшееся за счет вольного найма, организационного набора (оргнабор), общественного призыва, школ фабрично-заводского ученичества (ФЗУ), служило основным фактором комплектования и роста производственных коллективов авиационных заводов.

Накануне войны контингент трудящихся сибирских предприятий НКАП рос быстрыми темпами. В 1937–1940 гг. среднегодовая численность рабочих отрасли увеличилась с 3,8 до 9,5 тыс. чел. В среднем за четыре предвоенных года она возросла почти в 2,5 раза (табл. 1). В тоже время динамика ежегодного количественного прироста основной категории производственного персонала самолетостроения в течение третьей пятилетки постепенно снижалась. Если в 1938 г. по сравнению с 1937 г. число рабочих на авиазаводах возросло в 1,6 раза, то в 1940 г. по сравнению с 1939 г. – в 1,28 раза. Падение темпов роста их общей численности было связано со значительным сокращением приема новых работников на предприятия при наличии стабильных показателей текучести заводских кадров. Несмотря на эти негативные тенденции, в 1940 г. среднегодовое количество рабочих авиазаводов Сибири (9460 чел.) фактически соответствовало его плановым показателям (9400 чел.)¹⁷. К началу войны кадровая проблема на предприятиях НКАП, действовавших в регионе, в целом была решена.

Табл.1.

Динамика среднегодовой численности рабочих авиационных предприятий Сибири в 1937–1940 гг.*

Предприятие, №	Годы				Темпы количественного роста рабочих (раз)
	1937	1938	1939	1940	
завод № 99	–	–	331	973	2,93
завод № 125	2665	3803	4279	4711	1,77
завод № 153	1173	2305	2747	3776	3,22
Всего	3838	6108	7357	9460	2,47

*РГАЭ. Д.2750. Л.101, 103; Д. 2776. Л. 36, 42, 48.

В годы третьей пятилетки по положительной динамике численности трудящихся сибирская авиационная промышленность опережала общесоюзную. В 1939 г. на всех заводах НКАП по различным данным было занято 247,8 тыс. рабочих, в 1940 г. – 294,7 тыс.¹⁸ Среднегодо-

вое количество работников отрасли увеличилось примерно в 1,19 раза. Темпы его прироста по авиаиндустрии СССР в целом являлись более низкими, чем в Сибири. В то же время доля самолетостроителей края в общесоюзной численности данной категории промышленных рабочих оставалась незначительной. По различным оценкам на 1 мая 1941 г. она составляла от 2,7 до 3,0 %¹⁹. Следовательно, накануне войны регион играл незначительную роль в формировании кадрового потенциала авиационной промышленности.

В предвоенные годы абсолютное большинство рабочих авиационной промышленности Сибири трудилось на предприятиях, находившихся в восточной части края (табл.1). В 1937 г. доля восточносибирского региона по числу трудящихся, занятых в данной отрасли, составляла 69,4 %, западносибирского – 30,6, в 1940 г. – 60,1 и 39,9 % соответственно²⁰. Региональные различия в их количественном составе были обусловлены тем, что формирование трудового коллектива на заводе № 125 началось раньше, чем на заводе № 153. В то же время на новосибирском предприятии происходило более динамичное комплектование рабочих кадров, что вело к постепенному сокращению разрыва в численности самолетостроителей Западной и Восточной Сибири. Данная тенденция свидетельствовала об образовании в этих регионах двух равнозначных центров авиастроения (Новосибирск и Иркутск), выпустивших к началу войны примерно одинаковое количество самолетов.

Великая Отечественная война придала огромный импульс развитию отраслей оборонно-промышленного комплекса, ставших в это время фундаментом экономической мощи советского государства. Одним из ее важнейших элементов являлось самолетостроение, обеспечивавшее массовое и бесперебойное производство боевых машин для восполнения больших потерь авиатехники на фронте. Заводы по выпуску и ремонту самолетов, по-прежнему, находились в ведении НКАП, относившегося к числу военно-промышленных наркоматов СССР. С 1939 по 1944 г. по данным Н.С. Симонова только по Наркоматам авиационной промышленности, вооружения, боеприпасов и судостроительной промышленности количество предприятий возросло с 218 до 396. Общее же число авиазаводов увеличилось с 86 до 164²¹. В военных условиях существенно изменилось также размещение производственных мощностей советской авиационной индустрии. Во второй половине 1941–1942 г. многие предприятия НКАП, находившиеся в западной и центральной части СССР, были эвакуированы в глубокий тыл. После их эвакуации ведущее место в производстве

боевых самолетов заняли восточные районы страны. В 1942 г. на Восток (Поволжье, Урал, Сибирь, Дальний Восток и Средняя Азия) приходилось 70,5 % валового выпуска продукции самолетостроения, на Центр – 24, в 1944 г. – 62,1 и 34 %²². Особенности территориального размещения данной отрасли способствовали концентрации абсолютного большинства авиастроителей²³ в восточной части СССР, игравшей роль стратегического тыла. По сведениям на 1 января 1945 г. на самолетостроительных предприятиях Поволжья, Урала, Сибири, Дальнего Востока и Средней Азии трудилось 58,5 % рабочих²⁴, занятых в данной сфере оборонного производства.

В начальный период войны колоссальный сдвиг производительных сил из прифронтовой полосы в тыловые районы страны стал важнейшим фактором развития авиационной промышленности Сибирского региона. В это время в край были эвакуированы производственные мощности 25 самолетостроительных заводов²⁵. За счет их существенно расширились действующие заводы им. Победимов, № 99, 125 (с декабря 1941 г. – завод № 39), 153. Кроме того, на базе эвакуированного оборудования в Сибири созданы 11 новых предприятий НКАП. В военные годы центрами серийного производства самолетов в западносибирском регионе являлись Омск (заводы № 20, 29, 166, 288), Тюмень (завод № 499), Новосибирск (заводы № 9, 51, 153), Бердск (завод № 296), в восточносибирском регионе – Красноярск (завод № 477), Иркутск (заводы № 39, 403), Улан-Удэ (завод № 99). После завершения промышленной эвакуации в крае насчитывалось 14 предприятий НКАП, выпустивших в военное время тысячи боевых машин. В этих условиях доля сибирского самолетостроения в валовой продукции авиационной индустрии СССР выросла с 3,5 % в 1941 г. до 8,4 % в 1944 г.²⁶. Следовательно, Сибирь продолжала оставаться периферийной зоной развития данной сферы оборонного производства.

Стремительное расширение производственной базы самолетостроительной промышленности сибирского тыла в условиях низкой обеспеченности большинства предприятий кадрами привело к резкому увеличению спроса на рабочую силу. В результате кадровая ситуация в отрасли вновь значительно ухудшилась. Например, в 1940 г. авиастроение Новосибирской области было обеспечено рабочими на 100,6 %, в середине 1942 г. – на 86,6 %²⁷. Острейший дефицит трудовых ресурсов в данной сфере военно-промышленного производства вызывался призывом мужчин в действующую армию, созданием новых и укрупнением действовавших заводов НКАП на базе эвакуированного оборудования. В связи с этим в авиационную индустрию при-

влекались многочисленные контингенты неработающих женщин, подростков и молодых людей, поступавших на предприятия преимущественно по трудовой мобилизации, из учебных заведений гос-трудрезервов. Массовое привлечение незанятого работоспособного населения являлось важнейшим условием комплектования и роста производственных коллективов авиазаводов сибирского тыла.

В начальный период войны численность рабочих, занятых в самолетостроении Сибири, стремительно возросла. В мае 1941 г. по неполным сведениям на авиационных предприятиях региона было занято 10,2 тыс. чел., в сентябре 1942 г. – 56,5 тыс. (кроме ИТР и служащих). Общее количество трудящихся в этой сфере оборонного производства края выросло в 5,5 раз (табл. 2). В целом по СССР данный показатель увеличился с 383,3 до 426,9 тыс. чел.²⁸ (в 1,11 раза)²⁹. Количественная динамика рабочих кадров авиастроительной индустрии на общесоюзном уровне была значительно ниже, чем в Сибири. В результате в общей численности советских самолетостроителей увеличилась доля их сибирского отряда. К осени 1942 г. его удельный вес достиг 13,2 %³⁰.

Следует отметить, что увеличение числа авиастроителей Сибирского региона в период с мая 1941 г. по сентябрь 1942 г. по сравнению с первыми тремя годами предвоенной пятилетки отличалось более высокой динамикой. В это время его темпы были существенно выше, чем в 1938–1940 гг. Следовательно, в военных условиях произошла значительная интенсификация роста производственных коллективов предприятий НКАП. Если за 1939–1940 гг. количество рабочих на заводах авиационной промышленности СССР возросло на 15,5 тыс. чел., то за девять месяцев 1942 г. – на 130,0 тыс. чел.³¹ Существенное увеличение масштабов притока трудовых ресурсов в данную отрасль оборонной индустрии было характерно, прежде всего, для восточных районов страны, принявших из прифронтовой полосы десятки предприятий НКАП и сотни тысяч работоспособных мигрантов. Очевидно, по этой причине в Сибири число рабочих авиастроения росло быстрее, чем по неоккупированным регионам страны в целом.

В первые полтора года войны форсированные темпы формирования трудовых коллективов авиационных предприятий сибирского тыла, влиявшие на стремительное повышение их численности, были обусловлены двумя факторами. Во-первых, в это время произошло значительное пополнение довоенного контингента самолетостроителей в регионах, ставших центрами развития авиаиндустрии еще во второй

половине 1930-х гг. С мая 1941 до сентября 1942 г. рабочий персонал авиационной промышленности Новосибирской области вырос на 12,8 тыс. чел., Иркутской области – на 9,1 тыс. (табл. 2). В данном случае основная доля количественного прироста приходилась на заводы им. Чкалова и им. Сталина, укрупненные в ходе промышленной эвакуации. Во-вторых, в первый год войны началось интенсивное комплектование новых отрядов рабочих, связанное с размещением эвакуированных заводов НКАП в других районах Сибири. К сентябрю 1942 г. число рабочих авиационных предприятий Омской области достигло примерно 23 тыс. чел., Красноярского края – 1,2, Читинской области – 0,2 тыс. (табл. 2). В частности, образование в Омской области крупного отряда самолетостроителей оказало большое влияние на увеличение их общей численности в Сибирском регионе.

В начальный период войны кардинально изменилось соотношение отдельных районов Сибири по количественному составу рабочих авиационной промышленности. Как и в годы третьей пятилетки, в это время число авиастроителей в западносибирском регионе росло быстрее, чем в восточносибирском. К осени 1942 г. их основная масса сосредоточилась на предприятиях Омской и Новосибирской областей.

Табл.2.

Изменения численности рабочих авиационной промышленности Сибири с мая 1941 по сентябрь 1942 г.*

Регионы	май 1941 г.	сентябрь 1942 г.	Темпы количественного роста рабочих (раз)
Западная Сибирь в т.ч.	5161	40939	7,93
Омская область	–	22976	–
Новосибирская обл.	5161	17963	3,48
Восточная Сибирь в т.ч.	5053	15585	3,08
Красноярский край	–	1200	–
Иркутская область	5053	14183	2,81
Читинская область	–	202	–
Всего	10214	56524	5,54

* РГАЭ. Ф.8044. Оп.1. Д. 2827. Л.64, 65; Д. 3282. Л. 86.

Доля Западной Сибири в количественном составе трудящихся, выпускавших самолеты, достигла 72,4 %, Восточной Сибири – 27,6 %. В военных условиях данные региональные различия были вызваны неравномерным размещением эвакуированных предприятий НКАП. Западносибирские города приняли из прифронтовой полосы более 20 заводов, восточносибирские – 4. В связи с более высокой концентрацией производственных мощностей, самолетостроение Западной Сибири получало гораздо больше трудовых ресурсов. Данное обстоятельство обуславливало существенные различия в темпах роста общей численности рабочих авиационных предприятий, находившихся в западных и восточных районах сибирского тыла (табл. 2).

Многократное увеличение количества трудящихся на предприятиях НКАП в первые полтора года войны способствовало постепенному снижению остроты кадровой проблемы. Вероятно, по этой причине в 1943 г. по сравнению с осенью 1942 г. численность авиастроителей в западных районах Сибири существенно не изменилась (табл. 3).

Табл.3.

Динамика среднегодовой численности рабочих авиационной промышленности Западной Сибири в 1943–1945 гг.*

Регионы	1943	1944	1945	Темпы количественного сокращения рабочих (раз)
Новосибирская область	17652	16882	14136	1,25
Омская область	20499	19595	19735	1,04
Всего	38151	36477	33871	1,13

* РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 2940. Л. 22, 41.

В последующие два года она значительно сократилась. Данную тенденцию отражают неполные статистические сведения о динамике количественного состава трудящихся авиационной отрасли западносибирского региона в 1943–1945 гг. В это время среднегодовое число рабочих самолетостроительных заводов Омской и Новосибирской области снизилось с 38,2 до 33,9 тыс. (табл. 3). Сокращение основной части производственного персонала авиапромышленности происходило не только в отдельных регионах Сибири, но и по стране в целом. На общесоюзном уровне количество ее работников (кроме ИТР и служащих) уменьшилось с 427,7 тыс. в 1943 г. до 417,6 тыс. в

1944 г.³² За данный период численность рабочих в самолетостроении СССР сократилась в 1,02 раза, Омской и Новосибирской областей – в 1,13 раза. Следовательно, темпы ее снижения в районах Западной Сибири превышали отрицательную количественную динамику трудящихся отрасли в неоккупированных регионах страны в целом. В тоже время доля самолетостроителей края в их общесоюзной численности оставалась относительно стабильной (в 1943 г. – 8,9 %, в 1944 г. – 8,7 %)³³.

В последние военные годы высокие темпы сокращения контингента авиастроителей Западной Сибири были обусловлены эвакуацией отдельных предприятий НКАП в освобожденные от оккупации районы страны. Например, в 1944 г. завод № 296 им. Дзержинского, размещенный в начале войны в г. Бердске, вернулся в Харьков. В условиях обратной миграции эвакуированного населения в европейскую часть СССР местные авиазаводы также теряли работников, возвращавшихся на прежнее место жительства. Очевидно, поэтому численный состав самолетостроителей в Западной Сибири сокращался быстрее, чем по стране в целом. В крае существовали внутрирегиональные различия в их количественной динамике. Например, в Новосибирской области уменьшение числа трудящихся в авиаиндустрии происходило более интенсивно, чем в Омской. Об этом свидетельствуют показатели, отражающие темпы снижения их количества (табл. 3).

В целом изучение динамики численности рабочих авиационных предприятий Сибири в конце 1930-х – первой половине 1940-х гг. позволяет сделать следующие выводы. В годы третьей пятилетки и начальный период Великой Отечественной войны ее ведущей тенденцией являлось интенсивное увеличение количества трудящихся, типичное для всего советского самолетостроения. Однако в крае темпы численного роста основной категории работников авиапрома были выше, чем по стране в целом. В предвоенные годы его высокая интенсивность обуславливалась быстрым формированием производственного персонала первых авиастроительных заводов, способствовавшим решению кадровой проблемы. Значительный количественный рост рабочих сопровождался также сокращением диспропорций в территориальном распределении контингента самолетостроителей края при сохранявшемся доминировании их восточносибирского отряда. Вместе с тем он не влиял на долю Сибири в кадровом потенциале всей авиационной промышленности, которая являлась очень низкой из-за небольшой роли восточных районов страны в развитии общесоюзного выпуска боевых самолетов.

В первые полтора года войны специфика авиаиндустрии сибирского тыла была обусловлена более значительной, чем по неоккупированным районам СССР, интенсификацией количественного роста трудящихся, занятых в данной отрасли. Повышение в крае динамики численности самолетостроителей, вызванное резким обострением нехватки кадров, обуславливалось как пополнением ранее образованных трудовых коллективов, так и формированием новых региональных отрядов рабочих авиационной промышленности Сибири. Огромный импульс этим процессам придавала эвакуация двух с половиной десятков заводов НКАП, размещенных преимущественно в Омской и Новосибирской области. Под ее влиянием территориальное распределение рабочего персонала авиационных предприятий сибирского тыла изменилось в пользу западных районов края и приобрело еще более неравномерный характер. В тоже время доля региона в кадровом потенциале советского самолетостроения, несмотря на ее увеличение, по-прежнему оставалась невысокой.

В последние годы войны основной тенденцией динамики количественного состава авиастроителей в западных районах Сибири стало его сокращение, характерное для всего советского самолетостроения. Снижение численности рабочих на авиационных предприятиях западно-сибирского региона происходило более интенсивно, чем по стране в целом. Оно обуславливалось частичным оттоком рабочих кадров в освобожденные районы СССР, в том числе с эвакуированными заводами НКАП.

Таким образом, накануне и в начальный период Великой Отечественной войны вектор количественной динамики сибирских самолетостроителей имел положительное, а в последние военные годы – отрицательное значение. Данные тенденции, отражавшие характер изменений в их составе, были типичны для рабочего персонала авиационной промышленности СССР. Однако в Сибири эти изменения происходили быстрее. Следовательно, на региональном уровне движение кадров, влиявшее на формирование трудовых коллективов авиапредприятий края, протекало интенсивнее, чем по стране в целом. Но было ли данное явление характерно для всего сибирского оборонно-промышленного комплекса и остальных его отраслей? На наш взгляд, поиск ответа на этот вопрос определяет дальнейшие перспективы исследования динамики численности рабочих военного производства в конце 1930-х – первой половине 1940-х гг., как в масштабах СССР, так и его отдельных регионов.

¹ До войны в Сибири были введены в строй несколько крупных предприятий по производству авиационной техники и боеприпасов. Выпуск самолетов в регионе начался в 1934–1937 гг., снарядов, взрывателей, патронов и артиллерийских порохов – в 1938–1940 гг.

² *Симонов Н.С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920 – 1950-е гг.: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1996.

³ *Шуранов Н.П.* Создание оборонной промышленности Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны. Кемерово, 2004.

⁴ *Савицкий И.М.* Формирование кадров оборонной промышленности Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. // *Западная Сибирь в Великой Отечественной войне: Сб. статей.* Новосибирск, 2004; *Он же.* Важнейший арсенал Сибири. Развитие оборонной промышленности Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 2005.

⁵ *Пузевич Н.И.* Военная перестройка промышленности Восточной Сибири 1939–1943 гг. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Братск, 2004; *Шевченко В.Н.* Создание оборонной промышленности Красноярского края в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Красноярск, 2005; *Пахомова Н.В.* Оборонная промышленность Восточной Сибири в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 (на материалах Красноярского края и Иркутской области): Дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2007.

⁶ *Романов Р.Е.* Формирование молодежных рабочих кадров оборонной промышленности Новосибирской области накануне Великой Отечественной войны (1938 – первая половина 1941 г.). // *Исторический ежегодник.* Сб. науч. тр. Новосибирск, 2009; *Он же.* Рабочие кадры оборонной промышленности Новосибирской области в предвоенные годы (1936 – первая половина 1941 г.) // *Становление индустриально-урбанистического общества в Урало-Сибирском регионе: подходы, исследования, результаты.* Сб. материалов межрегиональной научной конференции. Новосибирск, 2010.

⁷ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7516 (Наркомат боеприпасов СССР, 1939–1946), 8157 (Министерство оборонной промышленности, 1939–1957), 8044 (Министерство авиационной промышленности СССР, 1939–1957), 8752 (Наркомат танковой промышленности СССР, 1941–1945), 8899 (Министерство судостроительной промышленности, 1939–1957).

⁸ Наркомат оборонной промышленности был образован 8 декабря 1936 г. Просуществовал до 11 января 1939 г.

⁹ Наркоматы авиационной промышленности (НКАП), вооружения (НКВ), боеприпасов (НКБ), судостроительной промышленности (НКСП).

¹⁰ *Симонов Н.С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920-е – 1950-е гг. С. 123.

¹¹ РГАЭ. Ф. 8044. Оп.1. Л. 2976. Л. 27.

¹² В 1940 г. по данным Н.С. Симонова общая численность работников предприятий НКАП СССР составляла 370,2 тыс. чел., по данным отчетного документа НКАП «Динамика деятельности авиапромышленности накануне и в годы Великой Отечественной войны 1939–1944 гг.» – 437,5 тыс. чел. – РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 2976. Л. 32.

¹³ РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 3282. Л. 87.

¹⁴ Оборонная промышленность Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Сб. документов. Новосибирск, 2005. С. 32; Пузевич Н.И. Военная перестройка промышленности Восточной Сибири. С. 68.

¹⁵ РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 2976. Л. 27.

¹⁶ Там же. Д. 2750. Л. 5.

¹⁷ В авиационной промышленности Сибири за 1939 г. было принято 6673 чел., за 1940 г. – 3536 чел., уволено – 4568 и 4569 чел. соответственно. Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 8044. Оп.1. Д. 2776. Л. 36, 42, 48.

¹⁸ РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 2776, Л. 4; Д. 2976. Л. 32.

¹⁹ Рассчитано по: Там же. Д. 3282. Л.86–87.

²⁰ Рассчитано по данным табл.1.

²¹ Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920 – 1950-е гг. С. 123, 157–159, 165, 167.

²² РГАЭ. Ф. 8044. Оп.1. Д. 2976. Л. 27, 29.

²³ В 1944 г. по данным Н.С. Симонова общая численность работников предприятий НКАП СССР составляла 732,8 тыс. чел., по данным отчетного документа «Динамика деятельности авиапромышленности накануне и в годы Великой Отечественной войны 1939–1944 гг.» – 579,3 тыс. чел. – РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д.2976. Л. 32.

²⁴ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 3282. Л. 87.

²⁵ Рассчитано по: Шуранов Н.П. Создание оборонной промышленности Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны. С. 220; Пахомова Н.В. Оборонная промышленность Восточной Сибири в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. С. 191, 193, 195.

²⁶ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 2976. Л. 27.

²⁷ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 2776. Л. 36, 42, 48; ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 38. Л. 87.

²⁸ РГАЭ. Оп. 1. Д. 2827. Л. 64; Д. 2976. Л. 4.

²⁹ Столь существенная разница в оценке темпов роста общей численности советских авиастроителей обуславливается значительными расхождениями между ее абсолютными показателями на 1940 г., отраженными в различных статистических документах НКАП.

³⁰ Рассчитано по: РГАЭ. Оп. 1. Д. 2827. Л. 64, 65.

³¹ Рассчитано по: Там же. Д. 2776. Л. 4; Д. 4467. Л. 303.

³² РГАЭ. Ф. 8044. Оп.1. Д. 2976. Л. 32.

³³ Рассчитано по: Там же. Д. 2940. Л. 22, 41; Д. 2976. Л. 32.

КАТЭК: РАЗРАБОТКА И РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОГРАММЫ*

Идея формирования крупного топливно-энергетического комплекса на базе месторождений Канско-Ачинского угольного бассейна реально стала прорабатываться в 1950-е гг. До этого использование в народном хозяйстве богатейших угольных запасов, находящихся в самом центре сибирского региона, рассматривалось в рамках Ангаро-Енисейской программы. Но затем предполагаемый масштаб освоения угольных месторождений, планируемая мощность предприятий, значимость возможного экономического, социального и экологического воздействия проектируемого комплекса определили автономию проекта. К началу 1980-х гг. создание Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса (КАТЭКа) оценивалось как важнейшая составляющая Энергетической программы СССР, рассчитанной до 2000 г.

Первые идеи о широком и комплексном применении канско-ачинского угля высказывались во второй половине 1920-х – 1930-е гг., когда в рамках индустриализации и модернизации Сибири и всей страны, намечались грандиозные планы освоения природных богатств, строительства предприятий и новых городов. Они были связаны в этот период с именами известных советских ученых – академика Александра И.Г. и профессора Колосовского Н.Н. В разработанном ими проекте индустриального освоения Ангаро-Енисейского региона высоко оценивались бурогольные запасы Канско-Ачинского бассейна, особенно его восточной части. В первую очередь намечалось строительство электростанций в районе Канска, Красноярска, а затем Ачинска, на базе энергии которых можно будет наращивать добычу угля, электрифицировать железную дорогу, развивать промышленность и таким образом подготовить хозяйственную жизнь края для будущего индустриального освоения¹.

По проекту Ангароенисейстроя ископаемые угли рассматривались в основном как топливо только на период строительства ГЭС и освоения электроэнергии. Затем они должны были служить сырьём для химических предприятий и стать базой для формирования новой для Сибири отрасли промышленности. В связи с этим Колосовский Н.Н. писал, что «уголь должен явиться не столько топливом, сколько важнейшим химическим сырьём, открывающим большие перспективы в

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 10-01-00296а

деле создания крупных энергоёмких производств»². В районе Канска планировалось строительство крупных заводов по производству из угля жидкого топлива, спиртов, пластмасс, каучука и других необходимых народному хозяйству СССР продуктов.

Специалистам по Ангаро-Енисейской проблеме принадлежит и первое технико-экономическое обоснование комплекса на угольных ресурсах Канско-Ачинского бассейна. Колосовский отмечал, что «нигде в СССР теплового тока более дешевого, чем в Черембассе и Канске, не будет» и только здесь, на месте добычи угля, наиболее эффективно строить теплоэлектростанции и энергоёмкие производства³.

В рабочей гипотезе Ангароенисейстроя были заложены основные принципы экономического районирования с учетом канско-ачинских угольных богатств. Среди намеченных проектом пяти энергопромышленных комплексов Восточной Сибири назывался Красноярско-Канский, основу которого должны были составить наряду с гидроэлектростанцией на Енисее в районе Красноярска теплоэлектроцентрали на бурых углях, предприятия химической переработки угля, в том числе и в жидкое топливо и промышленность строительных материалов с использованием отходов углеперерабатывающего производства⁴. Эти же направления, скорректированные на новой научно-технической базе, явились основными при разработке программы КАТЭКа в 1960–1970-е гг.

В рамках Ангаро-Енисейской проблемы впервые был сформулирован вопрос о назначении КАТЭКа. С одной стороны, он рассматривался как необходимое звено энергетического строительства, имеющего значение для всей страны, а с другой – как фактор регионального развития, оказывающий мощное воздействие на освоение всё более новых территорий в Сибири, особенно северных. Это подчеркивалось на конференции, посвященной изучению проблем развития производительных сил Ангаро-Енисейского региона, состоявшейся в Москве в апреле 1932 г., в решении которой отмечалась необходимость комплексного подхода к освоению всех природных ресурсов Восточной Сибири, в том числе и углей Чулымо-Енисейского и Канского бассейнов. Районы их предлагалось считать одними из первоочередных для индустриального освоения Ангары и Енисея. В ближайшее время здесь планировалось строительство крупных промышленных предприятий⁵.

Этот начальный этап имел большое значение в последующей истории проектирования топливно-энергетического комплекса. В результате его была поставлена задача, начаты изыскания, которые

определили основные возможные направления использования канско-ачинского угля в народном хозяйстве. К концу 1930-х гг. на геологических картах Сибири вместо отдельных месторождений появился единый Канско-Ачинский бассейн с миллиардными запасами угля⁶.

Во время Великой Отечественной войны в связи с временной потерей Донецкого и Подмосковного угольных бассейнов стал ощущаться острый недостаток топлива в стране. Решающее значение приобрела добыча его в восточных районах. В Сибирь были эвакуированы сотни промышленных предприятий. Кузбасс, став основной топливной базой, не смог снабжать своим углем всю обширную сибирскую территорию, Урал и Европейскую часть страны. Поэтому встала жизненно важная задача поисков новых месторождений топлива на местах.

В этой связи богатые энергетические запасы Канско-Ачинского бассейна стали оцениваться очень высоко. Они позволяли решить проблему топлива в районах Сибири и сохранить для металлургии и химической промышленности коксующиеся каменные угли Кузнецкого, Минусинского и Черемховского бассейнов. Кроме того, было определено, что условия залегания канско-ачинского угля позволяют применять при его добыче более эффективные открытые способы разработки месторождений полезных ископаемых. Красноярский крайком ВКП(б) принял ряд оперативных решений по созданию новых топливных предприятий, но строительство шахт и разрезов было затруднено из-за слабой изученности запасов. К 1941 г. разведочные работы были проведены только на 1/5 известных месторождений⁷.

Геологи и изыскатели мобилизовывали все силы и возможности для эффективной работы. В целях экономии времени и средств при подготовке полей для будущих предприятий наряду с изучением месторождений параллельно решались вопросы транспортировки угля, максимального сокращения перевозок. Одновременно изучались химико-технологические и физические свойства угля с точки зрения его наиболее полного использования не только как топлива, но и как сырья для химической промышленности.

Результатом поисковых и разведочных работ в 1941–1945 гг. явилось значительное увеличение добычи угля в Канско-Ачинском бассейне. Кроме того, положено начало изучению его свойств в качестве сырья для химической промышленности и производства жидкого и газообразного топлива. Правда, в военные годы подробно изучить и создать проекты комплексного освоения удалось лишь применительно к отдельным, наиболее изученным месторождениям. Так, по про-

екту, разработанному в тресте «Востсибуглеразведка» под руководством Ф.А. Бочковского, предлагалось наряду со строительством разреза «Бородинский» построить в едином комплексе завод по производству жидкого топлива, мощную электростанцию, работающую на отходах после перегонки угля и брикетную фабрику. Подобный комплекс производств планировалось организовать и на Назаровском месторождении⁸.

В послевоенные годы изыскания в Канско-Ачинском бассейне активизировались в связи с ускорением развития производительных сил Сибири и движением индустрии в восточные районы СССР. В 1950-е гг. стали регулярными экспедиции по изучению сырьевых и энергетических возможностей различных сибирских регионов. В 1952–1954 гг. более интенсивно, чем в предшествующие годы, исследовались Красноярский край, Кемеровская область. В Канско-Ачинском бассейне наибольший интерес в этот период представляло Итатское месторождение. Относительно изученный и находящийся в Кемеровской области участок с мощными пластами угля специалисты считали готовым для освоения. Здесь планировалось строительство нескольких разрезов мощностью около 3 млн. т добычи угля в год, электростанций и создание на их основе Западно-Сибирского территориально-производственного комплекса с целым спектром энергоемких производств⁹.

О важности разработки Итатского месторождения было записано в директивах XX съезда КПСС, говорилось на конференции по развитию производительных сил Восточной Сибири, проходившей в 1958 г. в г. Иркутске¹⁰. Общий проект топливно-энергетического комплекса в Канско-Ачинском угольном бассейне в это время представлял собой план создания мощных угледобывающих и энергетических предприятий применительно к отдельным месторождениям. Частично его удалось реализовать. В 1950–1951 гг. закончилось строительство первых Назаровского и Бородинского разрезов. В середине 1950-х гг. приступили к строительству Назаровской ГРЭС. На углях Иршинского и Бородинского месторождений строилась мощная электростанция в закрытом городе Красноярске-45. Проектировщики предприятий в поисках направлений комплексного использования угля столкнулись с необходимостью решения сложнейших технических и экологических проблем.

В 1960-е гг. в связи с развитием и укреплением сети сибирских научных учреждений произошло расширение фронта исследований производительных сил региона. Начался новый этап в изучении и проектировании КАТЭКа. Научно-исследовательские и проектно-изыскатель-

ские работы стали выполнять десятки институтов, среди которых появилось немало сибирских: Сибирский энергетический институт в г. Иркутске, институты СО АН СССР в г. Красноярске и Новосибирске, отраслевые институты и их отделения в городах Томске, Красноярске, Новосибирске.

В 1962 г. Государственный Комитет Совета Министров СССР по топливной промышленности составил для представления в правительство проектные материалы по строительству четырех мощных угольных разрезов в восточных районах страны с общей производственной мощностью 165 млн. т угля в год. Один из них предполагалось построить в Экибастузском бассейне в Казахстане, а три других – в Канско-Ачинском: Итатский-1 в Кемеровской области мощностью 60 млн. тонн угля в год; Ирша-Бородинский-2 – 42 млн. т и Назаровский-2 – 18 млн. т в Красноярском крае. В проектных материалах отмечалось, что по своей мощности разрезы не будут иметь аналогов в мировой практике. В то же время расчетные капитальные вложения составляли гораздо меньшую сумму, чем предусматривалось в отрасли для строительства предприятий, способных обеспечить добычу такого же количества угля. Так, было подсчитано, что для строительства 4-х угольных разрезов мощностью 165 млн. т угля в год в Канско-Ачинском бассейне потребуется 400 млн. руб. капитальных вложений, а для 11 предприятий такой же мощности в других бассейнах – 654 млн. руб. Удельные капитальные вложения на 1 т добытого угля в первом случае составляли в 10 раз меньшую величину, чем при подземной добыче¹¹.

Топливая часть комплекса оформилась в общих чертах к 1964 г. Госкомитетом по топливной промышленности при правительстве и Госплане СССР было рассмотрено и одобрено технико-экономическое обоснование основных направлений развития всего Канско-Ачинского бассейна, по которому определялась возможность строительства 52 угледобывающих разрезов общей мощностью 1 млрд. т в год. В том числе строительство 9 первоочередных намечалось на ближайшие годы¹².

Одновременно институтом Теплоэлектропроект и его Томским отделением усиленно прорабатывались вопросы проектирования энергетической части комплекса. Была выявлена принципиальная возможность создания в западной части бассейна 10 ГРЭС мощностью 4 млн. кВт каждая. Просчитывалась также экономическая целесообразность использования канско-ачинского угля на теплоэлектростанциях в более отдаленных районах Сибири и Дальнего Востока.

В 1963 г. Государственная экспертная комиссия Госплана СССР рассмотрела «Технико-экономическое обоснование выбора пункта строительства ГРЭС в районе Итатско-Боготольского месторождения Канско-Ачинского бассейна». Одобрив в основном энергетическую часть проекта, экспертная комиссия постановила, что выбор участка для строительства ГРЭС и разреза в намеченном районе затруднен «вследствие неодинаковой и недостаточной разведанности этого участка бассейна»¹³.

В начале 1960-х гг. внимание специалистов, занимающихся проблемами КАТЭКа, привлекло вновь открытое месторождение Канско-Ачинского бассейна – Березовское. С ним стали связывать начало масштабного освоения богатых угольных ресурсов. В феврале 1966 г. на заседании секции открытой разработки угля Научно-технического совета Министерства угольной промышленности СССР под председательством академика Мельникова Н.В. был рассмотрен первый проект Березовского угольного разреза мощностью 55 млн. т угля в год, выполненный Ленинградским Институтом Гипрошахт. В это же время было начато проектирование недалеко от разреза ГРЭС и нового города угольщиков и энергетиков Белозерска¹⁴.

Несмотря на относительную готовность проектов и доказанную экономическую эффективность создания топливно-энергетического комплекса в Канско-Ачинском бассейне, строительные работы здесь не были внесены в план восьмой пятилетки. Не было начато строительство новых предприятий и в девятой. Весь прирост добычи угля в 1965–1975 гг. был получен в результате реконструкции и увеличения мощности уже существующих Назаровского и Бородинского разрезов.

Наращивание добычи угля в более значительных размерах сдерживалось медленной подготовкой его потребителей. Если топливная часть проекта комплекса была в относительной готовности, то проектирование энергетической части отставало. Трудно решались проблемы обогащения угля, его коксования, производства жидкого топлива и передачи электроэнергии на дальние расстояния. Развитие ядерной и гидроэнергетики, рост добычи нефти и газа в Западной Сибири позволили в 1960-е – начале 1970-х гг. решить ряд энергетических проблем. Это в свою очередь снизило интерес к созданию КАТЭКа, замедлило изыскания по его проблемам. Планы проектных работ в этот период по строительству предприятий комплекса снизились примерно наполовину¹⁵.

Ситуация изменилась лишь во второй половине 1970-х гг. На XXV съезде КПСС снова была поставлена задача ускоренного развития угольной промышленности и увеличении доли угля в топливно-энергетическом балансе страны. Это оказало стимулирующее воздействие на разработку проблем, связанных с созданием КАТЭКа. Снова стали активно изучаться вопросы комплексного использования канско-ачинского угля в народном хозяйстве. Большой объем исследований и проектных решений был выполнен по энерготехнологической переработке угля. Ведущую роль в этой работе сыграл Энергетический Институт Министерства Энергетики и Электрификации СССР им. Г.М. Кржижановского. Здесь под руководством чл.-корреспондента АН СССР З.Ф. Чуханова был разработан метод комплексной энерготехнологической переработки канско-ачинского угля одновременно с получением топлива и сырья для химической промышленности. В результате научно-исследовательских и опытных работ, начатых институтом еще в 1950-е гг., родились идеи энерготехнологических установок, на основе которых разработан проект крупного энерготехнологического комбината, объединяющего в себе добычу угля, его транспортировку и переработку с получением электроэнергии, жидкого топлива и различного химико-технологического сырья¹⁶.

Под руководством специалистов Московского института полезных ископаемых были достигнуты успехи в изыскании методов обогащения канско-ачинского угля, получении из него топлива с высокой теплотворной способностью. Этот процесс был освоен не только на опытно-промышленных установках, производительностью до 10 т угля в час, но и разработан проект более мощной установки на Бородинском месторождении. Благоприятные результаты были достигнуты в разработке технологии получения жидкого топлива из канско-ачинского угля, открыт метод выделения из угля жидких горючих продуктов, масса которых достигает 80-85 % от органической массы взятого сырья¹⁷.

Наибольший эффект в изучении и проектировании КАТЭКа был достигнут в конце 1970-х гг., когда основную часть научных изысканий по различным проблемам КАТЭКа стали вести сибирские научно-исследовательские институты и проектные организации. Программа «Угли Канско-Ачинского бассейна» органически вошла в сформулированную Сибирским Отделением АН СССР крупномасштабную программу научных исследований и разработок по комплексному освоению природных ресурсов и развитию производительных сил Сибири, широко известной под названием программы «Сибирь».

В постановлении ЦК КПСС о деятельности Сибирского отделения Академии наук СССР (январь, 1977), определяющем документе при разработке и финансировании программы, среди первоочередных задач ученых были указаны вопросы, связанные с изучением использования в народном хозяйстве месторождений угля Канско-Ачинского бассейна¹⁸. Поэтому в рамках суперпрограммы «Сибирь» был определен специальный блок задач, целью которого было научное обеспечение ускоренного создания топливно-энергетического комплекса.

Работа над программой «Сибирь» ускорила решение поставленных задач по формированию КАТЭКа. В исторически короткий срок (1978–1983) были получены значительные результаты в создании новейших типов оборудования и машин для разрезов, в химической переработке угля, в решении экологической и социальной проблем. Исследования и разработки вписались в народно-хозяйственные планы, куда создание КАТЭКа вошло как необходимое звено в реализации Энергетической программы СССР. В городах Новосибирске, Кемерово, Красноярске создавался ряд новых институтов и лабораторий для решения научно-исследовательских и проектно-конструкторских вопросов формирования Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса.

Генеральным проектировщиком топливной части комплекса и координатором всех проектных работ по созданию КАТЭКа был назначен коллектив Новосибирского института «Сибгипрошахт». В короткий срок под руководством ведущих специалистов института В.И. Ческидова и А.Д. Духнова были изучены достигнутые результаты и на основе новейших научных и проектных изысканий составлено технико-экономическое обоснование перспективного развития Канско-Ачинского бассейна¹⁹.

Одновременно Всесоюзным Институтом «Теплоэлектропроект» и его отделениями, главным образом Сибирским в г. Томске, разрабатывалась энергетическая часть комплекса. В представленном в 1979 г. общем проекте создание КАТЭКа намечалось в две очереди. До 1990 г. предусматривалось строительство и ввод в эксплуатацию 4–6 ГРЭС общей мощностью 20–32 млн. кВт, 5–7 угольных разрезов суммарной годовой производительностью 260–320 млн. т, ввод головных установок по переработке угля, первоочередных объектов строительной и ремонтной баз, инженерных сетей и транспортных коммуникаций, жилищно-бытового строительства и пр. Ввод объектов первой очереди строительства предусматривал обеспечение электроэнергией и теплом, в основном районов Сибири.

Вторая очередь предусматривала ввод дополнительных мощностей тепловых электростанций и угольных разрезов, строительства предприятий по переработке угля, предполагалось не только обеспечение нужд сибирской промышленности, но и передача топлива и электроэнергии на Урал, в Европейскую часть и другие районы страны. К 1980 г. институтами «Сибгипрошахт» и «Теплоэлектропроект» с привлечением других проектно-изыскательских организаций было разработано уточненное технико-экономическое обоснование строительства КАТЭКа, которое стало основой для разработки планов создания крупнейшего в мире топливно-энергетического комплекса.

Во второй половине 1970-х гг. впервые в практике проектирования КАТЭКа большой комплекс исследовательских работ был выполнен по проблемам, связанным с охраной окружающей среды на территории расположения КАТЭКа. Исторически она всегда была наиболее населена и развита в хозяйственном отношении среди районов Красноярского края. К началу разворота строительства наиболее крупных объектов топливно-энергетического комплекса на Березовском месторождении Канско-Ачинского угольного бассейна на площади, не превышающей семи процентов площади края, проживало более 60 % населения и производилось 65 % общего объема промышленной продукции. Здесь же сосредотачивалась значительная часть посевных площадей зерновых культур не только Красноярского края, но и всей Восточной Сибири. Только в районе Причулымья было сконцентрировано около 26 % сельскохозяйственных угодий региона²⁰.

Институтом географии Сибири и Дальнего Востока (г. Иркутск) в результате многолетних наблюдений и исследований были выявлены на территории Назаровской котловины, где находились ГРЭС и угольный разрез, негативные изменения в химическом и биологическом составе почвы и воды, загрязненность воздушного бассейна летучими веществами, образующимися в результате сжигания угля. Было установлено, что дымовые выбросы ГРЭС, содержащие золу, сернистый ангидрид, окислы азота, отрицательно влияют на растительный покров окружающей территории. В результате деятельности станции повышается температура воды в водоемах, куда сбрасываются сточные воды ГРЭС²¹.

Предприятием вынужденно проводились природоохранные мероприятия, направленные на увеличение эффективности золоулавливающих фильтров и усовершенствование технологии сжигания угля в топках, которая снижала образование вредных окислов. До 1975 г. в смете Назаровской ГРЭС вообще не было статьи расходов, связанной

с охраной окружающей среды. В 1976–1980 гг. на эти цели было потрачено уже почти три миллиона. Между тем исследования показывали, что этого крайне недостаточно.

Не менее остро стояли вопросы защиты окружающей среды в связи с деятельностью угледобывающих предприятий. Открытая разработка угля ежегодно нарушала структуры многих десятков гектаров земельных площадей, в том числе и плодородных. С 1973 г. Производственное Объединение Красноярскуголь начало планомерные работы по восстановлению нарушенных территорий. В 1976–1980 гг. в Канско-Ачинском бассейне было рекультивировано 760 гектаров нарушенных горными работами земель. Однако отделы рекультивации не поспевали за деятельностью угледобывающих предприятий. Природа медленно залечивала нанесенные ей раны. Мощности отделов рекультивации не соответствовали масштабам разрушений, произведенных в результате наращивания добычи угля. Специалисты не только констатировали имеющиеся нарушения в природной среде в результате деятельности предприятий топливно-энергетического комплекса, но и рекомендовали пути его ограничения²².

В мае 1979 г. в Иркутске Институтом географии Сибири и Дальнего Востока СО АН СССР было организовано совещание, посвященное охране окружающей среды и рациональному использованию ресурсов Канско-Ачинского бассейна, в котором приняли участие свыше 100 научных работников из Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Иркутска и других городов. На совещании были рассмотрены меры борьбы с загрязнением воздуха, почв, воды, а также возможные неблагоприятные изменения микроклимата, которые могут и не проявиться, если своевременно уделить должное внимание проблемам охраны окружающей среды²³.

Обсуждение вопросов, связанных с охраной окружающей среды от влияния крупнейшего в мире топливно-энергетического комплекса приобрело не только союзную, но и межгосударственную значимость. В октябре 1979 г. проблемы, связанные с проектированием КАТЭКа прозвучали на советско-американском симпозиуме в г. Джексоне (США), организованном по проекту «Всесторонний анализ окружающей природной среды» в рамках советско-американского сотрудничества в области охраны окружающей среды. Из 10 докладов советской делегации 4 были посвящены проблемам КАТЭКа. В них были представлены научные принципы и подходы к комплексной защите окружающей среды от влияния мощных топливно-энергетических предприятий, дана оценка этого влияния, а так же прогнозы и рекомендации²⁴.

Все это говорило о том, что защита окружающей среды к началу строительства комплекса оценивалась как одна из самых главных и существенных на перспективу. В связи с этим активно изучался мировой и отечественный опыт, проводились дорогостоящие опытно-промышленные исследования, на основе которых уже предполагалось вести конкретное проектирование и строительство предприятий КАТЭКа.

Огромная масса исследований и проектно-конструкторских работ в этот период была выполнена в рамках технологического и технического обеспечения создания топливно-энергетического комплекса. Еще в ходе строительства первых разрезов в 1940–1950-е гг. одновременно проектировалась и создавалась совершенно новая для промышленности страны того времени техника. Добыча угля и разработка вскрыши должна была производиться мощными роторными экскаваторами производительностью от тысячи до одиннадцати тысяч кубометров в час, шагающими драглайнами с ковшами емкостью в сто кубометров. Транспортировка вскрышных пород в отвалы предполагалась с применением ленточных конвейеров, саморазгружающихся вагонов, троллейбусов и т.п.

На Уралмаше, Новокраматорском машиностроительном заводе к началу эксплуатации канско-ачинских разрезов были произведены первые опытные партии машин. Однако использование их в производстве сопровождалось большими трудностями. Отмечалась большая аварийность и простои механизмов. В 1954 г. на разрезе «Бородинский» было зарегистрировано 30 крупных аварий с экскаваторами, большинство из которых происходило в зимние месяцы. Только за январь-февраль 1955 г. в результате 7 аварий было потеряно 167 часов рабочего времени и не добыто 3650 т угля²⁵.

На разрезе «Назаровский» первые роторные многоковшовые экскаваторы также не работали большую часть года. Металлические детали машин не выдерживали рабочей нагрузки при температуре ниже -10°C . Сохранились докладные записки от руководства предприятия в Министерство угольной промышленности СССР о работе роторных экскаваторов, где оно отказывалось от новой техники и просило передать её на другие разрезы²⁶.

Опыт функционирования первых угледобывающих предприятий Канско-Ачинского бассейна показывал, что здесь нужна особая техника, изготовленная с учетом горно-геологических условий бассейна. Из-за твердых скальных пород в недрах нужны были экскаваторы с повышенным усилием резания. Климатические условия также требо-

вали особой прочности металла, его устойчивости к температурным изменениям, специального устройства деталей и узлов горнодобывающих механизмов.

Рабочие площадки первых разрезов стали настоящим полигоном для испытания новой горнодобывающей техники, сверхмощного оборудования для КАТЭКа. Рабочие и инженерно-технические работники предприятий совместно со специалистами проектных организаций и представителями заводов-изготовителей монтировали и осваивали первые роторные экскаваторы и шагающие драглайны, изготовленные для работы в сибирских условиях, реконструировали транспортную систему, отлаживали буровое и взрывное оборудование, проявляя при этом творчество и инициативу. По предложению директора разреза «Назаровский» А.И. Гуськова была спроектирована и создана новая транспортная система, которая позволила вывозить уголь и породу по двум железнодорожным потокам, что привело к большой экономии средств и повышению эффективности работы разреза. По предложению рационализаторов предприятий усовершенствовались детали механизмов, заменялись и переделывались целые узлы.

Вместе с тем были и откровенные просчеты и потери. Так, в соответствии с проектом на разрезе «Бородинский» был построен технологический погрузочный комплекс для классификации и погрузки угля в железнодорожные вагоны. Это было сложное сооружение, состоящее из восьми наклонных галерей, в которых были смонтированы ленточные конвейеры для подачи угля из угольной траншеи в бункеры. Комплекс включал в себя четыре башни, соединяющие наклонные галереи, сортировку для отбора породы и разделения угля на классы, железнодорожные бункеры, электрическую подстанцию, котельную и еще много сложных и дорогих производственных узлов. В первые же дни эксплуатации отдельные звенья конвейеров и механизмов стали выходить из строя, кирпичные стены комплекса стали разрушаться от проведения буровзрывных работ. Погрузочный комплекс стал сдерживать развитие добычи угля. Дело в том, что он изначально был рассчитан на небольшую мощность разреза, не более 1,5 млн. т угля в год²⁷.

Инженерно-техническими работниками разреза был предложен и отработан в системе предприятия новый, наиболее простой и дешевый вариант доставки угля потребителям. Смысл его заключался в следующем: принимать уголь из разреза не на комплекс, а грузить его в железнодорожные вагоны непосредственно в забое добычными экскаваторами и вывозить через выездную траншею на станцию.

Предложение рассматривалось на техническом совете комбината «Красноярскуголь», было одобрено, как наиболее подходящее для условий производства, и внедрено в практику. А здание технологического погрузочного комплекса еще много лет стояло памятником неподготовленности и непродуманности решений. Экономические потери составили миллионы рублей. Только стоимость здания и примыкающих к нему объектов оценивалась на сумму 9 млн. руб., машинного оборудования – около 1,5 млн. руб.²⁸.

В 1956 г. технологический комплекс был демонтирован, часть оборудования использовалась на других предприятиях, но потери были достаточно велики. Этот факт наглядно показывал, насколько ответственным должно быть проектирование и строительство гигантских промышленных предприятий.

Несмотря на возникающие трудности, проблемы все-таки решались. Росла добыча угля в Канско-Ачинском бассейне в результате внедрения новой горнодобывающей техники. Особенно продуктивными были 1970-е гг., когда значительно изменились угледобывающие, землеройные, горно-транспортные машины. Основная масса угля стала добываться с помощью роторных экскаваторов, мощных думкаров. Появились высокоэффективные буровые станки, новые виды режущего инструмента. Только за годы X пятилетки (1976–1980 гг.) экскаваторный парк обновился наполовину, а средняя емкость ковша увеличилась с 5,3 до 8,9 куб. м²⁹.

Внедрение высокопроизводительной техники и технологии добычи угля сопровождалось увеличением концентрации горных работ на производственную единицу: участок, бригаду, экипаж. В годы X пятилетки на разрезе «Назаровский» 40 % всех вскрышных работ выполнялась экипажем одного драглайна с размером ковша 100 куб. м – первого на евроазиатском континенте, а передовая бригада Героя Социалистического Труда Б.А. Аксенова с помощью одного роторного экскаватора обеспечивала 1/4 часть годовой добычи угля всего разреза³⁰.

Но такая высокая концентрация объема работы порождала свои проблемы. Практика применения машин большой единичной мощности на разрезах Канско-Ачинского бассейна показала, что техническое перевооружение горных предприятий должно быть комплексным с соответствующим развитием всех участков производства. Не выполнение этого условия приводило к тому, что количественный рост машин не всегда сопровождался качественными изменениями. Так, с вводом в 1979 г. мощнейшего добычного роторного комплекса произ-

водительностью 5 тыс. т угля в час на разрезе «Ирша-Бородинский» была сохранена старая система вскрышных работ. Сразу же проявилось технологическое несоответствие производительности добычного и вскрышного оборудования, которое привело к снижению подготовленных запасов угля в 1980 г. на 15 % по сравнению с уровнем 1975 г., хотя добыча угля разрезом за этот период значительно выросла³¹.

С вводом в эксплуатацию на вскрышных работах разреза «Назаровский» мощного драглайна проявилась обратная ситуация. Добычные бригады не успевали производить выемку подготовленных запасов угля. Нередкими были простои и холостые перегоны машины, что оборачивалось значительными экономическими потерями. Уникальная техника большой единичной мощности очень дорогостоящая. С вводом её в эксплуатацию среднегодовая стоимость промышленно-производственных фондов предприятий значительно увеличивалась. Только 1 день простоя роторного экскаватора в 1980 г. на разрезах Канско-Ачинского бассейна приносил от 5 до 10 тыс. руб. потерь или около 50 тыс. т добытого угля³².

Технический прогресс в процессе формирования КАТЭКа влиял на темпы роста валовой продукции: они значительно ускорялись. Если для достижения первого десятимиллионного рубежа добычи угля разрезу «Бородинский» потребовалось почти 20 лет, то для второго только 13. За 1970–1980 гг. удвоилась добыча угля разрезом «Назаровский». По сравнению с данными о развитии добычи угля в других бассейнах страны темпы роста добычи угля были ниже только по сравнению с Экибастузским бассейном. А среднемесячная производительность труда на одного рабочего угледобычи была самая высокая в отрасли. С 1970 по 1980 гг. она на разрезе «Назаровский» увеличилась с 573 до 1141 т на одного рабочего угледобычи, на разрезе «Бородинский» соответственно с 508 до 1210 тонн. Эти показатели в два с лишним раза превышали средние по отрасли на открытых разработках. В 1981 г. разрезы КАТЭКа добыли 36 млн. т самого дешевого в стране угля стоимостью 1,2 руб. за тонну³³.

Новые решения в теплоэнергетике для предприятий большой мощности апробировались на первой ГРЭС в Канско-Ачинском бассейне «Назаровской». Она уже к 1970 г. была крупнейшей тепловой электростанцией Сибири и надежным поставщиком электроэнергии для региона. Здесь осваивалось уникальное энергетическое оборудование, отрабатывались методы сжигания канско-ачинского угля в особых котельных агрегатах. Впервые в стране был осуществлен перевод

конденсационных турбин на теплофикационный режим, решена проблема низкочастотной вибрации, определены основные направления проектирования и эксплуатации сверхмощного энергетического оборудования. Последний седьмой блок, добавивший ГРЭС мощности сразу 500 тыс. кВт, был уникальным не только для отечественной, но и мировой энергетической практики. Он состоял из гигантских размеров турбины, мощного генератора и двухкорпусного котла. Дымовая труба высотой в четверть километра являлась первой в истории отечественной энергетики.

В последствие такие и еще более высокие трубы проектировалось строить и на других еще более мощных ГРЭС КАТЭКа, чтобы снизить их разрушающее влияние на окружающую среду. Почти все оборудование монтировалось на месте строителями и представителями заводов-изготовителей. Оно поступало на стройплощадку в разобранном виде. А иначе было нельзя, так как это была поистине гигантская техника. Например, высота только котла достигала десятиэтажного дома, а весил он десять тысяч тонн. Чтобы перевезти его из Подольска, где он изготавливался, в Назарово потребовалось двести железнодорожных вагонов³⁴.

На Назаровской ГРЭС как первой электростанции КАТЭКа в процессе эксплуатации отрабатывались перспективные методы и новые решения в электроэнергетике. Росту эффективности и качества работы предприятия постоянно уделялось большое внимание. Улучшались из года в год показатели экономии материалов, использования отходов производства, уменьшалась потеря тепла и электроэнергии в производственных процессах и при передаче их потребителям. К началу 1980-х гг. на Назаровской ГРЭС было произведено более 100 млрд. кВт·ч электрической и 5144 тепловой энергии³⁵.

Таким образом, в начале 1980-х гг. в Канско-Ачинском бассейне функционировали достаточно высокоэффективные и экономичные предприятия, опыт которых предполагалось в полной мере использовать при сооружении и эксплуатации других более мощных предприятий. Однако их проектирование и строительство развивалось более медленными темпами, чем было обозначено в постановлениях правительства в 1979 г., посвященных формированию топливно-энергетического комплекса³⁶. Строительство Березовского разреза-1 и Березовской ГРЭС, намеченное в планах на X–XI пятилетки, развивалось противоречиво. Декларативные заявления о необходимости ускоренного строительства КАТЭКа не подкреплялись реальными делами и финансированием. В итоге к 1990 г. в Канско-Ачинском бассейне в

составе топливно-энергетического комплекса функционировали только 3 разреза (Назаровский, Бородинский, Берёзовский), Назаровская и Берёзовская ГРЭС. Созданные в советское время мощности позволяли добывать около 60 млн. т угля в год, который сжигался не только в топках электростанций КАТЭКа, но и поставлялся ещё десяткам потребителей³⁷.

В процессе разработки и реализации программы КАТЭКа в 1970–1980-е гг. большое внимание было уделено не только техническим и технологическим вопросам добычи и использования канско-ачинского угля, но и решению социальных проблем. В этом направлении значимая роль принадлежала формированию трудовых ресурсов для КАТЭКа: подготовке специалистов и рабочих, строительству новых городов и привлечению в них новых жителей из других районов страны, обеспечению высокого уровня культурной и бытовой жизни населения. Время создания КАТЭКа совпало с большими изменениями в социальной политике советского государства. В послевоенные годы постепенно происходил отказ от жестких принудительно-мобилизационных методов в организации индустриального строительства, в том числе и в Сибири. В государственной политике расставлялись иные акценты. В частности, открыто говорилось, что строительство предприятий должно начинаться с предварительного решения социальных проблем. Интенсивное развитие производства требует не только значительного количества новых работников, но и создания для них благоприятных условий быта и труда, комфортного микроклимата в трудовых коллективах.

Для выполнения первой очереди программы КАТЭКа рассчитывалось, что население г. Назарово должно возрасти примерно до 250 тыс. человек, Шарыпово, где разворачивалось строительство Березовской ГРЭС и Березовского разреза-1 – до 200 тыс. человек, Бородино и Ужура – до 35–40 тыс. человек. К 1990 г. общая численность населения в границах комплекса должна была составить не менее 700–800 тыс. человек. Предполагалось, что примерно 80 % из них будут проживать в городских поселениях³⁸.

Вместе с тем отмечалось, что в условиях недостатка трудовых ресурсов в Сибири и других, активно развивающихся районах страны, необходимо в программе создания КАТЭКа предусмотреть минимальное участие человека в производстве, которое должно функционировать на основе высокой производительности с использованием всевозможных отечественных и мировых достижений науки и техники. Кроме того, разработчиками программы рекомендовались рациональ-

ные подходы в использовании трудовых ресурсов. В частности, для предприятий комплекса проектировалось создание условий для наиболее полной занятости населения, обеспечения необходимого уровня профессионально-квалификационной подготовки кадров за счет расширения базы подготовки, создания хорошо оснащенных межотраслевых центров. Рекомендовалось проведение единой, независимой от отраслевой принадлежности предприятий, трудосберегающей политики на КАТЭКе, предусматривающей оперативное управление трудовыми ресурсами.

В проектах конкретных предприятий комплекса планировалось изначально закладывать самые прогрессивные технологические решения с соответствующей организацией труда и управления, с использованием производственного опыта, накопленного в различных отраслях. При разработке проектных решений по созданию КАТЭКа предусматривались также специальные научные изыскания с проведением социологических исследований, позволяющие выяснить факторы преодоления нежелательной текучести кадров. В технико-экономическое обоснование строящихся предприятий предлагалось внести ряд контрольных показателей, которые могли бы определять их социально-экономическое благополучие. Например, таких, как уровень механизации труда, соотношение численности основных и вспомогательных рабочих, структура работающих в зависимости от характера и условий труда и т.д.³⁹.

Проектировщики делали важные выводы о том, что для активно развивающихся индустриальных районов Сибири, развитие социальной инфраструктуры имеет определяющее значение. Оно должно, безусловно, опережать промышленное строительство. Пренебрежение данным правилом неизбежно приведет к излишним миграционным потокам и крупным народнохозяйственным потерям, которые неизмеримо будут больше, чем затраты на социальное строительство. Особое внимание предлагалось обратить на различные формы перераспределения опытных квалифицированных рабочих и специалистов, как в рамках отраслей, так и территорий СССР, при условии их обеспечения на КАТЭКе всем необходимым для жизни и труда⁴⁰.

Таким образом, разработка и реализация программы КАТЭКа происходила поступательно в несколько этапов. Отношение к ней складывалось по мере необходимости её участия в планах развития производительных сил восточных районов страны и в зависимости от изменений в стратегических направлениях промышленного строительства в Сибири. В 1930–1940-е гг. использование канско-ачинского угля

планировалось в рамках реализации масштабной Ангаро-Енисейской программы. Начиная с 1950-х гг., проект постепенно приобретал свою автономию. Индустриальный комплекс производств на базе использования канско-ачинского угля рассматривался в различных вариантах как особый территориально-производственный комплекс, имеющий большое значение для перспективного развития всесоюзной и региональной экономики. Вместе с тем, по мере разработки научно-технических и социальных вопросов формирования мощного топливно-энергетического комплекса, он начинал рассматриваться как сложная социально-экономическая система, как развивающаяся социальная общность, включающая совокупность трудовых коллективов, местное население и мигрантов, людей, которым в первую очередь интересны не столько планы министерств и ведомств в деле постройки предприятий, а их собственные жизненные установки и потребности, причем на ближайшую перспективу, а не на отдаленное будущее. В планах 1970–1980-х гг. создание КАТЭКа рассматривалось не только как строительство крупнейшего на планете топливно-энергетического комплекса, а как формирование высокоразвитого экономического района с благоприятными условиями проживания в нем населения. Однако реализация данной программы не состоялась по объективным причинам. В стране началось политическое и экономическое реформирование, произошел распад СССР. В результате этого приостановилась и деятельность по формированию КАТЭКа.

¹ Александров И.Г. Проблема Ангары. М-Л., 1931. С. 88, 94, 101; Колосовский Н.Н. Ангароенисейстрой. // Энергоемкие производства. Ч.1. Л., 1933. С.52.

² Колосовский Н.Н. Предпосылки организации энергетического комбината Ангароенисейстроя и транспортная проблема. М-Л., 1932. С.52.

³ Там же. С. 31-32, 52.

⁴ Ангароенисейстрой. М., 1933. С.30-35.

⁵ Труды Первой Всесоюзной конференции по размещению производительных сил Союза СССР. Т. XVI. Ангаро-Енисейская проблема. М., 1932. С. 409-411.

⁶ Григорьев К.Н. Канско-Ачинский угольный бассейн. М., 1968. С. 6.

⁷ Государственный Архив Красноярского края (ГАКК). Ф.П-26. Оп.9. Д.396. Л. 303-305.

⁸ ГАКК. Ф.П-26. Оп.9. Д.398. Л.113-119; Назаровский городской государственный архив. Ф.161. Оп.1. Д.136.Л.8.

⁹ Ситникова А.И. Итатское бурогольное месторождение.// Вестник Западно-Сибирского и Новосибирского геологического управлений. 1958. Вып.3. С. 17-18.

¹⁰ См: *XX съезд КПСС*. Стенографический отчет. М., 1956. С. 441; *Развитие производительных сил Восточной Сибири*. Общие вопросы развития производительных сил. М., 1960. С.6-7, 11, 22-24, 105.

¹¹ *Центральный Государственный Архив народного хозяйства СССР (ЦГАНХ СССР)*. Ф. 236. Оп.1. Д.187. Л.193-194.

¹² *Горизонты КАТЭКа*. Красноярск, 1977. С.8-9.

¹³ *ЦГАНХ СССР*. Ф. 236. Оп.1. Д.189. Л.70.

¹⁴ *ЦГАНХ СССР*. Ф.14. Оп.1. Д.715. Л. 1-5, 13.

¹⁵ *Проблемы развития Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса*. Красноярск, 1977. С.24.

¹⁶ *Мазовер Я.А.* Важнейший топливно-энергетический комплекс СССР. М., 1981. С.54.

¹⁷ *Поиск ведет наука*. Красноярск, 1984. С.71.

¹⁸ *КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК*. Т. 12. М., 1978. С.423.

¹⁹ *Технический архив* Института «Сибгипрошахт». Годовые отчеты о работе Института за 1979–1981 гг.

²⁰ *Природа и хозяйство района первоочередного формирования КАТЭКа*. Новосибирск, 1983. С.56-57.

²¹ Там же. С.21-22.

²² *Техника, технология и защита окружающей среды КАТЭКа в свете решений XXIV съезда КПСС*. Красноярск, 1982. С.96-98.

²³ *Угли Сибири – народному хозяйству*. Иркутск, 1981. С. 86.

²⁴ *Всесторонний анализ окружающей природной среды*. Труды IV Советско-Американского симпозиума. Джексон. Вайоминг. 22-27 октября 1979. Ленинград, 1981. С.316.

²⁵ *Текущий архив* разреза «Бородинский». Летопись предприятия. С.53.

²⁶ *ЦГАНХ СССР*. Ф. 8707. Оп.1. Д.38. Л.193-194. 241-243. 246.

²⁷ *Текущий архив* разреза «Бородинский». Летопись предприятия. Л. 37.

²⁸ Там же. С.57-58.

²⁹ *Уголь*. 1981. №9. С.26.

³⁰ Там же. С.26,49.

³¹ Там же. С.31.

³² Там же. С.32,47.

³³ Подсчитано по данным: *Текущий архив Производственного Объединения «Красноярскуголь»*. Пояснительная записка к годовому отчету предприятия за 1981г.

³⁴ *Тимошенко А.И.* Рождение гиганта. Красноярск, 1987. С.65.

³⁵ *Текущий архив* Назаровской ГРЭС. Справочник руководителя. Назарово, 1981. С.9-10.

³⁶ *Правда*. 1979. 17 марта.

³⁷ *Историческая Энциклопедия Сибири*. Т. II. Новосибирск, 2009. С. 32.

³⁸ *Поиск ведет наука*. С. 100.

³⁹ Там же. С. 104.

⁴⁰ Там же. С. 106-107.

С.А. Рафикова

**УРБАНИЗАЦИОННО-ИНДУСТРИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ
КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ В 1960-е ГОДЫ
КАК ПРЕДПОСЫЛКА СОЗДАНИЯ ТПК**

Под территориально-производственным комплексом (ТПК) обычно понимается сконцентрированная на относительно ограниченной, компактной территории форма пространственной организации взаимосвязанных объектов различных отраслей народного хозяйства, созданная для решения крупных народнохозяйственных проблем. Характерными признаками и важнейшими слагаемыми ТПК являются: плановость, системность, территориальная и инвестиционная концентрация, обеспеченность ресурсами.

Формирование ТПК на территории Красноярского края приходится на 1970–1980-е гг. Предшествующее десятилетие интересно, прежде всего, с точки зрения анализа вызревания предпосылок для их становления. Однако исторический опыт данного периода не стал предметом самостоятельного научного анализа. Историография вопроса в основном ограничивается трудами экономистов и географов¹.

Красноярский край явился одним из флагманов плано-научного обоснования необходимости создания ТПК. Идеи Красноярского Совнархоза по развитию края на перспективу, с учетом сочетания ведомственных и территориальных интересов, несмотря на краткую историю существования данных органов управления народным хозяйством, заложили основу для дальнейших региональных планов. В 1958 г. впервые в стране созданы «Технико-экономические обоснования развития строительного комплекса края», предполагавшие концентрацию строек в узлах сосредоточенного строительства. Работа была продолжена местными организациями и

после ликвидации совнархозов. Научное моделирование формирования ТПК началось в 1964 г. в рамках Института экономики (ИЭиОПП СО АН СССР) также с расположенного на территории края Саянского комплекса. Достаточно высокий уровень проработки идеи способствовал тому, что именно Красноярский край стал объектом для территориального эксперимента и разработки комплексной программы развития производительных сил до 1980 г.

ТПК – это комплексное образование, но его ядром является высокий уровень **индустриального развития**. Красноярский край в 1960-е гг. в полной мере испытал на себе воздействие индустриальной модернизации. За это десятилетие здесь построено более 30 новых крупных предприятий и введено в эксплуатацию 1,3 тыс. километров железных дорог, увеличились мощности уже существовавших промышленных объектов. Около 70 % всех имеющихся на конец периода основных фондов народного хозяйства края были созданы именно в шестидесятые годы, а выпуск промышленной продукции за это время увеличился почти в 2,8 раза².

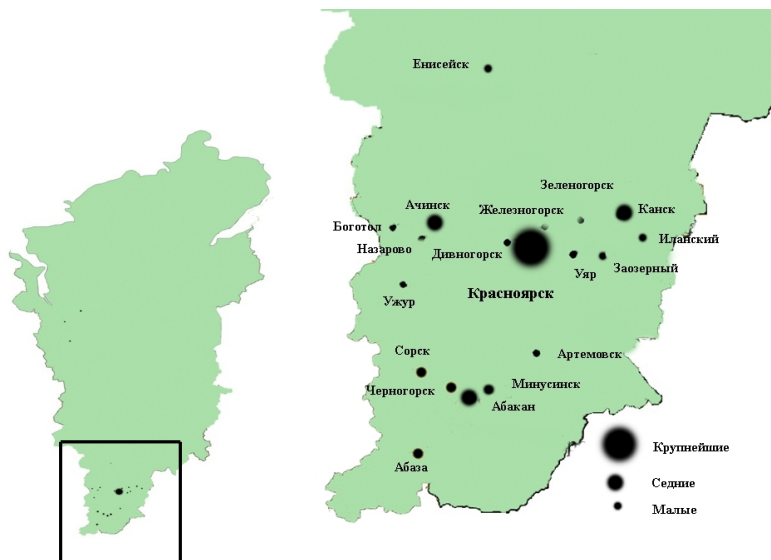
Существенно усилилась и территориальная концентрация производства. Основными центрами сосредоточения производственных мощностей, по определению, служат городские поселения. Опорный их каркас формируется исторически в течение длительного времени. Спецификой Сибири, особенно восточной ее части, является слабая и неравномерная заселенность. Учитывая огромную меридианальную протяженность края и неблагоприятные природно-климатические условия на большей части его территории, пространственная локализация городских поселений здесь наиболее выражена.

В конце рассматриваемого периода в крае существовало всего 22 города и 60 поселков городского типа (ПГТ). При этом два города – Железногорск и Зеленогорск – были засекречены и не обозначались на картах. В 1960-е годы появилось четыре новых города (Дивногорск, Назарово, Абаза, Сорск) и много крупных ПГТ (Мотыгино, Шушенское, Нижний Ингаш, Курагино, Балахта, Новоселово, Козулька, Ново-Енисейск, Снежногорск, Талнах, Абан, Емельяново и др.). Это значительно усилило городскую поселенную структуру региона³.

На фоне огромных малонаселенных территорий, вообще не попавших в орбиту влияния городских поселений, на карте края достаточно четко выделяется **пять** основных секторов концентрации городов (карта-схема).

Карта-схема

Территориальное размещение городов Красноярского края

Три из них, сформированные вокруг Красноярска, Ачинска и Канска, представляли собой самую освоенную и развитую территорию, вполне сложившуюся уже в 1960-е гг. в урбанизированную полосу. Здесь наиболее удачно сочетались благоприятные природно-климатические условия и близость к Транссибу, основной транспортной артерии Сибири, с высокой концентрацией разнообразных сырьевых и топливно-энергетических ресурсов. Названные города стали ядрами крупных промышленных узлов (ПУ), то есть концентрированных территориальных объединений предприятий, что явилось важным шагом по пути формирования ТПК.

В Красноярском ПУ к концу периода было сосредоточено более 40 % горожан и около четверти промышленного производства края. Центральное во всех смыслах положение занимал Красноярск, который являлся самым крупным городом в Восточной Сибири и третьим после Новосибирска и Омска – по числу жителей во всей Сибири. Здесь строилось и реконструировалось больше всего промышленных объектов: алюминиевый (КРАЗ), машиностроительный (КРАМЗ), шинный заводы, целлюлозно-бумажный комбинат, заводы медицинских препаратов и резинотехнических изделий и многие другие. В резуль-

тате реконструкции значительно увеличились мощности заводов «Сибтяжмаш», «Сибэлектросталь», комбайнового и др. Колоссальное подкрепление ПУ получил в результате строительства Красноярской ГЭС, агрегаты которой вводились в действие с 1967 по 1971 г. Большую роль стали играть и возникшие в середине 1950-х гг. закрытые города.

Западный сектор, представленный городами Ачинск, Боготол, Назарово – это активно формировавшийся и в основном сложившийся в рассматриваемый период ПУ. Ачинск стремительно ворвался в тройку краевых городов-лидеров по численности жителей, переместившись сразу с шестого места. Благодаря, прежде всего, строительству глиноземного комбината, город за 1960-е гг. почти удвоил свое население. Мощный импульс к развитию получило Назарово, став городом (в 1961 г.) и пионером КАТЭКа. Здесь заработал крупный угольный разрез, построена мощная ГРЭС.

Достаточно развитый ПУ сложился и на востоке края с опорой на города: Канск, Заозерный, Иланск, Уяр. В рассматриваемый период его основой стала угольная и лесная промышленность. Активно разрабатывались планы перспективного развития электроэнергетики, машиностроения.

Территориальная близость трех названных ПУ, наличие устойчивых связей между ними, развитие агломерационных процессов – все это способствовало складыванию единого экономического пространства. Не случайно именно на этой базе возник самый мощный в крае **Центрально-Красноярский** ТПК. В 1970 г. здесь, на 6,6 % территории края, производилось 68,5 % валовой промышленной и 58,4 % сельскохозяйственной продукции региона⁴. Так была заложена основа одного из крупнейших в стране производственно-энергетических комплексов – КАТЭКа. Некоторые исследователи включают в КАТЭК лишь два территориально удаленных друг от друга подрайона – Ачинский и Канский, мотивируя это тем, что именно здесь сосредоточены основные запасы углей, а между ними находится «безугольная» зона. На наш взгляд, правомерно рассматривать все три подрайона, включая Красноярский, как единую систему, территориально-целостную, связанную экономически и транспортно в межотраслевой комплекс.

Довольно заселена, хотя значительно менее урбанизирована и связана с центром края южная зона. В основном она представлена городами Хакасии, а также территориально близким г. Минусинском. Здесь строилась железная дорога Абакан-Тайшет, произошло наращивание мощностей Сорского молибденового комбината, началось строительство самой мощной в стране Саяно-Шушенской ГЭС. Всего

в 1970 г. на 6 % южной краевой территории производилось 13,3 % промышленной и 37,7 % сельскохозяйственной продукции. Данный район находился в стадии активного формирования, но сохранял еще аграрно-индустриальный облик. К концу рассматриваемого периода здесь была создана база для формирования нового, **Саянского** ТПК, форсированное развитие которого придется уже на последующий период.

Особой промышленно-урбанизационной зоной являлся Дальний Север, который в силу огромной территориальной протяженности (76,2 % территории края), удаленности (до 2 тыс. км от краевой столицы) и транспортной малодоступности развивался практически автономно. Заполярный Норильск был вторым после Красноярска по численности жителей городом в крае. Его «сердцем», градообразующим предприятием, являлся горно-металлургический комбинат (ГМК), возведенный узниками ГУЛАГа еще в довоенный период. В 1953 г. «поселок» Норильск, имевший уже около 100 тыс. населения, получил статус города, а большинство бывших заключенных стали горожанами. В районе городов Норильск, Дудинка, Игарка возник самый северный промышленный узел в мире, формировался **Северный (Северо-Енисейский)** ТПК⁵. В изучаемый период сюда продолжали направляться огромные средства, инвестируемые в наращивание мощности ГМК, в строительство Хантайской ГЭС, а также на поддержание дорогостоящего жизнеобеспечения этого района. В 1970 г. Север поглотил более половины всех капиталовложений в народное хозяйство края, а его вклад в общее краевое валовое промышленное производство составил 14,9 %, аграрный сектор в принципе отсутствовал. При этом экономически Норильский ПУ был в основном ориентирован на Урал и европейскую часть страны, нежели на регион. Но во многом благодаря этим заделам сегодня ГМК дает около 60 % налоговых поступлений в бюджет края.

Приангарский (Нижне-Ангарский) ТПК относился к разряду перспективных, но находящихся в зачаточном состоянии, поскольку здесь не было создано достаточной сети городских населенных пунктов и производственных мощностей. Отличаясь высокой концентрацией природных ресурсов, он только вступал в стадию первичного хозяйственного освоения. Здесь шло строительство железных дорог Ачинск-Абалаково, Решоты-Богучаны, разрабатывались планы создания лесопромышленного комплекса и освоения рудных ископаемых. На стадии проектирования находилась Богучанская ГЭС, строительство которой начнется только в 1980 г. На конец рассматриваемого

периода этот район являлся важнейшим резервом в развитии индустриального потенциала региона, производя на 11,2 % общекраевой территории 3–4 % валовой продукции.

Многое было сделано в 1960-е гг. и для ресурсного обеспечения развития ТПК. Под ресурсным понимается как природное (сырьевое, топливно-энергетическое, водное, земельное), так и социально-экономическое (трудовое, инфраструктурное) обеспечение.

Нет надобности перечислять все запасы природных ресурсов края. Общеизвестно, что на его территории располагались около 4 тыс. разведанных месторождений полезных ископаемых (в т.ч. уникальных руд), пятая часть всех лесных площадей СССР, 40 % общих геологических запасов углей страны и 70 % – пригодных для разработки открытым способом. Главная водная артерия края – Енисей способна выработать более 250 млрд. кВт/ч. электроэнергии. Отметим лишь, что в 1960-е гг. эти ресурсы активно осваивались.

Рассматриваемый период имел принципиальное значение с точки зрения обеспечения развивающегося производственного потенциала **трудовыми ресурсами.** Урбанизационные процессы в крае протекали с высокой интенсивностью. Эти годы считаются началом вступления страны в завершающий этап экстенсивной стадии урбанизации, когда деревня дала мощнейший импульс приросту городского населения. Итоги Всесоюзных переписей населения 1959 и 1970 гг. свидетельствуют, что численность горожан края выросла более чем в 1,4 раза, а их удельный вес повысился с 49,6 до 61,8 %. Более 60 % горожан находилось в трудоспособном возрасте⁶. В межпереписной период ускоренными темпами росло население столичного Красноярска (в 1,6 раза), сосредоточившего более трети всех городских жителей региона, и средних городов, в основном за счет Ачинска и Абакана. При этом несколько сократилась доля населения Норильска, малых городов и поселков городского типа. В целом **для края была характерна более выраженная концентрация населения в крупных городах**⁷.

Чуть более половины прироста горожан получено за счет миграционной составляющей, которая в некоторые годы значительно превосходила естественную. Несколько скорректировать ситуацию удалось за счет внутрирегиональной миграции. Около 55 % учтенных переписью 1970 г. мигрантов приходилось именно на долю такого рода перемещений⁷. Но в целом картина механического движения населения вырисовывалась довольно тревожная: на фоне растущего промышленного освоения в регионе наблюдалось массовое перемещение

сибирских сельчан в города и одновременно – отток городского населения края в другие районы страны. И как следствие – старение и абсолютная убыль сельского населения, непрерывное замещение новоселами значительной части горожан, приток в города неквалифицированных и малоквалифицированных кадров, в то время как собственные производственные кадры покидали сибирские города⁸.

Итак, 1960-е годы можно объективно выделить как особый этап в урбанизационном и индустриальном развитии Красноярского края. Всего лишь за одно десятилетие численность горожан увеличилась в 1,4, а выпуск промышленной продукции – в 2,8 раза, что превратило регион из аграрно-индустриального – в индустриально-аграрный. Развитие городского населения края на фоне его бурного индустриального освоения, подкрепленное наличием колоссальных природных ресурсов и научно-плановыми разработками, позволило создать фундамент для крупных территориально-промышленных комплексов на его территории. Основами формирования ТПК стали индустриально-урбанизационные центры края.

Однако ограниченность урбанизационного пространства, явная недостаточность сети городов, неперспективность градостроительных предпосылок у одних (Дудинка, Дивногорск, Енисейск, Ужур, Абаза) и ограниченность таких перспектив для развития новых промышленных производств у других (Боготол, Заозерный, Иланский, Уяр) поставили на повестку дня вопрос создания новых городских населенных пунктов⁹. Поэтому в зоне перспективного промышленного освоения уже в последующие годы появятся города Саяногорск (1975), Лесосибирск (1975), Шарыпово (1981) и ряд новых поселков городского типа. Незавершенной осталась и проблема экономического районирования, что актуализировало решение вопросов составления планов и инвестиционных проектов, поскольку крупные ТПК территориально не совпадали с административными единицами¹⁰. Опыт 1960-х гг. показал также, что добиться гармонизации территориальных и ведомственных интересов будет непросто. Зачастую они шли вразрез. Капиталовложениями распоряжались министерства и ведомства, которые до 1989 г. не платили местным властям даже налогов на землю. Поэтому, зачастую не считаясь с экологическими факторами, они всячески старались разместить свои производства в крупных городах, решив проблему трудовых ресурсов, инфраструктуры и минимизировав затраты на социальные нужды. Явно обозначились и проблемы недостаточно комплексного подхода, нарушения сроков ввода в действие принципиально важных промышленных объектов.

Несмотря на быстрый прирост городского населения, проблема обеспечения рабочей силой стояла в крае чрезвычайно остро. Масштабное индустриальное освоение региона и неблагоприятная демографическая ситуация актуализировали привлечение дополнительных человеческих ресурсов извне.

Таким образом, в 1960-е гг. были созданы важнейшие предпосылки формирования ТПК в Красноярском крае, но при этом явно обозначились и проблемы, не позволившие в полной мере реализовать планы его комплексного развития в перспективе.

¹ *Моделирование* формирования территориально-производственных комплексов. Новосибирск, 1976; *Морозова Т.Г.* Территориально-производственные комплексы СССР. М., 1983; *Проблемы* формирования территориально-производственных комплексов на Востоке страны. Красноярск, 1983; *Тарасов Г.Л.* Территориально-экономические проблемы развития и размещения производительных сил Восточной Сибири. М., 1970; *Экономика* Сибири в разрезе широтных зон. Новосибирск, 1985 и др.

² *ЦХИДНИКК.* Ф.п-26, Оп.42, Д.4, Л.2, 4; *Народное* хозяйство Красноярского края за 70 лет. Стат.сб. ДСП. Красноярск, 1987. С.11.

³ Подробнее см.: *Рафикова С.А.* Поселенная структура городского населения Красноярского края в 1960-е годы. // История образования и науки в Сибири: материалы всероссийских научных конференций с международным участием. Вып. 3 Красноярск, 2009. С.211-215.

⁴ *Бендерский Ю.Г.* Основные тенденции и проблемы формирования системы территориально-производственных комплексов Красноярского края. // Проблемы формирования территориально-производственных комплексов на Востоке страны. Красноярск, 1983. С.28.

⁵ *Тарасов Г.Л.* Территориально-экономические проблемы развития и размещения производительных сил Восточной Сибири. С.178-225.

⁶ Рассчитано по: *Итоги* Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т.1. М., 1972. С.14; *Итоги* Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т.2. М., 1972. С. 80.

⁷ Рассчитано по: *Итоги* Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т.1. С. 40; *Стронгина М.Л.* Социально-экономические проблемы развития больших городов в СССР. М., 1970. С. 13

⁸ Подробнее см.: *Рафикова С.А.* Городские миграции в Красноярском крае в 1960-е гг.: проблемы динамики, типологии, адаптации // Формирование и адаптация населения в районах индустриального освоения Сибири. Сб. науч. тр. Вып.1. Новосибирск, 2006. С.124-146.

⁹ *Перцик Е.Н.* География городов. М., 1991. С. 143.

¹⁰ Например, в зону КАТЭКа попали 3 района Кемеровской области (Мариинский, Тяжинский, Тисульский), находящиеся не только в другой области, но и в другом экономическом районе.

С.С. Букин

**СОЦИАЛЬНО-БЫТОВАЯ ИНФРАСТРУКТУРА
СЕВЕРО-СИБИРСКИХ ТПК: ИСТОКИ ПРОБЛЕМ
И РЕСУРСЫ РАЗВИТИЯ***

В ходе индустриального освоения сибирского региона материально-бытовые трудности в повседневной жизни не в меньшей мере испытывали на прочность характер сибиряков, чем природно-климатические условия. Резкая диспропорция в масштабах развития экономики, прежде всего её базовых отраслей, и социальной сферы образует одно из ключевых противоречий освоения Сибири и особенно её северных территорий.

Мощное наращивание их производственного потенциала, создание крупных ТПК вызвало бурный рост населения, который в основном происходил за счет лиц в трудоспособном возрасте, пополнявших производственные коллективы. Однако сильные ведомственные интересы, применение традиционных, присущих советской экономической системе подходов и методов освоения природных ресурсов на Севере, приводили к нерациональному использованию кадров, их высокой текучести, отставанию в развитии социально-бытовой инфраструктуры. Возникали острейшие проблемы, которых в принципе можно было бы избежать.

В Советском Союзе разрабатывались масштабные и долгосрочные документы стратегического характера: Комплексная программа развития Севера, Комплексная программа развития Тюменского нефтегазового комплекса и другие, которые провозглашали взаимосвязь экономического и социального прогресса. Они предполагали огромные капитальные вложения из государственного бюджета, реализацию крупных экономических и социальных проектов, прочное обживание северных территорий. На севере Западной Сибири

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 10-01-00296а

планировалось не только резко увеличить добычу нефти и газа, но и ежегодно вводить в эксплуатацию не менее одного квадратного метра жилплощади на человека, что могло бы существенно продвинуть вперед решение жилищной проблемы, а это определяющее звено позволило бы вытянуть всю «социальную цепь».

При строительстве Байкало-Амурской магистрали предпринималась попытка преодолеть такой традиционный изъян крупных сибирскихстроек, как отставание в развитии социально-бытовой инфраструктуры по количественным и качественным параметрам. Проектом предусматривалось создание комфортной жизненной среды для работников предприятий, полностью удовлетворяющей их нужды. Предполагалось, что к моменту ввода в строй отдельных участков магистрали для эксплуатационников уже построят благоустроенное жилье и другие объекты социальной сферы в полном объеме.

В рамках Межведомственной комиссии при Госплане СССР выполнялись масштабные работы, связанные с поисками возможностей для здорового и комфортного проживания человека на Севере. Специалистами ВАСХНИЛ с учетом природно-географического районирования северных территорий предлагались различные варианты развития сельского хозяйства и промыслов. Ученые считали, что для повышения уровня жизни и сохранения здоровья человека на Севере необходимо производство жизненно важных продуктов питания на месте, особенно малотранспортабельных и в то же время представляющих высокую биологическую ценность (например, таких, как молоко, свежее мясо, яйца, картофель, овощи и др.). Местные продовольственные ресурсы рассматривались как важный фактор приживаемости населения на Севере.

Медики, биологи, психологи, социологи и другие специалисты изучали возможности акклиматизации и плодотворной жизни людей в северных условиях. Предлагались различные варианты лечебных и профилактических мероприятий для северян, в том числе разработка так называемых «зональных карт акклиматизации», которые должны составляться для жителей конкретных северных территорий и, соответственно, обеспечиваться необходимыми средствами.

Ученые различных направлений однозначно приходили к выводу, что осваивать Север невозможно без учета интересов человека. На северных территориях важно не только создавать совершенные в техническом и технологическом отношении производства, но и строить комфортные для проживания города и рабочие поселки. Если рассчитывать при освоении природных богатств ресурсов се-

верных районов на постоянное население, то следует создавать для него приемлемые условия жизни и труда. Целесообразно не перенаселять северные районы, а средствами государственной миграционной политики привлекать сюда только высококвалифицированные кадры и обеспечивать их комфортное проживание¹.

Пожалуй, с относительной полнотой эти концептуальные установки удалось реализовать только в рамках Северо-Енисейского ТПК в 1970–1980-е гг., когда там развернулось масштабное жилищно-бытовое строительство. Оно перешло на индустриальную основу, непрерывный режим работы, слаженно взаимодействовали все предприятия стройиндустрии. Перестройка в организации строительного производства позволила существенно повысить его эффективность и обеспечить ежегодный ввод только в г. Норильске около 200 тыс. кв. м жилья. Активно использовались также возможности и резервы крупнейших предприятий по строительству жилья хозяйственным способом. Благодаря его применению за 1979–1984 гг. на Надеждинском металлургическом заводе улучшили жилищные условия 1600 чел., или 35,2 % от общего числа работающих. К середине 1980-х гг. в Норильске на одну тысячу жителей строилось полезной жилой площади и объектов соцкультбыта в два раза больше, чем в среднем по стране.

Конечно, развитие социально-бытовой инфраструктуры на Крайнем Севере требовало немалых средств. К примеру, себестоимость одного квадратного метра жилплощади в Норильске составляла 570 руб. против 180 руб. в среднем по Красноярскому краю. Но эти затраты окупались сполна, ибо оказывали заметное воздействие на трудовую деятельность практически каждого северянина. В Северо-Енисейском ТПК отчетливо проявилась взаимосвязь экономического и социального прогресса. Только за 1981–1985 гг. Норильский горно-металлургический комбинат получил прибыль 4 млрд. руб., значительная часть которой была направлена на социальные цели.

В Норильске уже в 1970-е гг. сложилась эффективная система жизнеобеспечения населения. Горком КПСС и горисполком совместно с руководством комбината особое внимание уделяли решению вопросов, связанных со здоровьем населения, социально-бытовым обслуживанием, созданием комфортных условий проживания. Местные органы управления добились установления для норильчан особых стандартов жизнеобеспечения. Например, в городе были введены повышенные нормы питания с преобладанием жиров и белков. С учетом рекомендаций медиков организованы тепличные хозяйства

для выращивания витаминной продукции – зелени и овощей. Из года в год увеличивалось производство оленины, которая очень полезна для питания северян.

Местная пищевая промышленность перешла на выпуск специальных хлебобулочных изделий, обогащенных витаминами, напитков с витамином «С». В первую очередь продуктами с витаминными добавками и другими важными для северян компонентами обеспечивались учреждения общественного питания, детские сады, школы.

С начала 1970-х гг. в Северо-Енисейском ТПК вопросы развития социальной сферы решались, прежде всего, с точки зрения сохранения и укрепления здоровья северян, полноценного и комфортного проживания в населенных пунктах. С данных позиций рассматривалось строительство жилых зданий, детских и спортивных сооружений, социально-бытовых объектов, предприятий общественного питания. Действовала автоматизированная система обработки медицинских данных, которая содержала информацию о состоянии здоровья десятков тысяч северян. Тем самым медики стремились предупредить прединфарктные состояния, вспышки вирусных инфекций, желудочно-кишечных расстройств. Они изучали, что происходит с людьми при перепадах давления, смене полярной ночи полярным днем, с чем связаны пики обморожения и т.д.

Комплексный подход к решению социальных проблем на Енисейском Севере приносил заметные результаты. В течение 1975–1985 гг. удалось улучшить демографические показатели, стабилизировать трудовые коллективы, снизить текучесть кадров, укрепить здоровье жителей. Заметно снизилась заболеваемость детей и подростков, что привело к сокращению выдачи матерям больничных листов по уходу за ребенком, уменьшению частоты заболеваний детей в дошкольных учреждениях и школах.

В 1980-е гг. на предприятия и в организации Норильска поступало так много предложений о приезде на работу из самых различных регионов страны, что горисполком даже принял постановление «О мерах по упорядочению приглашений (вызовов) граждан в город Норильск и их прописки», обязывающее работодателей ответственно относиться к приглашению новых работников с учетом их квалификации и специальности. Привлекательность труда и проживания в северном регионе была очень велика. Только в адрес горно-металлургического комбината приходило около 30 тыс. писем-предложений в год². Однако опыт обживания и социально-бытового развития Ени-

сейского Севера оставался во многом уникальным явлением в отечественной практике.

Диктат центральных органов управления, нацеленный на наращивание темпов добычи полезных ископаемых, ведомственность и монополизм производителей, выражавшиеся в практически неограниченной и бесконтрольной власти союзных министерств, сформировали однобокую хозяйственную структуру, которая не воспринимала коренные жизненные интересы населения северных районов Сибири. Созданная здесь крупная индустрия, дававшая почти весь объем промышленного производства, ориентировалась прежде всего на масштабное извлечение невозвратимых природных ресурсов, которые не подвергались глубокой переработке, а направлялись в другие регионы, где и реализовывался социально-экономический эффект, полученный в добывающих отраслях. В результате неэквивалентного обмена северные районы в течение многих лет несли огромные социальные потери, тогда как различного рода поступления из централизованных фондов не обеспечивали потребностей населения, а лишь консервировали его значительное отставание по комплексу жизненных условий от среднероссийских показателей.

Удивительный парадокс в мировом экономическом развитии демонстрировало освоение нефтяных и газовых месторождений Западной Сибири. Широкомасштабная добыча ценнейшего углеводородного сырья не принесла благополучия тем, чей труд превратил страну в ведущего экспортера нефти и газа. Обильный дождь «газонефтедолларов» не коснулся районов, породивших его. По подсчетам экономистов, эксплуатация нефтяных и газовых ресурсов Севера в течение 40 лет дала доходы, эквивалентные триллиону долларов. Но для подавляющего большинства жителей северных регионов эта гигантская сумма осталась абстрактной величиной, они практически не почувствовали «социальной отдачи» от своего труда.

Выделение средств на развитие социально-бытовой инфраструктуры осуществлялось в основном по ведомственным каналам, что сразу же отводило местным органам управления второстепенную роль. Подобный характер финансирования позволял «экономить» на социальной сфере, приводил к серьезным диспропорциям в ее развитии. Министерства и ведомства выделяли ассигнования, и то часто недостаточные, преимущественно на строительство жилья и детских учреждений, от которых зависело привлечение рабочей силы на предприятия. Одновременно ощущалась острая нехватка средств на

сооружение общегородских или территориальных коммунальных объектов, развитие образования и культуры, здравоохранения и т.д.

Главным критерием, на который ориентировались центральные плановые органы, служила экономическая эффективность проектов. С этой точки зрения вложения в социальную сферу являются непроизводительной нагрузкой: их рост увеличивает общий объем капитальных затрат, но не улучшает итоговые показатели, снижая тем самым коэффициент экономической эффективности капитальных вложений и увеличивая срок окупаемости. Поэтому затраты на социальную сферу стремились свести к «прожиточному минимуму». Норматив доли непроизводственного строительства, не превышавший 18 %, из-за этого оказался заниженным, что не позволило решить задачу достаточного удовлетворения потребностей населения в объектах социально-бытовой инфраструктуры.

Осуществлялась и прямая «корректировка» проектов с целью урезания их социальной составляющей. Так, при экспертизе технических проектов участков БАМ в 1977 г. были сокращены предусмотренные в них объемы жилищного строительства, при переутверждении проекта БАМ в 1987 г. из него исключили большое число объектов социальной сферы. В результате подобных действий в 1987 г. душевая обеспеченность жилой площадью в регионе БАМ была вдвое ниже средней по стране, составляя 6,4 кв. м, остро не хватало больниц, поликлиник, детских садов и других социально-бытовых учреждений ³.

На территории Западно-Сибирского нефтегазового комплекса за 1971–1985 гг. ввели в строй около 16 млн. кв. м жилой площади. Построили школы на 60 тыс., детские дошкольные учреждения – на 50 тыс. мест. Только за первые 15 лет освоения нефтегазовых районов открылись около 200 клубов и Домов культуры, более 30 музыкальных школ, 170 библиотек. Социально-бытовая инфраструктура развивалась здесь опережающими темпами по сравнению с другими районами Сибири и страны в целом, но, тем не менее, не достигала плановых показателей и далеко не обеспечивала потребности быстрорастущего населения ⁴.

За 1981–85 гг. по Западно-Сибирскому нефтегазовому комплексу остались не введенными в эксплуатацию 813 тыс. кв. м жилья, более 10 тыс. мест в детских дошкольных учреждениях, десятки больниц, поликлиник, культурно-бытовых объектов. Сибиряки и их жизненные потребности занимали второстепенное место в государственной социальной политике. Примечателен такой факт: в 1979 г.

для работников КАМАЗа в г. Набережные Челны построили 425 тыс. кв. м жилья, тогда как для жителей четырех северных городов: Нижневартовска, Сургута, Нефтеюганска и Урая всего 250 тыс. кв. м жилплощади.

В качестве положительных изменений в жилищном строительстве в 1970–1980-е гг. следует отметить переход к возведению жилья в капитальном исполнении с высоким уровнем благоустройства, что особенно важно для районов Крайнего Севера. Если в середине 1970-х гг. только 8 % жилых помещений в Ямало-Ненецком автономном округе были обеспечены водоснабжением, 19 % – центральным отоплением, то к началу 1980-х гг. эти показатели составили уже 20 и 36 %. Но в целом доля благоустроенного жилья в ЯНАО составляла 51 % от областного уровня и была значительно ниже российских показателей. Вместе с тем в новых городах уровень благоустройства жилого фонда за счет вновь введенного жилья достигал 80 %. Заметно ниже эти показатели оставались в окружных центрах. В Салехарде к 1985 г. обеспеченность водопроводом составляла 46,3 %, канализацией – 32,9 %, центральным отоплением – 73,9 %, в Ханты-Мансийске – соответственно 53,1, 49,6 и 61,1 %.

В жилищном и культурно-бытовом строительстве в районах pionерного освоения существенное значение приобрела проблема комплексной застройки населенных пунктов, а также использования новых архитектурно-планировочных решений, учитывающих экстремальные условия Севера. Однако далеко не всегда соответствующие предложения архитекторов находили свою реализацию в генеральных планах северных городов. К примеру, в теории градостроительства предлагалось сооружать здания различного назначения под одной крышей, соединенные теплыми переходами, защищающими от воздействия аномальной погоды, а в практике градостроительства в 1960–1970-е гг., напротив, не было разработано ни одного типового проекта применительно к географическим и климатическим условиям Севера.

Одна из первых попыток сооружения северных городов с учетом природно-климатических факторов была предпринята в Надыме, который становился первым базовым городом для освоения газовых месторождений Приполярья. В отличие от других северных поселений его решили с самого начала застраивать капитальными зданиями с полным набором коммунальных услуг и повышенным комфортом. Однако застройка Надыма повторила негативный опыт предшествующего градостроительства. Строительство города велось не комплексно,

при сооружении жилых микрорайонов использовались серии домов, разработанные по старым нормам для средней полосы страны, обладающие низкими теплотехническими свойствами, не отвечающими условиям Крайнего Севера ⁵.

В отличие от градостроительной практики в северных районах Канады и США, где архитекторы и строители имели возможность вырабатывать и применять новые неординарные градостроительные решения, учитывающие природно-климатические особенности, на Севере Западной Сибири такой подход реализовать не удалось. Сказалось отсутствие обоснованной, всесторонне проработанной градостроительной концепции, а также недостаток времени в условиях нефтегазового бума на подготовку проектной документации, учитывающей природно-климатическую специфику Севера. Поэтому при разработке генеральных планов сибирских городов опыт «черпался» не из лучших мировых достижений архитектуры, используемых при строительстве на Севере Канады и на Аляске, а из проектов застройки районов Поволжья, Татарии и Башкирии, которые по своим характеристикам существенно отличались от северных регионов Западной Сибири. К тому же эти проекты «усекались» и «удешевлялись» в процессе реализации, что в конечном итоге могло обеспечить только низкие жизненные стандарты ⁶.

В годы перестройки, несмотря на осуждение «остаточного» принципа финансирования социальной сферы с самых высоких трибун, практика освоения северных территорий продолжала двигаться в старом русле технократического сценария. Во второй половине 1980-х – начале 90-х гг. из каждого рубля капитальных вложений здесь затрачивалось на социальные цели 10–13 коп. Падение жизненного уровня северян происходило даже быстрее, чем в среднем по Российской Федерации.

На рубеже 1980–90-х гг., в условиях централизованно введенного «самофинансирования», в число первоочередных выдвинулась проблема разбалансированности финансов, связанная с низкими тогда ценами на природные ресурсы. В значительной степени ее обострило введение рентных платежей на нефть и газ после формирования бюджетов на 1991 г., что привело к резкому сокращению доходной базы Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов. Давая две трети добычи углеводородного сырья в пределах бывшего СССР и обеспечивая основную часть всех валютных поступлений, они не имели необходимых финансовых средств для минимального удовлетворения самых неотложных социальных нужд населения. По сви-

детельству Ю.В. Неелова, «под первыми ударами реформ Ямал оказался таким же беззащитным, как и все северные регионы. Жизнь превратилась в абсурд, в кино ужасов. Территория в 0,5 процента российской земли и с 25 процентами мировых запасов природного газа, богатая рыбой, зверем, с огромным стадом оленей, впала в нищету, едва не обанкротилась»⁷.

Парадоксом «переходного периода» к рыночным отношениям стала натурализация хозяйственных связей, что породило дополнительные трудности для северных районов. Рассматривая поставки газа, нефти, руды, металлов как обязательные, другие регионы задерживали заключение хозяйственных договоров, сокращали объемы поставок продовольствия и промышленных товаров. В этих условиях особенно болезненно сказывался узкоотраслевой характер северной экономики, ее моноструктурность, определившие жесткую зависимость материального обеспечения населения от внешних связей. По выпуску потребительских товаров северные районы занимали последние места в России, производя за счет собственных ресурсов лишь небольшую часть необходимого фонда потребления. Сюда завозились почти все непродовольственные товары и продукты питания, значительная часть строительных материалов и конструкций. Ямало-Ненецкий округ – основной поставщик газа не имел централизованного газоснабжения, из года в год откладывалось строительство коммунального газопровода, а городские жители пользовались малоудобными электрическими плитками. Столица округа г. Салехард получил ямальский газ лишь в новом столетии, через 30 лет после начала его поставок в Европу.

Большое значение для северных ТПК, которые по добыче полезных ископаемых, производительности труда занимали в России ведущие позиции, а по социально-бытовым условиям жизни отставали от среднероссийского уровня, имело выравнивание территориальных различий в материально-бытовом обеспечении населения. На рубеже 1980-х – 1990-х гг. представлялось принципиально важным на практике реализовывать принцип эквивалентности, объективно учитывать соответствие вклада региона в социально-экономическое развитие страны его доле в общем фонде потребления. Соответственно и финансовая база региональных органов управления должна быть адекватна экономическому потенциалу территории.

При этом было бы ошибочным отождествлять среднестатистическое и фактическое выравнивание территориальных различий в социальной сфере. Жителям северных районов требуется гораздо боль-

ше продуктов животного происхождения, им необходимы более просторные жилые помещения, более широкий ассортимент одежды, обуви и т.д. Следовательно, фактическое выравнивание материально-бытовых условий жизни означает не одинаковое потребление материальных благ, а, прежде всего, обеспечение равной степени удовлетворения потребностей населения, которые существенно отличаются в разных регионах страны.

Серьезной проблемой являлась и значительная дифференциация уровня социально-экономического развития отдельных районов внутри самих административных образований на Севере, что определялось прежде всего ведомственным диктатом, перекосами в инвестиционной политике и размещении производительных сил. Особенно сильно подобные «социальные перепады» ощущались в населенных пунктах нефтегазового комплекса и в поселках работников традиционных отраслей. Очевидный, убедительно доказанный советской историей вред уравниловки все же не отрицает необходимости сглаживания этих социальных различий. К тому же опыт Зарубежного Севера и ряда ближневосточных стран свидетельствует, что добыча и реализация нефтегазовых ресурсов обеспечивают благосостояние населения обширных регионов, а не только жителей территорий, примыкающих к нефтяным и газовым скважинам.

Важно иметь в виду, что социально-бытовые проблемы, с одной стороны, тесно связаны между собой, а с другой – обладают относительной автономией. Изменение реальных доходов влияет на величину и структуру потребления. Качество продовольствия и рацион питания отражаются на здоровье людей. Вместе с тем жилищное строительство не может компенсировать нехватку детских учреждений, а бытовое обслуживание – недостаток продуктов питания. Поэтому необходим комплексный подход к решению социально-бытовых проблем. Только при таком подходе социально-бытовое развитие приобретает характер подлинного прогресса, способствует росту производительных сил.

Нет преувеличения в том, что для сибирского Севера именно комплексное решение социально-бытовых проблем имеет жизненное значение. В условиях перехода к рыночным отношениям в результате инфляции, резкого падения покупательной способности рубля, возможности получения высоких заработков в более благоприятных климатических условиях северные районы теряли свое единственное социальное преимущество – в размерах денежной оплаты труда. Это представляло прямую угрозу кадровому потенциалу предприятий, вело

к распаду трудовых коллективов, миграционному оттоку квалифицированных рабочих и специалистов за пределы северных регионов.

Перспективность комплексного решения социально-бытовых проблем все же не отрицает целесообразности выбора приоритетов в данный момент, что определяется, с одной стороны, потребностью смягчения действия факторов, особенно болезненно отражающихся на условиях жизни населения, а с другой – ограниченностью материально-финансовых ресурсов. Такой центральной социальной задачей на рубеже 1980-х – 90-х гг. являлась стабилизация потребительского рынка, что предусматривало не только сокращение разрыва между выпущенной в оборот денежной массой и ее товарным покрытием, но и обеспечение самых насущных нужд людей в продуктах питания и непродовольственных товарах.

Разрушение потребительского рынка северных регионов обуславливалось общим кризисом советской социально-экономической системы. Как и во всей стране, «заблаговременные» правительственные заявления о предстоящем повышении розничных цен вызывали мощные ажиотажные волны, сметавшие товары с прилавков магазинов. Вместе с тем существенный отпечаток наложили и социально-экономические особенности Севера, прежде всего крайне низкий выпуск потребительских товаров. Так, в Ямало-Ненецком автономном округе в 1990 г. их было произведено в расчете на одного жителя всего на 175 руб. при среднегодовой заработной плате 6780 руб. Разрыв между денежными доходами и расходами населения составил огромную сумму, превысив 340 млн. руб.

На материальном обеспечении населения заметно сказалось ухудшение деятельности потребительской кооперации. Ямало-Ненецкий окррыболовпотребсоюз в начале 1990-х гг. обслуживал свыше 77 тыс. человек, в том числе 26,7 тыс. жителей коренной национальности, или 97,7 % от их общей численности в округе. Продажа товаров производилась через 235 магазинов, в которых было занято 3,5 тыс. торговых работников. Начиная со второй половины 1980-х гг. прослеживается тенденция падения удельного веса потребительской кооперации в розничном товарообороте округа. В 1986 г. эта доля составляла 16 %, в 1987 г. – 14,1, в 1988 г. – 13,3 и в 1989 г. – 12,9 %. Оставалась примитивной материальная база. Так, выпечка хлеба в ряде пекарен производилась в допотопных печах, отапливаемых дровами. Выпуск хлебобулочных изделий часто срывался. В целом износ основных фондов превышал 30 %.

Из проблем торгового обслуживания на фоне тотального дефицита особую тревогу вызывали огромные потери продовольствия, завозимого в северные районы. При закладке и хранении приходили в негодность свыше трети картофеля, овощей, фруктов, тысячи тонн других продуктов. В немалой степени это было связано со слабой технической оснащенностью баз и складов. Поэтому очевидной становилась экономическая целесообразность вложения крупных средств, в том числе полученных по бартерным операциям, в приобретение современных технологических линий переработки сельскохозяйственной продукции и оборудования для ее хранения.

Сокращения и срывы централизованных поставок продуктов питания подчеркивали жизненную важность развития местной продовольственной базы. Аграрный сектор Ямало-Ненецкого округа к началу 1990-х гг. включал 14 совхозов и 6 рыбозаводов, где трудилось 12 тыс. человек, 70 подсобных хозяйств промышленных предприятий и организаций. За 1989–1990 гг. было образовано около 60 фермерских хозяйств и кооперативов. Расширялись также индивидуальное животноводство и огородничество.

Во второй половине 1980-х гг. местное производство сельскохозяйственной продукции возросло в 1,5-2 раза и в расчете на одного жителя составило: мяса – 21 кг, молока – 18 л, яиц – 21 шт. В 1991–1992 гг. произошел резкий спад, что было связано с ухудшением материально-технического снабжения, удорожанием сельскохозяйственной техники, несовершенной организацией и стимулированием труда⁸.

Стремясь противодействовать нарастающей лавине социальных проблем, окружной Совет народных депутатов принял решение установить с 1 марта 1991 г. единый районный коэффициент к заработной плате работников бюджетных организаций и учреждений, располагавшихся в населенных пунктах севернее Полярного круга – 1,8, южнее – 1,7. Одновременно такая же надбавка была введена к пенсиям и пособиям граждан. Эти меры, призванные компенсировать дополнительные затраты, которые связаны с проживанием в северных районах, отвечали принципу социальной справедливости. Однако в условиях разрушения потребительского рынка они не могли реализовать свою социальную роль и способствовали выпуску в оборот дополнительной массы обесцененных денежных знаков.

В целом начало 1990-х гг. ознаменовалось увеличением номинальной оплаты труда работников основных отраслей экономики северных районов, особенно добывающих. Высокие темпы роста денеж-

ных доходов, не подкрепленные товарами и платными услугами, подстегивали инфляционные процессы. Из-за сокращения выпуска и завоза товаров народного потребления соотношение между денежной и товарной (в стоимостном выражении) массой даже возросло.

Одновременно в связи с введением различного рода компенсаций и надбавок заработная плата все больше аккумулировала (кстати, из-за инфляции во многом иллюзорные) функции социальной защиты работающих в условиях роста цен. Соответственно падала именно заработанная, т.е. непосредственно связанная с производственной деятельностью доля денежных средств в совокупной оплате труда. Следовательно, заработная плата теряла свое значение как стимул производства и все слабее связывалась с его эффективностью и конкретными результатами. Подобная ситуация вызывала серьезную тревогу, ибо у работающих заметно снижалась мотивация к труду.

Введение так называемых свободных цен оказалось для северных районов Сибири особенно болезненным в связи с еще двумя обстоятельствами. Во-первых, как уже упоминалось, они являлись регионами с крайне слабо развитой собственной сельскохозяйственной базой. Свободные цены на продовольствие достигли здесь «стратосферных высот», срезая номинально высокие денежные доходы населения. Во-вторых, приватизация ряда сегментов социально-бытовой сферы встретила на Севере с дополнительными трудностями, связанными с её «эмбриональным» состоянием. Обеспеченность учреждениями торговли и общественного питания, предприятиями службы быта была в северных районах гораздо ниже, чем в обжитых регионах, что не позволяло проводить антимонопольную политику, ожидать развития конкуренции.

Ощутимой проблемой для потребительского рынка северных территорий стали срывы централизованных фондовых поставок продовольствия, обусловленные распадом административно-плановой системы материального снабжения. Ответной реакцией, как и в ряде других регионов, явилось развитие так называемых бартерных операций. Коллективы предприятий нефтяной и газовой промышленности выдвинули требования к правительству о взаимосвязи поставок нефти и газа с поступлением к ним продовольствия, промышленных товаров, строительных материалов, а также наделения этих предприятий правом реализовать по своему усмотрению часть нефти, газа, конденсата, выделения производителям доли валютных поступлений от их экспорта.

Нельзя не признать, что в условиях развала денежной системы и стремительного падения покупательной способности рубля бартерные сделки представляли неизбежное явление и в определенной степени «разряжали» ситуацию на потребительском рынке. Однако одновременно они усиливали социальную напряженность, порождали противоречия во взаимоотношениях между отдельными общественными группами, ибо использовались лишь в интересах работников добывающих отраслей. «Обойденными» оставались представители многих других профессий, чей труд общественно полезен и необходим для жизнеобеспечения всего населения. Например, справедливые требования и нарекания в данной связи высказывали врачи и учителя. Поэтому применительно к тем условиям представлялась рациональной идея создания общего фонда природных сырьевых ресурсов и материалов, который использовался бы в интересах всех жителей.

Наряду с кризисом потребительского рынка на рубеже 1980–90-х гг. произошел резкий спад в жилищном и культурно-бытовом строительстве. Только в Ямало-Ненецком автономном округе в 1990 г. население недополучило 114 тыс. кв. м жилья, более 2 тыс. мест в детских садах, много других социально-бытовых объектов. По сравнению с предыдущим годом ввод в эксплуатацию квартир уменьшился на 29 %, общеобразовательных школ – на 12 %, дошкольных учреждений – более чем в 2 раза.

Причинами стали уменьшение инвестиций из государственных источников, развал материально-технического снабжения. Особые трудности создавало слабое развитие местной строительной индустрии, которая была способна обеспечить лишь 12–15 % объемов капитальных вложений.

В целом в Ямало-Ненецком автономном округе жилой фонд в начале 1990-х гг. составил 7144,5 тыс. кв. м, или 14,5 кв. м общей площади на одного человека. Обеспеченность общеобразовательными школами равнялась 89 %, детскими дошкольными учреждениями – 78, больницами – 84, поликлиниками – 72 %.

Но наиболее острой оставалась жилищная проблема. В очереди на получение жилья стояли свыше 57 тыс. семей, около 15 тыс. вообще не имели его. В ходе нефтегазовой эпопеи широкое распространение получили такие «жилища» как балки и вагончики, количество которых практически не уменьшалось. Если в 1962 г. в Ямало-Ненецком округе их насчитывалось 12978, то в начале 1990 г. – 12179, число проживающих составило соответственно 43448 и 44319 чел. Промышленные предприятия редко выделяли вновь по-

строенные квартиры для семей, размещавшихся в балках и вагончиках, считая их обеспеченными жильем.

Ситуацию осложняли и так называемые «фенольные» дома, имевшие особую химическую пропитку стен, которых насчитывалось свыше 360. Многие проживающие в них испытывали сильное морально-психологическое угнетение, связанное с беспокойством за здоровье членов своих семей⁹.

Кризис социальной сферы в северных районах в начале 1990-х гг. усугубила так называемая «муниципализация», т.е. передача жилья и социально-бытовых объектов, находящихся в распоряжении промышленных предприятий, на баланс местных Советов. Практика показала, что в первую очередь передавались те социально-культурные учреждения, которые не приносили дохода и требовали значительных затрат на свое содержание. В то же время ограниченные бюджеты местных органов управления были не в состоянии профинансировать эти учреждения. Поэтому некоторые из них в течение длительного времени пребывали в состоянии неопределенной балансовой принадлежности и без источников поступления денежных средств.

Исключительно важно учитывать, что в условиях Севера социально-бытовые проблемы тесно переплетаются с медико-биологическими, в совокупности непосредственно отражаются на адаптации человека к новой жизненной обстановке. Как правило, это очень сложный процесс, связанный с высокой заболеваемостью. Обследования, проведенные среди новоселов, приехавших в Среднее Приангарье в 1960-е гг., показали, что в 87 % случаев в первые месяцы пребывания отмечалась слабость, разбитость, усталость, головные боли, пониженная работоспособность, быстрая утомляемость, нарушение сна¹⁰.

Еще болезненнее проходила акклиматизация в индустриальных районах Крайнего Севера, где возрастала сила воздействия стрессогенных факторов. Психологическое состояние человека часто оказывалось очень чувствительным индикатором изменений, происшедших в организме при контакте с неблагоприятными природно-климатическими и социальными условиями. По данным обследований второй половины 1990-х гг., у 55,4 % практически здоровых людей на Крайнем Севере отмечалась сильная эмоциональная напряженность, у 32 % обследованных проявлялся высокий уровень нервных расстройств.

Изучение психологических особенностей северян показало, что каждому второму свойственна эмоциональная нестабильность, склонность к конфликтам. При этом у 36,8 % обследованных адаптивность

к экстремальным условиям Севера оценивалась как состояние на грани срыва. Особенно дискомфортно чувствовали себя мигранты, которые попадали в новые необычные условия, предъявляющие повышенные требования к адаптивным механизмам. Так, частота пограничных состояний у них оказалась в 1,5 раза, а психопатии – в 6 раз выше, чем у укоренившегося населения.

При адаптации к высоким широтам проявляются особенности суточных и сезонных ритмов физиологических функций: в период полярной ночи тонус высших отделов центральной нервной системы понижен, нарушается ритм сна, отмечаются признаки психологической подавленности и невротических состояний; в течение полярного дня тонус ЦНС повышен, имеют место явления перевозбуждения, сокращения фазовых сдвигов длительности сна. В условиях Крайнего Севера формируется «полярный метаболический тип», для которого характерно снижение энергетической роли углеводов и повышение значения жиров, в меньшей степени – белков ¹¹.

Справедливо отмечено, что для человека на Севере – «все дефицит: воздух – мало кислорода, солнце – больше половины года полярная ночь, вода – из-за большого содержания минеральных примесей необходима очистка. У него меньше квадратных метров жилья, коек в больнице, мест в детсадах, школах, в учреждениях культуры, чем у среднего россиянина» ¹².

Резкое ухудшение условий жизни населения в конце 1980-х – начале 90-х гг., его обнищание в результате гиперинфляции со всей остротой ставили вопрос о материальной поддержке социальных групп, находившихся в особенно трудном положении. Обострились проблемы, связанные с обучением и воспитанием подрастающего поколения. Ухудшились охрана здоровья детей и подростков, материальная обеспеченность выпускников школ-интернатов.

Все это требовало осуществления неотложных мер по созданию системы экстренной социальной помощи, способной быстро оказать поддержку людям, оставшимся без средств существования, оказавшимся в «тупиковой» жизненной ситуации. В северных районах особенно важным стало развитие эффективной социальной работы, опирающейся на отечественный и мировой опыт.

Органами местного управления с привлечением специалистов, ученых из различных научных дисциплин и представителей общественности предпринимались активные усилия по выработке региональной социальной политики, учитывающей специфику труда и проживания человека на Севере. При этом особо отмечались:

1) особенности этнического и национального состава населения, наличие у части жителей гражданства других государств, предрасположенность трудовых ресурсов к повышенной миграционной подвижности;

2) расположение значительной части территории в приполярных и арктических районах с экстремальными для проживания человека природно-климатическими условиями;

3) удаленность от развитых промышленно-культурных центров и общепризнанных рекреационных зон Российской Федерации;

4) повышенная экологическая уязвимость;

5) специфичность трудовой деятельности основных групп населения, связанная с сочетанием необходимости разработки природных ресурсов и сохранения традиционного для коренного этноса образа жизни и хозяйственной деятельности.

Исходя из этих особенностей, определялись приоритеты социальной политики: организация систем жизнеобеспечения, охрана здоровья и окружающей природной среды, обеспечение занятости, регулирование миграционных процессов, содействие возрождению коренных малочисленных народов Севера и этнических общностей, социальная поддержка отдельных категорий граждан, а также удовлетворение культурных, воспитательных, образовательных, религиозных и других потребностей населения¹³.

Определенный эффект принесли перемены в осуществлении региональной социальной политики, которая стала теснее увязываться как с конкретными потребностями северян, так и с решением территориальных социально-демографических задач. Если в 1990-е гг. развивались различные виды социальной помощи, увеличивались разнообразие пособия и компенсации жителям, то в первое десятилетие нового века акцент делается на создании более комфортных условий проживания на Севере и, прежде всего, решении жилищной проблемы с использованием современных технологий строительства и при финансовой поддержке из бюджетов территориально-административных образований. Это позволяет не только эффективно вкладывать сбережения населения, защищать накопления от инфляции, стимулировать строительную промышленность, но и, что особенно важно, упрочить базисные основы образа жизни северян, стабилизировать их социальное положение, поддерживать молодые семьи.

В социально-бытовой инфраструктуре преимущественное развитие приобретают сегменты, услуги которых имеют массовый и повседневный характер. Эксклюзивные виды социально-культурного

обслуживания, такие как получение высшего образования, оказание высокотехнологичной медицинской помощи и др., признано целесообразным «приобретать» в крупных городах страны.

Вместе с тем нельзя не видеть, что позитивные тенденции в экономике и социальной сфере в начале XXI в. были непосредственно связаны с таким благоприятным фактором глобального значения, как быстрый рост цен на энергоносители. Подобная ситуация продолжалась до осени 2008 г., когда захлестнувший страну мировой финансово-экономический кризис наглядно показал, что даже мощные «нефтегазовые инъекции» не могут обеспечить долговременного и стабильного социально-экономического развития регионов.

¹ *Власов Г.П., Власова Н.Г.* Формирование трудовых ресурсов в регионе БАМа. // Становление индустриально-урбанистического общества в Урало-Сибирском регионе: подходы, исследования, результаты. Материалы межрегион. науч. конф. Новосибирск, 2010. С.281; *Тимошенко А.И.* Проблемы формирования индустриальных кадров в северных районах Сибири в 1950–1980 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. 2009. № 3, вып. 2. С.61.

² *Цыкунов Г.А.* Ангаро-Енисейский ТПК: проблемы и опыт (исторический аспект). Иркутск, 1991. С.97; *Куцев Г.Ф.* Человек на Севере. М., 1989. С. 108-109.

³ *Власов Г.П., Власова Н.Г.* Формирование трудовых ресурсов в регионе БАМа. С. 281-282.; *Железко С.И.* Социально-демографические проблемы в зоне БАМ. М., 1990. С.7.

⁴ *Алексеев В.В., Ламин В.А.* Прометеи сибирской нефти. Свердловск, 1989. С.245-246.

⁵ *Гаврилова Н.Ю.* Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири. Тюмень, 2002. С.41, 130.

⁶ См.: *Управление* региональными программами в США и Канаде. М., 1983; *Агранат Г.А.* Возможности и реальности освоения Севера: глобальные уроки. М., 1992.

⁷ *Неелов Ю.В.* Север не край, а начало России.// Российская Федерация сегодня. Специальный выпуск. 2005. С.46.

⁸ *Букин С.С.* Социально-бытовые проблемы Ямало-Ненецкого округа в контексте перехода к рыночным отношениям.// Ямал в панораме Российской истории. Матер. науч. семинара. Екатеринбург, 2004. С.188.

⁹ Там же. С.191-192.

¹⁰ *Среднее Приангарье.* Иркутск, 1976. С. 53

¹¹ Буганов А.А. Здоровье на Севере: взгляд на проблему. // Научный вестник. Обдорья: история, культура, современность. Вып. 4 (35). Салехард, 2005. С. 72-73.

¹² Неелов Ю.В. Север не край, а начало России. С. 46.

¹³ См., например, *Устав Ямало-Ненецкого автономного округа*. Салехард, 1995.

С.А. Янюшкин

ИНДУСТРИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ПРИАНГАРЬЯ И ЕГО ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ (1950–1980-е гг.)*

Хозяйственное освоение новых районов – объективный исторический процесс. Он происходит на каждой ступени развития человечества и характерен для всех его сообществ. Новый район освоения – это регион, присоединяемый к ранее обжитым территориям страны. В нем, как правило, богатые запасы энергетических и сырьевых ресурсов. Эти районы на территории Сибири представляют крупный резерв развития России. Отсюда их приоритетная роль в социально-экономической политике государства. Следовательно, актуально и важно комплексно рассмотреть исторический опыт хозяйственного освоения новых районов с учетом проблем природопользования.

Вся российская история, так или иначе, связана с освоением новых районов. Известный историк В.О. Ключевский заметил: «История России есть история страны, которая колонизируется. Область колонизации расширяется вместе с государственной ее территорией»¹. Освоение богатых природных ресурсов в восточных районах нашей страны – стратегическая линия российских правительств. Освоение территории и освоение ресурсов – это две стороны одного и того же процесса, каждая из которых имеет свою специфику.

Вместе с тем человек еще не научился жить в гармонии с природой. Происходит ухудшение экологической обстановки в стране. Это явилось следствием несоблюдения правил и норм по охране окружающей среды, хищнического использования природных ресурсов.

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 10-01-00296а

Однако процесс природопользования включает в себя не только добычу и переработку полезных ископаемых, но и сохранение экологического равновесия, а это, в свою очередь, служит основным условием дальнейшего существования общества. Только в этом случае можно говорить о рациональном использовании природных ресурсов. Нерациональное природопользование имеет место тогда, когда не осуществляются меры по сохранению природных богатств. Именно такой подход был главенствующим в практике и политике советского правительства при освоении Приангарья – крупнейшего источника гидроэнергетических и минерально-сырьевых ресурсов.

Быстрое промышленное освоение данного региона привело к неблагоприятной экологической обстановке в конце XX в. Иркутским региональным центром геоинформационных технологий СО РАН приведены такие факты:

1. Семь промышленных городов Приангарья входят в приоритетный список 45 городов России с очень высоким средним уровнем загрязнения атмосферного воздуха. Это Ангарск, Братск, Зима, Иркутск, Усолье-Сибирское, Черемхово и Шелехов.

2. Пять контрольных пунктов бассейна р. Ангары включены в «Приоритетный список водных объектов, требующих первоочередного осуществления водоохранных мероприятий». Это реки Ангара (г. Усть-Илимск), р. Вихоревка (с. Кобляково), р. Ока (пос. Усть-Када), Усть-Илимское водохранилище (с. Усть-Вихорева) ².

В 1950–1980-е гг. на территории Приангарья развернулось строительство гигантских промышленных комплексов, получили развитие гидроэнергетика, лесная и добывающая промышленность. Бурный экономический рост обусловил вовлечение в хозяйственную деятельность огромных природных ресурсов, тем самым вызвав усиленное воздействие на окружающую природную среду.

Приангарье относится к наиболее крупным и развитым в промышленном отношении регионам России. Здесь проживает менее двух процентов населения страны, при этом производится 85 % общероссийского объема слюды, 53 % синтетических смол и пластмасс, столько же целлюлозы, 50 % азотных удобрений и каустической соды, более трети алюминия, 10 % золота, 9 % нефтепродуктов, 7 % электроэнергии, 6 % угля, 5 % железной руды. Регион занимает первое место в России по объему заготовок деловой древесины и второе – по производству пиломатериалов. На юге региона расположено озеро Байкал – крупнейшее в мире по запасам пресной воды, а на севере – богатейшее Ковыктинское газовое месторождение. Опреде-

ленная специфика региона в том, что его центр – г. Иркутск по своему экономическому потенциалу уступает другим крупным городам региона. Лидер – Братск, в котором сосредоточены такие промышленные гиганты, как Братский алюминиевый завод (БрАЗ), Братский лесопромышленный комплекс (БЛПК), Братская ГЭС, за ним следуют – Ангарск с Ангарской нефтехимической компанией (АНХК), Шелехов с Иркутским алюминиевым заводом (ИркАЗ). Крупным промышленным центром является и г. Усть-Илимск. Геополитическое значение Приангарья для России в обозримом будущем трудно переоценить именно ввиду его географического положения: это самый восточный из промышленно развитых регионов России, расположенный на пересечении трансграничных финансовых, торговых, информационных, этнических «потоков».

Новый этап хозяйственного освоения восточных районов страны открыло гидроэнергетическое строительство на Ангаре. Первые исследования водной артерии, осуществленные в 1820, 1845 и 1877 гг. были призваны решить, прежде всего, проблему судоходства на реке и ее притоках³. В начале XX в. проявился интерес к богатым гидроэнергетическим ресурсам реки. Начиная с 1916 г. исследование Ангары вели крупные инженеры Лодзинский, Крутиков, Вельпер, Малышев, Великанов, Александров, Колосовский и др. Н.Н. Колосовский дал характеристику природных ресурсов Приангарья, предложил на основе гидроэнергоресурсов разместить здесь комплекс взаимосвязанных предприятий – прежде всего, алюминиевой, химической, лесной промышленности, черной металлургии. Он первым высказал идею создания в Иркутской области территориально-производственных комплексов⁴.

В 1929 г. комплексное изучение Ангары вошло в первый пятилетний план развития народного хозяйства страны. С этого времени освоение природных ресурсов Приангарья стало важнейшей народно-хозяйственной задачей. Планом предусматривалось вначале создание Иркутско-Черемховского промышленного узла, а затем формирование более крупного Братско-Усть-Илимского производственного комплекса⁵.

Тогда же была поставлена задача комплексного освоения огромного Приангарского района Восточной Сибири: создание энергетики, разработка угольных и рудных богатств, строительство металлургических комбинатов, железных дорог, алюминиевых заводов, лесохимических предприятий, развитие сельского хозяйства.

В августе 1947 г. по инициативе Иркутского обкома партии и обл-

исполкома Академией наук СССР в Иркутске организована конференция по изучению производительных сил Иркутской области. Ее работой руководил академик И.П. Бардин⁶. Он отмечал: «На основе оценки общих перспектив развития народного хозяйства СССР и энергоэкономической характеристики отдельных производств в качестве первоочередных для развития в Иркутской области конференцией рекомендованы следующие комплексы:

1) на базе освоения гидроресурсов – алюминиевая промышленность, производство ферросплавов и высококачественных электросталей, получение кислорода, электрохимическая переработка солей, а также промышленные предприятия на новой технической базе электротермии;

2) на базе освоения угольных ресурсов – промышленность по всесторонней химической переработке углей, в первую очередь искусственного жидкого топлива, производство органического синтеза (синтетический каучук, пластмассы и др.);

3) на базе освоения лесных ресурсов – лесохимическая целлюлозно-бумажная промышленность.

Комплексное развитие Восточной Сибири предопределяет целесообразность строительства здесь черной металлургии, машиностроения, предприятий легкой и пищевой индустрии»⁷.

Социально-экономическая привлекательность Ангары состоит в том, что она сочетает в себе два важных энергетических свойства: полноводность крупных равнинных рек, не имеющих большого падения, и стремительность горных потоков, обладающих небольшим расходом воды. Редчайшее качество Ангары – постоянство расхода воды в течение всего года, что обеспечивает равномерную работу гидроэлектростанций⁸. Кроме того, на Ангаре имеются геологические условия для сооружения мощных ГЭС, в особенности в пределах среднего течения, где она протекает в узкой долине, прорезая мощные траппы, являющиеся надежным основанием высоконапорных плотин⁹.

В 1950-е гг. увеличившийся экономический потенциал страны способствовал развитию производительных сил Приангарья. После XIX съезда КПСС началось формирование Ангаро-Енисейских территориально-производственных комплексов. В первую очередь планировалось создание каскада гидроэлектростанций, чтобы на основе дешевой электроэнергии, а также местных природных ресурсов, ввести в строй крупные энергоемкие предприятия различных отраслей промышленности.

Первенцем ангарского каскада, энергетической базой Байкало–Черемховского комплекса стала Иркутская ГЭС. В январе 1950 г. правительство СССР приняло постановление о её строительстве и на берега Ангары стали прибывать первые бригады строителей со всей страны. В 1958 г. завершилось сооружение последнего восьмого гидроагрегата. Первенец ангарского каскада гидроэлектрических станций – Иркутская ГЭС вступила в строй. 24 сентября 1958 г. государственная комиссия приняла её в постоянную эксплуатацию. Мощность ГЭС составляет 660 тыс. кВт с годовой выработкой 4,2 млрд. кВт·ч. электроэнергии¹⁰.

В 1954 г. принимается решение о строительстве второй ступени каскада – Братской ГЭС – поистине уникального сооружения¹¹.

В конце этого года первые строители пришли на Падунские пороги и развернули подготовительные работы. К этому времени было осуществлено строительство железнодорожной магистрали Тайшет – р. Лена. 11 августа 1956 г. Совет Министров СССР утвердил задание на строительство Братской ГЭС. В него вовлекались полтысячи промышленных предприятий, поставлявших необходимое оборудование и механизмы. Работы на гидроузле начались в 1957 г., а через два года было осуществлено перекрытие Ангары. В 1961 г. введены в строй первые агрегаты, а в 1966 г. строительство окончено – в эксплуатацию вошли все 18 агрегатов ГЭС. 28 июля 1967 г. Братская ГЭС была принята Государственной комиссией в постоянную эксплуатацию с оценкой «отлично»¹².

В сентябре 1956 г. Совет Министров СССР принял постановление о создании в районе формирования Братско-Усть-Илимского ТПК собственной стройиндустрии, которая смогла бы обеспечить потребности строительства гидроузла. Создано множество предприятий: заводы сборного железобетона, стройматериалов, металлорежущие и домостроительные. К 1964 г. почти все объекты были сданы в эксплуатацию. Одновременно от Иркутска в Братск прокладывали линию высоковольтных электропередач длиной 628 км. К концу 1957 г. она вошла в постоянную эксплуатацию¹³.

3 апреля 1954 г. Совет Министров СССР принял постановление, в котором Министерству целлюлозно-бумажной промышленности предписывалось определить место строительства Байкальского целлюлозно-бумажного завода (БЦБК). Было осмотрено более 15 площадок для будущего строительства. Исполнительный комитет Иркутского областного Совета депутатов трудящихся в сентябре 1954 г. зарезервировал Солзанскую площадку, которая находилась в 36 км от Слюдянки¹⁴.

В феврале 1963 г. трест «Иркутскэнергомонтаж» закончил строительство высоковольтной линии электропередачи от поселка Култук до Байкальска. В июле этого же года начато сооружение заводской ТЭЦ мощностью 74 тыс. кВт и производительностью пара 779 тонн в час для потребностей будущего завода. 5 января 1964 г. приказом Министерства лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности утвержден пусковой график завода. В этом же году строители смонтировали корпуса основных цехов: древесно-подготовительного, выпарного, варочного, отбельного, сушильного.

В 1965 г. в основном были завершены работы по строительству главного корпуса Байкальского предприятия, ТЭЦ, первой линии технологического обслуживания. 6 июня 1965 г. проведена первая варка целлюлозы в экспериментальном цехе. В 1966 г. было закончено строительство первой очереди Байкальского гиганта лесохимии, в 1971 г. ввели в строй вторую очередь. С 1972 г. Байкальский целлюлозный завод стал работать на полную мощность по установленной технологической схеме с плановой выработкой 200 тыс. т целлюлозы в год¹⁵.

В марте 1962 г. у с. Марково (Усть-Кутский район) была найдена нефть. Одним из крупнейших нефтехимических предприятий в стране стал Ангарский нефтеперерабатывающий завод. Первую продукцию он дал в 1960 г., а в 1964 г. его строительство завершилось. Вместе с рядом других заводов: гидрирования, полукоксования – нефтеперерабатывающий завод входит в Ангарский нефтехимический комбинат.

В 1959–1965 гг. был построен Шелеховский комбинат – самое крупное до Братского алюминиевого завода предприятие по выплавке алюминия в СССР. Первую плавку он дал в декабре 1960 г.¹⁶. Расширилась и добыча угля в Черемхово. Здесь созданы 7 угольных шахт и разрезов с практически полной добычей его открытым способом.

В период семилетки созданы Иркутский цементный, Усольский соловаренный, Бирюсинский и Тулунский гидролизный заводы, построена Мамаканская гидроэлектростанция. Вошли в строй мощные тепловые электростанции в Ангарске, Усолье-Сибирском, Зиме, Шелехове и в других городах¹⁷.

В Приангарье находится одно из самых крупных месторождений железной руды – Коршуновское. В 1957 г. утвержден план строительства Коршуновского горно-обогатительного комбината производительностью 12 млн. т сырой руды и 5 млн. т железорудного концентрата в год. С 1960 г. началось строительство основного объекта ГОКа – обогатительной фабрики. В феврале 1965 г. получен первый кон-

центрат. В марте того же года Государственная комиссия приняла в эксплуатацию первую очередь ГОКа, за которой развернулось строительство второй очереди. В 1971 г. мощность Коршуновского горно-обогатительного комбината выросла до 15 млн. т сырой руды в год¹⁸.

До начала 1950-х гг. деревообрабатывающая промышленность в Приангарье была развита слабо. В соответствии с Директивами XIX съезда КПСС перед одной из крупнейших проектных организаций страны – Институтом Гипробум ставилась задача создать проекты крупных предприятий лесопромышленного производства.

Условия для их деятельности были здесь оптимальные: миллионы гектаров нетронутой тайги – богатой лесосырьевой базы, проходящая вблизи железная дорога Тайшет–Лена, наличие больших лесозаготовительных предприятий, созданных для очистки от леса ложа водохранилища Братской ГЭС, в перспективе с появлением водохранилища возникала бухта, пригодная для лесного порта¹⁹.

Братскому лесопромышленному комплексу (БЛПК) суждено было стать первым промышленным предприятием крупнейшего энергопромышленного комплекса в Восточной Сибири, который начал создаваться в зоне Братской ГЭС. В основу производства здесь впервые заложен принцип полного, наиболее экономичного и комплексного использования древесины.

Пуск в эксплуатацию первой очереди БЛПК планировался в 1962 г. Предполагалось вводить сразу мощности по кордной целлюлозе и картону. Это оказалось совершенно нереально: не была подготовлена документация, не укомплектовано оборудование, не хватало механизмов.

Но постепенно стройка набирала темп. Работы велись одновременно на многих объектах – на блоке сульфатно-целлюлозных заводов, сушильно-картонной фабрики, каустизации и регенерации извести, строился древесно-подготовительный цех, распиловочно-окорочный цех, склад коры и щепы, на водоочистной станции и насосной станции второго подъема, на ТЭЦ-1 (ныне ТЭЦ-6), ТЭС-2 (ныне ТЭЦ-1), в лесном порту. В декабре 1964 г. первый котел и турбогенератор № 1 мощностью 500 МВт вступили в действие²⁰.

Пуск всех 18 агрегатов Братской ГЭС, ввод в эксплуатацию первой очереди Коршуновского ГОКа и создание достаточно мощной к этому времени производственной базы дали возможность переключить внимание Братскгэсстроя на строительство БЛПК, несмотря на то, что одновременно развертывалось строительство первых корпусов Братского алюминиевого завода.

4 сентября 1965 г. – исторический день для строителей, монтажников, эксплуатационников БЛПК. В два часа дня по сигналу монтажников старший варщик А.В. Смирнов и его подручный К.П. Баруздин приступили к варке целлюлозы. Утром 5 сентября 1965 г. получены первые тонны продукции. 30 декабря 1965 г. Государственная комиссия подписала акт о вводе в эксплуатацию мощностей по выпуску 125 тыс. т целлюлозы в год²¹.

В 1971–1972 гг. сданы в эксплуатацию: канифольно-экстракционный завод мощностью 10 тыс. т канифоли в год, лесопильный завод с годовой производительностью 375 тыс. куб. м пиломатериалов в год, котел № 5 на ТЭЦ-6 производительностью 320 т пара в час, турбина № 3 на 60 тыс. кВт, первая очередь завода древесноволокнистых плит, промывная станция № 2, водозабор, шлаконакопитель, котел № 9 и турбина на ТЭС-2, котел № 6 на ТЭЦ-6 и ряд других объектов²². Многим людям Братский лесопромышленный комплекс дал уверенность в завтрашнем дне.

Еще одной такой стройкой стал Братский алюминиевый завод – флагман отечественной алюминиевой промышленности. В декабре 1958 г. для его строительства была зарезервирована площадка в районе, расположенном в нескольких десятках километров от ГЭС. Проектное задание на создание нового центра цветной металлургии утверждено в феврале 1961 г.²³.

Пуск, пусть даже небольшого объекта, состоит из серии последовательного или параллельного ввода в строй отдельных участков или линий. В состав же пускового комплекса БрАЗа входило более 30 различных объектов. И если хоть один из них остался бы не введенным в строй действующих, завод запустить было бы невозможно. Но, несмотря на все трудности, 15 июля 1966 г. Государственная комиссия подписала акт о вводе в эксплуатацию первенца Братского алюминиевого завода – корпуса электролиза № 12²⁴.

В 1960-е гг. вследствие увеличения нагрузки на Иркутскую ГЭС, сокращения объемов строительства на Братской ГЭС открылись возможности для создания следующей ступени ангарского каскада – Усть-Илимской ГЭС. В 1968 г. приступили к строительству ее основных объектов. В конце 1974 г. три первых агрегата были введены в строй, а 25 октября 1977 г. после пуска пятнадцати агрегатов станция достигла мощности 3,6 млн. кВт/ч. 16 декабря 1980 г. Усть-Илимская ГЭС с оценкой «отлично» принята Государственной комиссией в постоянную эксплуатацию²⁵.

Летом 1972 г. было принято решение о строительстве Усть-Илимского лесопромышленного комплекса – поистине колоссального сооружения. Он проектировался и создавался как моноблок объемом около 4 млн. куб. м и представлял из себя один корпус 860х240 м, состоящий из десяти цехов. Степень использования древесины составляла свыше 94 %, при среднем показателе на подобных предприятиях чуть более 60 %²⁶. Строительство комплекса началось в 1974 г. В 1980 г. Усть-Илимский лесопромышленный комплекс сдан Государственной комиссии в постоянную эксплуатацию с оценкой «отлично», мощность его превышала 250 тыс. т белой целлюлозы в год²⁷.

Таким образом, в рекордно короткие сроки в Иркутской области были возведены мощнейшие территориально-производственные комплексы, объединившие предприятия различных отраслей промышленности: лесную, деревообрабатывающую, химическую и нефтехимическую, алюминиевую и другие. Созданы крупнейшие гидроэлектростанции не только страны, но и мира. Однако есть и обратная сторона такой «золотой медали» – это ухудшение экологической ситуации, вызванное работой всех этих предприятий.

Причины этих проблем скрываются в том, что само существование государств находится во взаимосвязи с их способностью осуществлять эффективную политику эксплуатации природных богатств, так как человечество не имеет других ресурсов для своего развития, кроме природных²⁸.

Свою специфику и определенную сложность имеет решение экологических проблем именно в Приангарье. Ни в отечественной, ни в мировой практике нет аналогов освоения столь огромных природных ресурсов в сравнительно небольшом по территории, густонаселенном и экономически развитом районе. Но и здесь экологический критерий не стал важнейшим при выборе стратегии и тактики развития этого комплекса. Более того, нарушался принцип недопустимости создания энергетических и промышленных объектов в тех случаях, когда нет полной гарантии экологической безопасности²⁹.

Еще в период плановой подготовки территории к освоению высказывалось мнение отдельных специалистов о том, что негативные экологические последствия сооружения гигантских ГЭС будут необратимыми. Действительно, под водой оказались плодородные сельскохозяйственные угодья. Затоплена «Илимская пашня» – сельскохозяйственная житница Приангарья, что причинило колоссальный урон земледелию региона. Процентное соотношение потерь и восстановления сельскохозяйственных угодий при затоплении территорий под

водохранилища гидроэлектростанций составляет 100:65, то есть 35 процентов – это уже навсегда потерянные земли³⁰.

Грубейшие ошибки в планировании и финансировании, практические недоработки при создании Братского и Усть-Илимского водохранилищ привели к затоплению миллионов кубометров заготовленной деловой и не вырубленной древесины. Все это повлекло нарушение экологического режима водохранилищ, ограничение его рекреационных возможностей, ухудшение гидрохимического состава воды, создало серьезные трудности в эксплуатации ГЭС, снизило выработку электроэнергии.

Перед началом строительства Братской ГЭС лесозаготовители должны были подготовить ложе ее водохранилища к затоплению, а для этого требовалось провести лесосводку и лесочистку свыше 300 тыс. га с объемом древесины 36–38 млн. куб. м (по разным оценкам). Несмотря на то, что в эту работу вовлекались около 30 леспромхозов, сроки наполнения водохранилища отодвинулись на два года. В результате было заготовлено 27 млн. куб. м, что в конечном итоге составило 71 % от товарной древесины в ложе водохранилища, а очистные работы были проведены всего лишь на 30 %. Таким образом, большое количество ликвидной древесины оказалось под водой, хотя имелась возможность для продолжения лесосводки и лесочистки, поскольку основные потребители Братской ГЭС к моменту пуска первых агрегатов еще не были построены. Но этим никто заниматься не стал³¹.

В связи с отсутствием дорог и техники лес сплавляли по реке Ангара. Так называемый молевой сплав отличался низкими затратами на его проведение. С другой стороны, с каждым годом терялось все больше леса, что приводило к снижению судоходности реки из-за засорения ее топляком.

В 1954 г. Совет Министров СССР принял постановление «О запрещении молевого сплава леса», но лесозаготовительные комбинаты не спешили выполнять его. В результате потери леса к 1970 г. приблизились до отметки 500 тыс. куб. м в год³². Загрязнение водоемов древесиной привело к ухудшению качества воды, хотя при проектировании считалось, что она не должна потерять своих питьевых качеств.

Повышение уровня воды в Байкале, вызванное строительством Иркутской ГЭС, привело к нарушению экологического равновесия озера и исчезновению ценных пород рыб (стерлядь, осетр, ленок и др.). Нанесен вред флоре водохранилищ из-за снижения способности во-

ды к самоочищению. В 1966 г. на озере Байкал начал работу целлюлозно-бумажный комбинат. Но несовершенство очистных сооружений приводило к неполной очистке стоков от вредных веществ. Объем загрязнений водного бассейна озера Байкал превышал 100 тыс. куб. м в сутки, загрязнение воздушной среды распространялось в радиусе 40 км от предприятия³³.

В результате осаждения вредных веществ, выделяемых промышленностью на почву и растительный покров, вокруг городов образовалась техногенная зона площадью несколько десятков квадратных километров, в которой установлено повреждение биогеоценозов. Например, признаки поражения хвойных лесов отмечены на удалении 70 км от промышленных гигантов.

При производстве алюминия наблюдаются значительные потери фтора, которые приводят к негативным экологическим последствиям. Признано, что по влиянию на растения соединения фтора являются одними из самых токсичных. Воздействия фторидов на растения проявляются в повреждении листы, деформации развития листа, ограничении роста деревьев.

Проведенный в 1980-е гг. анализ состояния загрязнения районов расположения алюминиевых заводов и воздействия вредных компонентов на биосферу указывал на необходимость совершенствования, как процесса электролиза алюминия, так и систем очистки отходящих газов, а так же преобразование зеленых насаждений санитарно-защитных зон в устойчивые долговечные экосистемы в условиях повышенного антропогенного загрязнения. Однако данные мероприятия осуществляются медленными темпами. Выявлено также влияние твердых, газообразных, растворимых фторидов на прирост деревьев по высоте и диаметру. При изучении радиального прироста сосны и лиственницы в условиях техногенного загрязнения в таких городах как Братск и Шелехов установлено, что воздействие промышленных выбросов вызывает весьма существенное снижение прироста. Здоровые деревья сосны снизили прирост на 28,2 % по сравнению с периодом до начала воздействия промышленных выбросов (отходов) производства, а здоровые деревья лиственницы на 15,7 %. Наиболее резко реагировали на промышленные выбросы угнетенные деревья, усохшие в текущем году, у которых прирост снизился на 41,0–44,7 %. Доказано, что снижение радиального прироста вызывает изменение физико-механических свойств хвойных пород. Продолжительность жизни деревьев снизилась до 30 лет, а подрост в радиусе 1 км полностью отсутствовал, на более дальнем расстоянии сильно

угнетен, имеет очень малый линейный прирост, практически несколько сантиметров в год. Как показали результаты исследований, продолжительность жизни хвои у сосны составляла 5 лет, у лиственницы 3 года. В целом хвоя повреждена на 100 %, протяженность повреждения в среднем составляет 60 % у сосны, а у лиственницы – 40 %³⁴.

Наблюдались также загрязнения водоемов, воздуха, деградация почвы, что сказывалось на качестве выращиваемой древесины. Изменение параметров древесины влияло на результативность лесосечных работ. Увеличивалась себестоимость древесины. Необходимо усиливать защитные свойства древесины, внедрять новые технологии и новую технику на лесных рубках. Однако данные мероприятия не проводились, не осуществляются они и в настоящее время.

В 1984 г. ЦК КПСС и Совет министров СССР приняли постановление «Об улучшении использования лесосырьевых ресурсов». Анализ его выполнения свидетельствует о грабительской политике лесопользования. На работе ряда предприятий лесной отрасли в то время не существовало программ по вопросам эффективного использования лесосырьевых ресурсов. В области не использовались 3 млн. куб. м лесных отходов. Предприятия не обеспечивали очистку мест рубок от порубочных отходов. Слабо создавались мощности по переработке древесины. В 1980-е гг. предприятия лесной промышленности не выполняли план производства технической щепы из лесных отходов для целлюлозно-бумажной промышленности. Перерабатывалось только 10–15 % лесных отходов. Мощности предприятий использовались на 30–50 %³⁵.

Формирование промышленных комплексов повлекло за собой изменение климатической обстановки в Приангарье. Большая часть Ангары перестала замерзать зимой, что повлекло за собой высокую влажность воздуха и как следствие затуманивание территории, особенно в городах, что в свою очередь вызвало в них увеличение концентрации вредных веществ в несколько раз, привело к возрастанию числа заболеваний верхних дыхательных путей у населения³⁶.

На подготовительном этапе формирования промышленных предприятий Иркутской области не было проведено тщательного изучения местных условий, недооценивались и не анализировались последствия принимаемых решений. В результате этого в городской черте оказались предприятия отраслей тяжелой промышленности. В 1960-е гг. в Иркутске количество выбросов золы от ТЭЦ № 1 составило в среднем

300 т в сутки, что в 60 раз превышало предельно-допустимую концентрацию, от ТЭЦ № 9 – 25 т, от ТЭЦ № 10 – 250 т. Только 20 % ТЭС были оснащены очистными сооружениями. В Ангарске концентрация вредных веществ достигала: фенол – 283 ПДК, сероводород – 17 ПДК, сажа – 10 ПДК, В Байкальске: фенол – 385 ПДК, сероводород – 114 ПДК, в Братске: фенол – 30 ПДК, аммиак – 300 ПДК, в Иркутске сажа – 175 ПДК³⁷.

В Братске очистные сооружения имели только 20 % предприятий, четверть из которых находилась в неисправном состоянии. Из-за выбросов БРАЗа 12 тыс. куб. м леса погибло на корню, но завод ограничился только санкцией в виде штрафа. Объем загрязнения Братского водохранилища в 1960-е гг. доходил до 7 тыс. куб. м в сутки, общий объем загрязнений после создания территориально-производственного комплекса составил около 7 млн. куб. м в сутки, что было в 140 раз больше, чем в начале его формирования³⁸.

Ежегодно промышленными объектами только в наиболее крупных городах выбрасывалось в атмосферу более 600 тыс. т вредных веществ, кроме этого не учитывалось большое количество выбросов от деятельности вспомогательных производств. Так, по официальным отчетам вплоть до 1987 г. около предприятий концентрация бензопирена в воздухе превышала санитарную норму в 50 раз, хлористого водорода – в 25, сероводорода – в 24, сероуглерода – в 22, пыли в 18, фтористого водорода в 6 раз³⁹.

Похожая экологическая обстановка наблюдалась и в других городах региона.

Итак, на территории Приангарья действовало в изучаемый период огромное количество промышленных объектов, оказывающих негативное влияние на окружающую среду. Прогрессировали загрязнения водоемов, воздуха, деградация почв, что сказывалось на товарной структуре выращиваемой и отпускаемой с корня древесины.

Ошибки, допущенные в территориальном размещении промышленных предприятий, недостаточное изучение розы ветров, неверное расположение жилых микрорайонов в промышленных городах – все это явилось следствием того, что из 40 проектных институтов, которые занимались проектированием промышленных объектов Ангарска, Иркутска, Шелехова, Усолья-Сибирского и других городов Приангарья, большинство находилось за пределами региона⁴⁰.

Стремительное развитие промышленного потенциала, рост новых городов и поселков заметно сказались на экологической обстановке в Восточной Сибири. Возрастающие масштабы хозяйственной деятель-

ности в природном комплексе далеко не всегда носили научно обоснованный характер, привели к заметному сокращению земельных, минеральных, водных и лесных ресурсов, отрицательным образом сказались на состоянии воздушного бассейна. Наряду с общими в районах промышленных предприятий возникли различного рода местные экологические проблемы.

Низкий уровень технической вооруженности предприятий, использование расточительных технологий, свалки неперерабатываемых отходов, дефицит выделяемых бюджетных средств и их слабое освоение, отсутствие эффективных очистительных сооружений создали и создают в регионе катастрофическую экологическую ситуацию.

Среди других можно назвать следующие причины: недостаточное изучение местных сырьевых ресурсов и несвоевременные прогнозы экономического развития района, несвоевременное утверждение проектов районной планировки, отсутствие полноправного хозяина строящегося энергопромышленного района. Необходимо было изменить отношение к созданию новых городов. Ведь сооружение города – это сложный и длительный процесс, включающий в себя учет различных факторов: материальных возможностей, создания проекта, сметы, плана организации работ, особенностей природных климатических условий, характера промышленности. Это такой же процесс как формирование промышленного комплекса, который сам является частью города. Поэтому проблема восстановления экологической обстановки остается открытой и актуальной на сегодняшний день.

Анализ показывает, что экономические цели преобладали над экологическими задачами. В научно-исследовательских работах проектно-изыскательского обеспечения строительства территориально-производственных комплексов, предшествующих формированию индустриального пояса Приангарья, проблема охраны окружающей природной среды и рационального использования природных богатств даже не принималась во внимание. Все потому, что они были «неистощимы», по крайней мере, так казалось ученым в то время. Однако вопросы охраны природы и рационального использования ее ресурсов должны решаться вместе с вопросами общественного прогресса. Еще Ф. Энгельс отмечал: «Не будем слишком обольщаться нашими победами над природой. За каждую такую победу она нам мстит, каждая из этих побед имеет, правда, в первую очередь те последствия, на которые мы рассчитываем, но во вторую и третью очередь совсем другие, непредвиденные последствия, которые очень часто уничтожают значение первых»⁴¹.

Из всего вышеизложенного, представляется возможным сформулировать некоторые выводы:

1) В 1950-е гг. на территории Приангарья имелись все необходимые условия для эффективного размещения производительных сил и экономически выгодного строительства гидротехнических сооружений, промышленных комплексов и новых городов.

2) Форсированное промышленное освоение региона являлось следствием реализации планов партии и правительства СССР. Сосредоточение запасов природных ресурсов определило экстенсивный путь их освоения и создание энергетических комплексов. Экстенсивный путь – это этап развития индустриального общества. Многие индустриально-развитые страны, в том числе и зарубежные, в изучаемый период претерпевали нарушение экологического равновесия, как и в Приангарье.

3) Отрицательное воздействие на характер экологической политики оказало несовершенство материально-технической базы в регионе. Вследствие чего были недооценены воздействия промышленных объектов на окружающую среду, допускались серьезные ошибки при планировании производства.

4) Анализ документов показывает, что наличие обширных запасов ресурсов в регионе и задача их ускоренного освоения привели к формированию утилитарного отношения к природе. Приангарье с давних времен считалось сырьевым придатком России, поэтому проблема охраны окружающей среды отодвигалась на второй план.

5) Развитие индустрии региона требовало все большего вовлечения в оборот природных ресурсов, однако качество их использования всегда оставалось низким. Несмотря на улучшение научного потенциала, материального обеспечения в последующие десятилетия, загрязнение окружающей среды росло.

6) Освоение новых районов Приангарья и как следствие развитие здесь индустрии позволило региону занять ведущие позиции по промышленному производству в стране, а также вывести её на одно из первых мест в мире по добыче цветных и черных металлов, угля, по экспорту древесины и производству электроэнергии.

¹ Ключевский В.О. Соч. в 9 т. Т.1. Курс русской истории. М., 1987. С. 50.

² Государственный доклад «О состоянии окружающей природной среды в Иркутской области в 1998 году». Иркутск, 1999. С. 140-146.

³ Долголюк А.А. Формирование трудовых коллективов Братско-Усть-Илимского ТПК. 1955–1980. Новосибирск, 1988. С. 20

⁴ Там же. С. 23.

⁵ Города, рожденные волей партии. Иркутск, 1973. С. 72.

⁶ О развитии производительных сил Иркутской области. Сб. документов. Иркутск, 1959. С. 13-14.

⁷ История индустриального развития Иркутской области (1926–1975). Сб. документов. Иркутск, 1983. С. 98.

⁸ Кожов М.М. Байкал и его жизнь. Иркутск, 1963. С. 4; Нестерук Ф.Я. Развитие гидроэнергетики СССР. М., 1963. С. 320.

⁹ Ковалев А.Я. Гигант на Ангаре. М., 1970. С. 19.

¹⁰ Кудрявцев Ф.А., Вендрих Г.А. Иркутск. Очерки по истории города. Иркутск, 1971. С. 344-347.

¹¹ Лесной комплекс Приангарья. Век XX. Иркутск, 2001. С. 116.

¹² Братская ГЭС. Сб. документов и материалов. Иркутск, 1964. Т.1. С. 106-109.

¹³ Там же. С. 116-119; Гидроэнергетика и комплексное использование водных ресурсов СССР. М., 1982. С. 164; Земля Иркутская. Иркутск, 1967. С. 271.

¹⁴ Лесной комплекс Приангарья. Век XX. С. 143-149.

¹⁵ Там же. С. 150-157

¹⁶ Панов В.Н., Тюкавкин В.Г. Очерки по истории Иркутской области. Иркутск, 1970. С. 225.

¹⁷ Там же. С. 202-208.

¹⁸ Летопись дел Братскгэсстроя за 50 лет (1954-2004). Иркутск, 2004. С. 116; Огни Ангары. 1967, 27 мая; Красное знамя. 1967, 26 сентября; Долголюк А.А. Формирование трудовых коллективов Братско-Усть-Илимского ТПК. С. 41.

¹⁹ Братский ЛПК. Иркутск, 1978. С. 10-19; Летопись дел Братскгэсстроя за 50 лет. Иркутск, 2004. С. 38.

²⁰ Герасимов В.Ф. Летопись Братска. Ч.2. Иркутск, 1992. С. 6.

²¹ Братский ЛПК. Иркутск, 1978. С. 38-39; Лесной комплекс Приангарья. Век XX. С. 120-121; Летопись Братска. Братск, 1982. С. 54.

²² Герасимов В.Ф. Летопись Братска. Ч.2. С. 25.

²³ БГА. Ф.Р. 152. Оп.1. Д.1. Л.2; Летопись дел Братскгэсстроя за 50 лет. Иркутск, 2004. С. 57-60.

²⁴ Брюханов Г.В., Каган Ф.Л. и др. Свет Ангары. Иркутск, 1980. С. 258-262.

²⁵ Непорожний П.С. Гидроэнергетика Сибири и Дальнего Востока. М., 1979. С. 38-41.

²⁶ Шпак В.М. Стратегия поиска. М., 1981. С. 15; Непорожний П.С. Гидроэнергетика Сибири и Дальнего Востока. С. 42.

²⁷ Развитие народного хозяйства Сибири. Новосибирск, 1978. С. 9, 331; Лесной комплекс Приангарья. Век XX. С. 160-164.

²⁸ Зуляр Ю.А. Очерки истории природопользования в Байкальском регионе в XX веке. Иркутск, 2002. С. 4.

²⁹ Янюшкин С.А., Кудашкин В.А. Природопользование в новом районе освоения в 1950–1980 годах (по материалам молодых городов Приангарья) // Омский научный вестник. Омск, 2006. Вып.10. С. 111-112.

³⁰ ГАИО. Ф.Р-1827. Оп.5. Д.279. Л. 36-40.

³¹ Долголюк А.А. Формирование трудовых коллективов Братско-Усть-Илимского ТПК. С. 37-38.

³² Народное хозяйство РСФСР в 1970 году. Стат. сб. М., 1971. С. 95-100.

³³ Иванов И.Н. Использование и охрана пресных вод СССР. Иркутск, 1985. С. 25; ГАНИИО. Ф. 3018. Оп.1. Д.51. Л. 97-130.

³⁴ Рунова Е.М., Чжан С.А., Пузанова О.А., Шихранов О.Г. Состояние лесной растительности в санитарно-защитной зоне Братского алюминиевого завода. Естественные и инженерные науки – развитию регионов. Материалы межрегион. научно-технич. конф. Братск, 2003. С. 123; Рунова Е.М., Денисов С.В. Исследование прироста хвойных пород в условиях техногенного загрязнения. // Естественные и инженерные науки – развитию регионов. С. 143-144.

³⁵ ГАНИИО. Ф. 127. Оп.122. Д. 46. Л. 185-187.

³⁶ Иванов И.Н. Использование и охрана пресных вод СССР. С. 53-54.

³⁷ Цыкунов Г.А. Ангара-Енисейские ТПК: проблемы и опыт (исторический аспект). Иркутск, 2001. С. 112-114; ГАИО. Ф. Р-2918. Оп.2. Д.43. Л.23; Ф. Р-1933. Оп.6. Д.95. Л. 60-62.

³⁸ ГАИО. Ф. Р-1933. Оп.6. Д.50. Л.30.

³⁹ ГАИО. Ф. Р-1933. Оп.6. Д.95. Л.55-56.

⁴⁰ ГАНИИО. Ф.5397. Оп.1. Д.24. Л.126-127.

⁴¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.20. М., 1981. С. 495-496.

Е.Н. Волосов

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПАРТИЙНОЙ ЭЛИТЫ АНГАРО-ЕНИСЕЙСКОГО
РЕГИОНА С ЦЕНТРАЛЬНЫМИ ХОЗЯЙСТВЕННЫМИ ОРГАНАМИ СТРАНЫ
В СИСТЕМЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ
(1960 – 1980-е гг.)**

Региональная партийная бюрократия занимала важное место в разработке и принятии решений по экономическому развитию территорий. Уровень профессиональных компетенций большинства партийных работников не позволял им глубоко проникать в проблематику общественного разделения труда, учета географических, экологических, демографических, технологических и прочих особенностей. Несмотря на имевшееся у значительной части местных партийных руководителей высшее техническое или экономическое образование, назвать инженерами и технократами в полном смысле этого слова

было нельзя. За небольшими исключениями технократическая часть карьеры у партийных работников в лучшем случае заканчивалась должностью начальника участка, цеха, заводского отдела. Только отдельные представители высокопоставленной партийной бюрократии Красноярского края и Иркутской области являлись выходцами из региональной технократической элиты.

Многочисленные источники 1960–80 гг. позволяют предположить, что региональная партийная бюрократия, крайне заинтересованная в эффективном решении местных проблем и понимавшая, что главным источником для этого являются инвестиции на промышленное строительство, осознанно и целенаправленно занимала нишу посредника и даже генератора в переговорах между региональным и столичным отрядами технократической элиты.

Хорошо известно, что в период правления Л.И. Брежнева лидеры региональных партийных организаций пользовались громадным влиянием и на своей территории были практически бесконтрольны. Многие из них, при попустительстве правоохранительных и партийно-контрольных органов, создали на подведомственных территориях обстановку всеобщей коррупции, стяжательства, кумовства¹.

В то же время у секретарей региональных комитетов партии было право непосредственного обращения в Совет Министров СССР и подведомственные ему структуры: Госплан, Госснаб, министерства и ведомства. По сложившейся традиции подобные обращения хозяйственные структуры игнорировать не могли и обязаны были дать ответ. Далеко не всегда реакция столичных чиновников носила положительный характер, часто ответные письма содержали вежливый отказ. Но это было основанием к дальнейшему диалогу. Ниже мы попытаемся рассмотреть наиболее типичные варианты и схемы взаимодействия региональной партийной элиты и столичной технократии по вопросам планирования стратегического развития регионов.

Планирование народного хозяйства всегда служило основой экономической политики советского правящего режима. Теоретическим и методологическим базисом этой концепции являлись взгляды классиков марксизма, видевших строй общественного производства при коммунизме, как «единую фабрику»². Они считали возможным собрать в центре все ресурсы, планомерно посчитать и оптимальным образом их распределить. В период становления советского государства инициатором и ведущим теоретиком народнохозяйственного планирования являлся В.И. Ленин³.

В практическую плоскость теоретические взгляды большевиков были переведены в феврале 1920 года, когда ВЦИК и Президиум ВСНХ приняли решение о создании Государственной комиссии по электрификации России (ГОЭЛРО)⁴. Центром, где собиралась вся информация о производственных возможностях предприятий, и где делались прогнозы, т.е. просчитывалось несколько стратегий распределения ресурсов с целью удовлетворения тех или иных потребностей народного хозяйства и населения страны был Госплан СССР. Его председатель одновременно являлся заместителем Председателя Совета Министров СССР.

Одним из дискуссионных вопросов в советской экономической науке был вопрос о том, где составлять план – в центре или на местах. Работники Госплана, сотрудники центральных научно-экономических ведомств большей частью считали, что план должен составляться в центре и спускаться на места, а местные органы должны его безукоснительно выполнять⁵. Региональные плановые органы были убеждены в обратном: план должен составляться на местах, а союзный Госплан лишь сведет воедино местные планы⁶.

«Стоящими над схваткой» являлись аппарат ЦК КПСС и Совет Министров СССР. Именно они сглаживали конфликты между центральными и региональными властными органами, поддерживали баланс между ведомственными, отраслевыми и местными интересами. Планирование развития народного хозяйства не являлось исключением.

В самом Госплане СССР не было единства между отраслевыми отделами, а также теми структурными подразделениями комитета, что сводили воедино и пытались увязать цифры, предоставляемые центральными и местными органами, хозяйствующими субъектами, а также отраслевыми отделами Госплана. По сути, Государственный комитет по планированию, по своей структуре являлся концентрированным выражением хозяйственного комплекса с его интересами, проблемами, недостатками, вечным дефицитом различных ресурсов.

Сибирь на протяжении всех лет существования Советского государства занимала весьма важное место в концепциях хозяйственного развития, целевых установках, среднесрочных и долгосрочных планах, разрабатываемых Госпланом СССР. Востоку страны очень часто предоставлялся приоритет перед европейскими районами страны в темпах экономического роста.

Первой крупной экономической программой Госплана, осуществленной в восточных районах страны, стала реализация Урало-Кузнецкого проекта. Эта многоцелевая программа носила долговременный

характер и оказала многостороннее влияние на развитие производительных сил страны. Урало-Кузнецкий комбинат явился первым в период социалистического строительства межрайонным производственным комплексом, основанным на взаимосвязанном использовании ресурсов Урала и Башкирии, Западной Сибири и Северо-Восточного Казахстана. Практически в 1930–40-х гг. в Сибири был создан первый территориально-производственный комплекс (ТПК).

Госплан СССР стоял у истоков разработки, обоснования, среднесрочного и долгосрочного планирования одного из самых значительных проектов в истории советской экономики – комплексного использования гидроэнергоресурсов Ангары и Енисея. Программа индустриального освоения богатств Приангарья была тщательно продумана и увязана со структурной политикой хозяйственного развития. При глубине временной проработки на период до 40–50 лет была сформулирована четкая последовательность развития территории.

Основополагающий принцип формирования стратегии территориального развития заключался в том, что ресурсы Ангаро-Енисейского региона нельзя осваивать поодиночке. Этот процесс должен носить синхронный и комплексный характер. При этом ясно осознавалось, что необходимых трудовых ресурсов и капитальных вложений для того, чтобы взять «сразу все», у страны нет. Из этого и вытекала идея поэтапного освоения территории, с юга на север.

Взятый во второй половине 1950-х годов курс на ускорение развития восточных районов страны потребовал переосмысления первоначальных представлений о путях развития Восточной Сибири. Для этого была проведена в 1958 г. Всесоюзная конференция, посвященная развитию производительных сил Восточной Сибири. В разработанной ее участниками новой концепции, сохранилась идея комплексного развития Ангаро-Енисейского региона (АЕР). Важность конференции заключалось еще и в том, что в отличие от всех предыдущих научных собраний, она имела огромное практическое значение. Ее рекомендации вошли в Государственный план развития народного хозяйства страны на 1959–1965 гг.⁷ По сути, именно с этого времени можно говорить о начале практической реализации Ангаро-Енисейского проекта, определившего будущее Восточной Сибири до конца XX века и играющего важнейшую роль для современной России в начале XXI века.

В описанных выше схемах ключевую роль играли Иркутская область и Красноярский край. Обе территории обладали уникальным набором природных ископаемых, зачастую дополняющих друг друга,

колоссальными энергетическими ресурсами, а также развивающейся транспортной инфраструктурой, доминантой которой являлась Транссибирская железнодорожная магистраль. В то же время, следует отметить, что, несмотря на общий приоритет в инвестициях для Восточной Сибири на протяжении V–X пятилеток, предпочтения Госплана в разрезе территорий менялись довольно существенно.

В начале 1950-х гг. в соответствии с указаниями XIX съезда партии началась реализация Ангаро-Енисейского проекта, предусматривающего создание в Восточной Сибири на базе дешевых энергоресурсов и сырья минерального и растительного происхождения территориально-производственных сочетаний – комплексов (ТПК) и промышленных узлов (ПУ).

Огромное значение, которое придавалось Ангаро-Енисейскому региону в развитии производительных сил страны хорошо видно при анализе партийных документов. В частности, в материалах XXIII съезда КПСС, принявшего Директивы развития народного хозяйства на 1966–1970 гг., из пятнадцати абзацев о развитии производительных сил Российской Федерации, восемь относились к строительству в Сибири. А из восьми сибирских инвестиционных направлений, шесть были посвящены экономике Красноярского края и Иркутской области⁸.

Однако к концу 1960-х годов в концепции экономического развития восточных районов страны происходят малозаметные, но весьма существенные изменения. Экономический прагматизм людей, стоящих у руководства экономикой страны (А.Н. Косыгин, Н.К. Байбаков), обусловил попытку переориентации инвестиций с нового строительства на техническую реконструкцию и перевооружение действующего производства. Прямым следствием стало кардинальное перераспределение ресурсов: усилия были сосредоточены на пусковых объектах. Для Ангаро-Енисейского региона последствия этих действий оказались едва ли не самыми болезненными, поскольку именно здесь наблюдался самый широкий разворот нового строительства. Большинство начатых строек было законсервировано⁹.

Во второй половине 1960-х гг. в Госплане, правительстве и ЦК КПСС наметился явный пересмотр внимания к различным территориям Сибири в пользу Красноярского края и Тюменской области. С одной стороны можно говорить об объективных причинах, связанных с уникальными ресурсами упомянутых территорий, с другой – не исключено активное лоббирование интересов подведомственной территории со стороны партийных и советских органов. Анализ документов Красноярского крайкома КПСС и Иркутского обкома КПСС за 1962–

1985 годы показывает, что красноярские лидеры А.А. Кокарев, В.И. Долгих, П.С. Федирко уделяли гораздо больше внимания продвижению региональных интересов, нежели бессменный руководитель Иркутского ОК КПСС с конца 1960-х до начала 1980-х гг. Н.В. Банников.

Лоббированием краевых интересов по вопросам планирования на московских этажах власти занимались руководители краевого комитета партии, крайисполкома, краевого совнархоза, крупных промышленных предприятий, объединений и т.д. Для этого активно использовались любые варианты доведения своих намерений до слуха центральных властей.

Например, парламентская трибуна. Несмотря на «соборный» характер советского парламента, выход депутата на трибуну и его речь всегда носили неслучайный характер. Определение кандидатуры выступающего являлось результатом сложной работы по согласованию различных критериев и мандатных признаков. И если депутат получал право на выступление, оно, конечно же, оказывалось важно для довольно большого количества инстанций, в том числе, и в Москве.

В декабре 1964 г. право на выступление в Верховном Совете РСФСР получил депутат В.Н. Ксинтарис – председатель Красноярского совнархоза. Содержание выступления не оставляет сомнений в истинных намерениях и задачах депутата. Он обрушился с критикой на работников Госплана СССР, которые пытаются ограничить развитие промышленности на Востоке, мотивируя это медленными сроками строительства и освоения производственных мощностей в сравнении с центральными районами страны. По мнению В. Ксинтариса, эта концепция вообще не выдерживает никакой критики, да к тому же и противоречит Программе КПСС, принятой на XXII съезде КПСС¹⁰.

Региональная технократическая элита, опираясь на политическое влияние партийных комитетов, время от времени, в зависимости от ситуации, подключая своих руководителей из министерств и главков, пыталась воздействовать на Госплан СССР посредством решений или рекомендаций представительных партийных форумов на местах.

Наиболее эффективной формой воздействия на центральные ведомства и, прежде всего, Госплан, было постоянное давление со стороны региональных партийных органов в форме писем, обращений, личных встреч, совещаний. Для Красноярского крайкома КПСС комплексный, хорошо продуманный и обоснованный подход к обращениям в центральные инстанции был более характерен, нежели для Иркутского обкома партии. Что включалось в эту систему?

Во-первых, прямое обращение к руководителям партии и, особенно, правительства. Во-вторых, прямая без посредников связь с руководителями министерств и государственных комитетов. В-третьих, использование административного ресурса высших лиц в государстве для давления на министерскую технократию.

Например, в июне 1966 г. за подписью первого секретаря Красноярского крайкома КПСС А.А. Кокарева и председателя крайисполкома Н.Ф. Татарчука в Совет Министров СССР было направлено письмо «По вопросу разработки генеральной схемы развития Приангарья и среднего Севера Красноярского края». В документе утверждалось, что на базе дешевой энергии гидроэлектростанций в Красноярском Приангарье может быть создан крупный энергопромышленный комплекс, в который войдут предприятия по производству различных видов электроемкой продукции. Вторая позиция, озвученная в письме – это возможность освоения железорудных месторождений, способных обеспечить сырьем предприятия намечаемой в Центральной России третьей металлургической страны. Третий аргумент – наличие в осваиваемых районах ценнейшей древесины объемом более трех миллиардов кубометров. Поэтому краевой комитет КПСС и исполком крайсовета просили «дать указания Госплану СССР»:

1. Решить вопрос по разработке генеральной схемы комплексного развития этого района на генеральную перспективу.

2. Обязать СОПС Госплана СССР включить в план работы на 1967–1970 гг. тему «Проблемы и перспективы развития Приангарья и среднего Севера Красноярского края»¹¹. Обе просьбы были удовлетворены. Правительственные решения давали мощный импульс для дальнейшего развития Центрально-Красноярского и для начала создания Нижне-Ангарского ТПК.

В районах бурного индустриального строительства к традиционным факторам благополучного существования номенклатурной прослойки середины 1960-х годов добавлялась экономическая и политическая значимость возводимых народнохозяйственных объектов. Поэтому хозяйственные, партийные и советские руководители, причастные к великим стройкам, крупнейшим промышленным производствам, психологически ощущали свою миссию, гордились ею и адекватно вели себя в деловых контактах на любом уровне¹².

Самоуважение региональных партийных и хозяйственных руководителей, имеющее под собой вполне объективную основу, становилось заметным даже в сугубо хозяйственных документах. Принятию особо принципиальных решений, касающихся стратегии развития

красноярской экономики предшествовала не только большая подготовительная работа научно-инженерных и экономических структур, активная лоббистская деятельность краевой технократии, но и бурная переписка с центральными партийными и хозяйственными органами.

Сказанное хорошо иллюстрируется серией документов, относящихся к подготовке правительственного Постановления «О развитии производительных сил Красноярского края в 1971–1980 гг.». 10 октября 1969 г. бюро Красноярского крайкома КПСС утверждает докладную записку в ЦК КПСС «О развитии производительных сил Красноярского края в 1971–1975 гг.»¹³. В документе констатировалось, что за последнее десятилетие введено в действие 70 процентов всех имеющихся основных фондов народного хозяйства края, более 30 новых крупных промышленных предприятий. Благодаря этому Красноярский край превратился в один из наиболее крупных индустриальных районов страны. Все это позволяет предусматривать новые большие задания по дальнейшему развитию производительных сил в предстоящей пятилетке.

Исходя из этого, по мнению авторов документа, был необходим комплексный план развития народного хозяйства края на предстоящую пятилетку и последующие годы, так его отсутствие приводит к непродуманному и случайному размещению в крае новых предприятий.

В записке отмечалось, что основные объемы капиталовложений должны быть направлены на развитие ведущих отраслей: энергетики, цветной и черной металлургии, электротехнической промышленности и комплексной переработки древесины¹⁴. Уже 29 октября 1966 г. Совет Министров СССР предложил Госплану рассмотреть предложения Красноярского крайкома КПСС. Ровно через месяц, 28 ноября, главный плановый орган страны принимает постановление, в котором поручает Госплану РСФСР, министерствам и ведомствам разработать и представить в Совет по изучению производительных сил при Госплане предложения и технико-экономическое обоснование по развитию индустрии края.

В июле 1970 г. Первый секретарь Красноярского крайкома КПСС В.И. Долгих получил из Госплана уточненный проект постановления Совета Министров СССР «О комплексном развитии производительных сил Красноярского края на 1971–1980 гг.»¹⁵. Еще пять месяцев потребовались на различные согласования и, наконец, в начале 1971 г. выходит постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР, определившее индустриальное развитие края практически на двадцать лет¹⁶.

В соответствии с этим документом дальнейшее развитие получали уже сложившиеся индустриальные центры – Красноярский промышленный узел, Норильский горнопромышленный район, большие перспективы открывались для формирования Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса, определились новые контуры Саянского ТПК.

Успешное лоббирование комплексной схемы развития производительных сил края вселило в красноярских лидеров уверенность в правильности выбранного курса и обусловило их дальнейшие шаги. Основной алгоритм успеха – от общего к частному. Красноярцы понимали то, что добиваться строительства одного, пусть даже очень важного для края и страны предприятия, не очень результативно. Другое дело – предъявление столичной бюрократии комплексной программы, основанной на более или менее корректных научных данных. В рамках же этой программы можно получить инвестиции для возведения не одного, а десятков предприятий¹⁷.

Иркутская область имела безусловный приоритет в теоретических разработках комплексного развития народного хозяйства территории в 1940–1950-е гг. не только в Восточной Сибири, но и по стране в целом. Именно в Иркутске в 1947 и 1958 годах прошли две научно-практические конференции всесоюзного масштаба, посвященные развитию производительных сил региона и заложившие прочную теоретическую основу для практической реализации идеи комплексного развития народного хозяйства на территории. Не случайно в 1960-е гг. Иркутская область стала полигоном, где Госплан СССР, министерства, научно-исследовательские учреждения на практике реализовали идею создания в слабоосвоенном в хозяйственном отношении районе высокоэффективного Братско-Усть-Илимского территориально-производственного комплекса.

Однако, в последующем системность в работе с ЦК КПСС, Госпланом, позволяющая эффективно решать вопросы комплексного развития территории, была утрачена. Анализ документов Иркутского обкома КПСС за 1960–70-е годы, страниц иркутской прессы, материалов областной плановой комиссии показывает, что действия иркутских технократов и партийной бюрократии носили несогласованный по отношению друг к другу характер.

В июне 1966 г. шанс обозначить позицию иркутских властей по поводу развития экономики Иркутской области в восьмой пятилетке появился у первого секретаря Иркутского ОК КПСС С.Н. Щетинина, выступившего с программной статьей в органе Верховного Совета

СССР газете «Известия». Иркутского лидера нельзя упрекнуть в забвении интересов территории. Основное внимание С.Н. Щетинин уделил обоснованию необходимости опережающего развития энергетической базы. В его публикации просматриваются идеи ранее обоснованных программ комплексного развития народного хозяйства Иркутской области, в основе которых лежала уникальность топливно-энергетических ресурсов территории, планируемых к использованию по четырем направлениям:

- качественная электрометаллургия черных металлов;
- электрометаллургия легких и цветных металлов;
- электрохимические производства;
- лесохимия и глубокая переработка древесины.

Однако отсутствовало главное – убежденность в необходимости комплексного подхода. Судя по всему, С.Н. Щетинин обладал информацией из центра, не очень оптимистично рассматривающего инвестиционные перспективы Иркутской области¹⁸.

Директивы развития народного хозяйства, принимаемые на XXIV и XXVI съездах КПСС, позволяют заметить серьезные отступления от ранее намеченного стратегического инвестиционного курса. В последующем эти конъюнктурные колебания нанесли непоправимый урон экономике Иркутской области, поскольку все ее развитие до того строилось на энергетическом ресурсе, а его, как раз, все больше игнорировали центральные органы.

Первая смена инвестиционного вектора происходит на рубеже 1960–1970-х гг. при формировании плана девятой пятилетки. Началась подготовка к широкомасштабному освоению нефтегазовых месторождений Западной Сибири. В это время в центральных хозяйственных и партийных органах стало складываться убеждение в необходимости радикального изменения структуры топливно-энергетического баланса в пользу нефти и газа в ущерб традиционным – углю и гидроэнергоресурсам. Иркутской области в рамках такой концепции отводилась второстепенная роль.

Второй поворот произошел к концу девятой пятилетки и был вызван дефицитом топливно-энергетических ресурсов в европейской части страны. Поэтому в стратегический план освоения энергетических ресурсов Сибири были внесены некоторые уточнения. Помимо нефти и газа Западной Сибири значительные капиталовложения выделялись на освоение Канско-Ачинского угольного бассейна, где себестоимость добычи угля была в десять раз ниже, чем в Донецком бассейне, а запасы угля составляли около 40 % от общесоюзных¹⁹. На базе красно-

ярских углей предполагалось создать энергетическую базу всесоюзного значения – Канско-Ачинский топливно-энергетический комплекс.

Однако, предполагаемый уровень концентрации теплоэнергетических мощностей, отсутствие технологий, позволяющих эффективно и относительно безвредно для окружающей среды сжигать колоссальное количество угля, материально-техническая неготовность строительных организаций Красноярского края к резкому увеличению инвестиций обусловили лишь частичную реализацию данного проекта.

Допущенные просчеты в определении энергетической стратегии заставили правительство предпринять очередную попытку по изменению структуры топливно-энергетического комплекса в стране и в Сибири. ТЭК Сибири в своем развитии теперь должен был опираться равномерно на три вида энергетических ресурсов: газ, нефть и уголь.

В результате, у хозяйственных и партийных органов Иркутской области появился шанс доказать в московских коридорах власти необходимость реанимации идеи комплексного развития производительных сил области, базисом которой могли стать вполне конкурентоспособные для решения местных проблем угольные месторождения центральной части Иркутской области (Мугунское и вторая очередь Азейского разреза). Одновременно с новым поворотом в энергетической политике в начале 1980-х гг. постепенно стало меняться отношение центральных плановых и отраслевых органов к развитию народного хозяйства области. Они вновь обратились к идеологии массированного наступления на природные ресурсы территории. Одновременно и в центре, и в области вызревали предложения начать строительство целой серии крупных объектов, дополняющих друг друга и эффективно вписывающихся в общую матрицу экономического пространства области.

В ходе формирования новых подходов активизировал свою деятельность Иркутский обком КПСС. В 1978 г. при составлении Государственного плана на одиннадцатую пятилетку и сборе предложений с мест, бюро обкома направило в ЦК КПСС свой вариант развития отдельных отраслей народного хозяйства области, выглядевший как цельная программа.

Её стержнем являлись предложения Госплану СССР по дальнейшему формированию нескольких территориально-производственных комплексов. Особо важное значение отводилось созданию сети предприятий по заготовке древесины для строящихся целлюлозных заводов Восточной Сибири²⁰. Каркасом нового здания иркутской экономики должна была стать модернизированная и разросшаяся желез-

нодорожная инфраструктура. Она могла быть сформирована за счет завершения в одиннадцатой пятилетке строительства западного участка БАМ и реконструкции иркутской части Транссиба²¹.

После смерти Л.И. Брежнева и прихода к руководству ЦК КПСС Ю.В. Андропова начинается постепенная смена региональных партийных лидеров, и, в первую очередь, известных своими «особыми» отношениями с предыдущим Генсеком. Под «раздачу» попал и первый секретарь Иркутского ОК КПСС Н.В. Банников.

Новый руководитель Иркутской областной партийной организации В.И. Ситников, пользующийся традиционным в таких случаях кредитом доверия со стороны московских властей, попытался придать иркутским инвестиционным начинаниям новое ускорение. Особую роль сыграл уже апробированный метод лоббирования комплексного развития производительных сил региона. Письмо Иркутского обкома КПСС от 13 октября 1983 г. на имя председателя Госплана СССР Н.К. Байбакова, объемом не превышало нескольких страниц, но каждая строка в этом документе оценивалась в десятки миллионов рублей потенциальных инвестиций и тысячи гектаров освоенных территорий. Предложения обкома касались практически всех точек роста иркутской экономики, ориентированной на добычу и первичную переработку сырьевых ресурсов. В письме выделялись пять позиций: уголь, нефтегазодобыча, железная руда, фосфат и магнезиты. Каждой из них давалась определенная трактовка, призванная усилить аргументы территории в борьбе за включение в государственный план развития народного хозяйства²².

Многолетний поиск, районирование, уточнение запасов нефти и газа на верхней и средней Лене, северо-западе области на границе с Красноярским краем, их защита в Государственном комитете ресурсов при Совете Министров СССР позволили руководству области уверенно заявить о необходимости начала промышленного освоения нефти и газа в двенадцатой пятилетке. Усилить аргументацию в пользу нефти и газодобычи была призвана идея о строительстве Усть-Кутского нефтеперегонного завода для обеспечения нефтепродуктами северных районов Иркутской области, Якутской АССР и зоны БАМ²³.

Перспективы по развитию черной металлургии на территории Иркутской области были увязаны с освоением новых, перспективных месторождений железной руды и со строительством электро- металлургического завода в г. Тайшете²⁴.

Судя по дальнейшим действиям обкома, партийные руководители области попытались максимально использовать кредит, выданный им

ЦК КПСС. В конце 1983 г. они начинают широкомасштабную подготовку к принятию правительственного постановления о перспективном развитии экономики области.

На этот раз инициатива региональных властей была поддержана. ЦК КПСС и Совет Министров СССР в 1986 г. приняли совместное постановление «О мерах по дальнейшему комплексному развитию производительных сил Иркутской области на 1986–90-е годы и на период до 2000 года». Но оказать решающего воздействия на экономику области оно уже не смогло по причине углубляющегося социально-экономического и политического кризиса²⁵.

В народнохозяйственных планах, принимаемых XXVI и XXVII съездами КПСС, места стройкам Иркутской области не нашлось. Конечно, это не означало, что промышленное строительство на территории области прекратилось. Просто под вопрос ставилась их всесоюзная значимость и первоочередность инвестиций.

Другим важным инструментом воздействия региональных комитетов партии на столичные хозяйственные и экономические структуры являлись письма за подписью секретарей Красноярского крайкома КПСС и Иркутского обкома КПСС по различным вопросам хозяйственной деятельности.

После ликвидации совнархозов и восстановления отраслевой системы управления во второй половине 1960-х гг. у предприятий и организаций на местах возникли серьезные проблемы с их материально-техническим снабжением сырьем, материалами, новой техникой. Это создавало серьезные проблемы с выполнением народнохозяйственных планов. Часто на уровне «предприятие» – «министерство» хозяйственные руководители решить вопросы МТС не могли, а потому апеллировали к региональному комитету партии.

Подтверждением сказанному служит серия писем за подписью второго секретаря Красноярского крайкома КПСС В.Ф. Гаврилова-Подольского от 8 февраля 1967 г. в адрес Госснаба СССР и двенадцати союзных министерств. Ими крайком начал тотальную атаку на министерства и ведомства, не выполнявшие своих обязательств по обеспечению подведомственных предприятий материальными ресурсами.

По существу поставленных вопросов крайкому ответили все ведомства. Содержание ответов похоже друг на друга: министры или их первые заместители заверяли крайком в том, что впредь будут уделять повышенное внимание Красноярскому краю²⁶.

Иркутский обком КПСС также пытался использовать аналогичные методы для работы со столичными хозяйственными структурами.

В рамках подготовки Государственного плана развития народного хозяйства СССР на 1981–85 годы и до 1990 года Госплан СССР собирал предложения с мест. В комплекте писем, подготовленных обкомом в течение января – июня 1978 года, Госплану СССР предлагалось рассмотреть предложения по строительству новых лесохимических, нефтеперерабатывающих заводов, предприятий черной и цветной металлургии, крупных угольных разрезов²⁷.

Крепким каркасом для обновленного здания иркутской экономики должна была стать расширенная и модернизированная транспортная инфраструктура и, прежде всего, железнодорожная. До 1990 года в Иркутской области планировалось завершить строительство западного участка БАМ и увеличить пропускную способность иркутской части Транссиба. Развивающей частью транспортного пакета явились предложения по строительству железнодорожных линий Усть-Илимск – Нерюнда, Усть-Кут – Киренск²⁸.

Однако запросы иркутян не соответствовали измененному вектору инвестиционной политики центра. Поэтому, даже в процессе долговременной и очень тяжелой подготовки партийно-правительственного постановления «О комплексном развитии производительных сил Иркутской области», региональной партийной и технократической элите не удалось добиться включения большей части своих просьб в окончательный документ. Отказ носил очень вежливый характер и ставил целью сохранить надежды руководства области на следующий инвестиционный цикл.

В связи с ограниченностью финансовых и материальных ресурсов Госплан СССР отказался от строительства в одиннадцатой пятилетке Ленского золоторудного комбината на базе месторождения «Сухой Лог», Белозиминского ГОКа, завода энергетического машиностроения в г. Братске, угольного разреза «Мугунский», металлургического завода в районе Тайшета. Также на неопределенный срок отодвигалось освоение Нерюндинского, Капаевского железорудного и Савинского магнетитового месторождений, «указанных в предложениях Иркутского ОК КПСС»²⁹.

Помимо серийных или пакетных обращений в схеме взаимоотношений между региональными комитетами партии и правительственными структурами самыми распространенными являлись письма по отдельным вопросам функционирования или развития экономики регионов. Региональные власти решительно вмешивались в вопросы текущего планирования деятельности предприятий и организаций на подведомственной им территории, если чувствовали опасность для

себя или своей репутации. Одним из таких рисков являлось невыполнение плана по основным показателям на уровне региона. В свою очередь выполнение этого плана в значительной мере зависело от производственных показателей системообразующих предприятий.

Поэтому выполнение плановых показателей всегда находилось в центре внимания партийных работников. Подтверждением тому переписка Красноярского крайкома КПСС с Госпланом СССР, министерствами угольной промышленности, энергетики и электрификации СССР в 1968 году. В июле 1968 г. по просьбе руководства комбината «Красноярскуголь» крайком обратился в Государственный плановый комитет СССР с просьбой снизить план угледобычи предприятиям этой организации, ввиду того, что их продукция не полностью востребована предприятиями РЭУ «Красноярскэнерго». Соответственно, не выполнялись планы комбината по прибыли и реализованной продукции. По мнению крайкома «отсутствие стабильных планов по добыче угля отрицательно влияло на работу коллективов, создавало неуверенность в работе и лишало их возможности активно участвовать в социалистическом соревновании за досрочное выполнение пятилетнего плана» (*читай: получение премии за достижение определенных рубежей. – Е.В.*)³⁰. Копии письма в Госплан СССР были отправлены в министерства, от которых зависела успешность работы «Красноярск-угля»: Минуглепром и Минэнерго СССР.

Оба ведомства ответили оперативно, предельно уважительно и конструктивно. Минуглепром 18 июля 1968 года в лице заместителя министра Л. Графова согласился с сутью предъявляемых претензий и пообещал, после согласования с Госпланом и Минфином СССР, внести дополнительные изменения в планы по реализации готовой продукции и прибыли³¹.

Аналогичное письмо, датированное 19 июля 1968 года, за подписью заместителя министра А. Максимова пришло из Минэнерго СССР. Это ведомство также согласилось с поставленными вопросами и пообещало внести соответствующие корректировки в план выработки электроэнергии станциями «Красноярскэнерго»³².

Этот, в общем-то, типичный эпизод приведен, чтобы показать, как министерства реагировали на издержки плановой системы и как эти издержки пытались нейтрализовать на уровне региональной власти.

Последний из примеров диалектических взаимоотношений между столичными ведомствами и региональной партийной бюрократией, касается как раз тех случаев, когда министерства вежливо, но твер-

до и аргументировано отказывали просьбам регионального комитета партии.

Ранее уже говорилось о попытках Иркутского обкома КПСС в 1970-х – начале 80-х годов «продавать» через ЦК КПСС и Совет Министров СССР постановление о комплексном развитии производительных сил Иркутской области. На финишную прямую подготовка документа вышла только после прихода к руководству областным комитетом партии нового секретаря В.И. Ситникова в 1984 году.

Обком попытался воспользоваться новыми возможностями максимально эффективно. Письма за подписью В.И. Ситникова с самыми актуальными, повторяющимися на протяжении многих лет просьбами были отправлены министрам цветной металлургии П.Ф. Ломако, черной металлургии И.П. Казанцу, путей сообщения Н.С. Конареву. Партийный лидер, ссылаясь на то, что подготовка партийно-правительственного документа, посвященного развитию Иркутской области, подходит к завершению, просил вышеуказанных министров вернуться к вопросу о строительстве на территории области в 1986–1990 гг. ряда крупных объектов. В их числе назывались Усть-Илимский алюминиевый завод, Тайшетский электрометаллургический завод, железнодорожные линии Усть-Кут–Киренск–Непа и Усть-Илимск–Нерюнда. Однако от всех министров были получены вежливые отказы, мотивированные отсутствием средств на новое строительство³³.

Анализ архивных документов, других типов источников, материалов периодической печати позволил нам сделать следующие выводы.

1. Региональная партийная бюрократия, крайне заинтересованная в эффективном решении местных проблем и понимавшая, что главным источником для этого являются инвестиции на промышленное строительство, осознанно и целенаправленно занимала нишу посредника и даже генератора в переговорах между региональным и столичным отрядами технократической элиты.

2. Региональная технократическая элита пыталась использовать политическое и административное влияние местных партийных органов для решения стратегических и тактических задач производственного и социального характера в Госплане СССР, министерствах и ведомствах. Наиболее эффективной формой воздействия на столичные учреждения являлось постоянное давление со стороны региональных партийных органов в форме писем, обращений, личных встреч, совещаний.

3. Работа по лоббированию интересов территорий шла с переменным успехом и во многом зависела от того, насколько основные ин-

вестиционные тренды, инициированные столичными ведомствами, совпадали с ожиданиями региональной партийной бюрократии и технократической элиты.

¹ *На пороге кризиса: нарастание застойных явлений в партии и обществе.* М., 1990. С.111, 169.

² *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии // Собр. соч. Изд. 2-е в 50 т. М., 1955. Т.4. С.446-447.

³ *Ленин В.И.* Политический отчет Центрального комитета 7 марта. Седьмой экстренный съезд РКП(б) 6-8 марта 1918 г. // Полн. собр. соч. Т.36. С.7; Набросок плана научно-технических работ. Т.36. С.228-231; Тов. Кржижановскому в президиум Госплана. Т.43. С.260-262.

⁴ *История социалистической экономики СССР в семи томах.* Т. II. Переход к НЭПу. Восстановление народного хозяйства СССР. 1921–1925 гг. М., 1976. С.286, 293.

⁵ *Косыгин А.Н.* К великой цели: Избранные речи и статьи. Т.1. М., 1979. С.253.

⁶ *Диалоги о Сибири:* Сборник. Иркутск, 1988. С. 33.

⁷ *Восточные регионы России: стратегии и практики освоения.* Новосибирск, 2006. С.262.

⁸ *КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК.* 1898–1971. Изд. 8-е, доп. и испр. М., 1972. Т.9. 1966–1968. С.81-82.

⁹ *Фильшин Г.И.* Экономика Приангарья: проблемы и перспективы Иркутск, 1988. С.28.

¹⁰ *Ксинтарис В.Н.* Богатства края – на службу Родине (Речь на IV сессии Верховного Совета РСФСР.// Красн. рабочий. 1964. 22 дек.

¹¹ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. П-26. Оп. 37. Д. 21. Л. 31-33.

¹² *Ножиков Ю.А.* Я это видел, или жизнь российского губернатора, рассказанная им самим. Иркутск, 1998. С.54.

¹³ ГАКК. Ф. П-26. Оп. 42. Д. 33. Л.147.

¹⁴ Там же. Л.241-243.

¹⁵ ГАКК. Ф. П-26. Оп.44. Д.68. Л.97.

¹⁶ ГАКК. Ф.П-26. Оп.8. Д.55. Л.1-9.

¹⁷ *Чернышев Ю.* Саянский комплекс // Красноярский рабочий. 1972, 11 февраля.

¹⁸ *Щетинин С.* Сибирский потенциал // Известия. 1966, 18 июня.

¹⁹ *Сибирь в едином народнохозяйственном комплексе.* Новосибирск, 1980. С.142, 269.

²⁰ *Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО).* Ф.127. Оп.104. Д.79. Л.6.

²¹ *Тенденции экономического развития Сибири (1961–1975 гг.).* Новосибирск, 1980. С.171.

²² ГАНИИО. Ф.127, Оп.113, Д.87, Л.152, 154, 156

²³ Там же. Л.152.

²⁴ Там же. Л.154.

²⁵ *Ситников В.И.* Приангарью – комплексное развитие (Доклад на собрании областного партийно-хозяйственного актива) // Восточно-Сибирская правда. 1986, 16 января.

²⁶ ГАКК. Ф.П-26. Оп.38. Д.37. С.96-109.

²⁷ ГАНИИО. Ф.127. Оп.104. Д.79. Л.37-38, 41.

²⁸ Там же. Л.45.

²⁹ ГАНИИО. Ф.127. Оп.109. Д.90. Л.77-78

³⁰ ГАКК. Ф.П-26. Оп.39. Д.62. Л.19.

³¹ Там же. Л.24.

³² Там же. Л.32.

³³ ГАНИИО. Ф.127. Оп.115. Д.109. Л.8, 11, 18, 173-172.

А.А. Долголюк

ПОДГОТОВКА НОВЫХ РАБОЧИХ ДЛЯ ПРЕДПРИЯТИЙ И СТРОЕК БРАТСКО-УСТЬ-ИЛИМСКОГО ТПК в 1955 – 1980 гг.*

Формирование Братско-Усть-Илимского территориально-производственного комплекса (БИТПК) началось во второй половине 1950-х гг. В это время правящая в стране Коммунистическая партия Советского Союза провозгласила курс на ускоренное развитие производительных сил восточных районов. Поэтому интенсивное освоение Среднего Приангарья происходило в русле одного из стратегических направлений государственной экономической политики. Первоочередным крупным промышленным объектом этого региона являлась Братская ГЭС. Но уже вскоре началось сооружение Братского лесопромышленного комплекса (БЛПК), Коршуновского горно-обогатительного комбината (КГОК), Братского алюминиевого завода. С конца 1960-х гг. начал создаваться Усть-Илимский промышленный узел. Одновременно с индустриальными объектами строились города Братск, Железногорск-Илимский, Усть-Илимск и другие поселения.

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 10-01-00295а

Начальный этап формирования БИТПК пришелся на период «хрущевской оттепели». В это время произошли принципиальные перемены в источниках и формах комплектования крупных новостроек рабочими кадрами. До середины 1950-х гг. основу «рабочей силы» составляли заключенные и, в меньшей степени, спецпоселенцы. Одним из самых больших их недостатков являлось отсутствие у большинства необходимых строительных профессий, низкая квалификация. Однако комплектование коллективов на братских стройках происходило преимущественно за счет вольнонаемных, а не за счет представителей «спецконтингентов», как это было совсем недавно.

Создание новых производственных подразделений Среднего Приангарья происходило в слабозаселенном районе. Поэтому большая часть трудовых ресурсов поступала из других районов страны. В профессионально-квалификационном отношении новички очень сильно различались. Сюда ехали выпускники профессионально-технических училищ, недавние школьники, демобилизованные из армии. Немалую часть составляли лица, ранее работавшие в самых различных сферах общественного производства. Были среди них и опытные высококвалифицированные строители. И все-таки большинство из прибывших на новостройки, а впоследствии и для работы на введенных в эксплуатацию предприятий, не имели нужных профессий. Поэтому необходимо было в кратчайшие сроки организовать их обучение непосредственно на производстве, включая как новую подготовку, так и повышение квалификации работников. Кроме этого, профессиональная подготовка велась в училищах системы профтехобразования, а также в общеобразовательных школах. Задачей настоящей статьи является выявление масштабов подготовки кадров в регионе, определение соотношения, роли и значения отдельных видов обучения, выявление тенденций в изменении качества обучения.

Система производственного обучения на стройках и предприятиях Братско-Усть-Илимского ТПК складывалась одновременно с формированием трудовых коллективов. Поначалу ведущая роль в отраслевой структуре региона принадлежала строителям, большая часть которых была сосредоточена в трех организациях: в управлениях «Братскгэсстрой» и «Ангарстрой», в тресте «Братсклесстрой».

Создание «Братскгэсстроя» началось в конце 1954 г. Массовое поступление работников происходило со следующего года. Тогда же и стало организовываться их обучение. Оно проходило непосредственно на рабочих местах, в бригадах, зачастую в неприспособленных

помещениях, при отсутствии достаточной учебно-материальной базы, при дефиците мастеров и преподавателей.

А уже в 1958 г. был создан мощный учебный комбинат, что позволило увеличить масштабы подготовки, вести ее по более широкому кругу рабочих профессий, организовать теоретическую подготовку, что способствовало повышению качества обучения. Все это оказалось важным еще и потому, что кроме Братской ГЭС разворачивались строительно-монтажные работы на Братском лесопромышленном комплексе и на Коршуновском горно-обогатительном комбинате. На новых строительных площадках открыли учебные пункты. В первые пять лет функционирования отдела, а затем комбината профессионально-технической подготовки численность обученных ежегодно увеличивалась более чем в полтора раза. Только с 1956 по 1966 г. на строительство Братской ГЭС из учебного комбината было направлено 15,7 тыс. рабочих 135 различных профессий, в том числе 1769 машинистов экскаваторов и подъемных кранов, 428 шоферов, 266 трактористов-бульдозеристов, 1974 машиниста строительных машин, 1872 газо- и электросварщика, 1163 маляра и штукатура, 1297 плотников-опалубщиков, 1130 бетонщиков, 1292 стропальщика и др.¹

Масштабы подготовки новых рабочих, достигнутые во второй половине 1960-х гг., сохранились почти на том же уровне на протяжении трех последующих пятилетий. Дело в том, что в это время объёмы строительно-монтажных работ, выполняемых Братскгэсстроем, не только не снижались, но даже увеличивались. Несколько изменялась лишь география строительства. Так в 1970-е гг. большая часть капиталовложений осваивалась этой организацией уже в Усть-Илимске.

Это потребовало создания там учебного пункта, который в 1971 г. преобразовали в учебный комбинат. Сначала в нем готовились рабочие для строительства Усть-Илимской ГЭС, а позднее – для управлений строительства г. Усть-Илимска и Усть-Илимского лесопромышленного комплекса. Наибольшее число рабочих здесь обучили в 1974–1977 гг., когда своего пика достигли объёмы строительно-монтажных работ на гидроэлектростанции, одновременно разворачивалось сооружение других объектов. Только в 1974 г. для участия в трех ударных стройках Усть-Илимска прибыло более 12 тыс. рабочих. Около 60 % молодежи, влившейся в коллектив строителей Усть-Илимского ЛПК, не имели строительных профессий. Чтобы в короткие сроки обеспечить стройку рабочими кадрами, была значительно расширена учебная база комбината². Обучение велось как в учебных классах ком-

бината, так и непосредственно на производстве, где для этого были созданы соответствующие условия.

В целом динамика подготовки новых рабочих в Братскгэсстрое по пятилетиям представляет следующую картину:

Годы	Тыс. чел.
1956 – 1960	– 10,6
1961 – 1965	– 37,5
1966 – 1970	– 30,8
1971 – 1975	– 29,7
1976 – 1980	– 27,2

Всего же за 25 лет в Братскгэсстрое было подготовлено 135,8 тыс. новых рабочих³, т.е. за четверть века учебный комбинат превратился в кузницу рабочих кадров, удовлетворяющую не только свои потребности, но и нужды многих других предприятий и организаций, расположенных как в пределах региона, так и вне его.

Столь же остро стояла проблема подготовки кадров на промышленных предприятиях Братско–Усть-Илимского ТПК. В период интенсивного разворота работ по вырубке леса и очистке ложа водохранилища Братской ГЭС на комбинат «Братсклес» ежегодно устраивалось на работу порядка 10 тыс. чел. Прибывающие по оргнабору и вольному найму отличались низкой квалификацией. Для массовой организации обучения отсутствовала соответствующая учебная база. Положение облегчало лишь то, что ручной труд на лесозаготовках не требовал большого предварительного обучения, достаточно было небольшого инструктажа. Более углубленную подготовку проходили не более 10 % от общего числа трудоустроенных на предприятие.

Персонал Братской ГЭС начал формироваться за шесть-семь месяцев до ввода в действие ее первых агрегатов. Высококвалифицированные специалисты с практическим опытом эксплуатации были приглашены с других электростанций. Остальные штаты комплектовались из состава строительных и монтажных организаций. Оперативный и часть ремонтного состава готовились на специальных трехмесячных курсах по изучению оборудования гидроэлектростанции, правил эксплуатации и техники безопасности, а также прошли производственную практику продолжительностью 1–1,5 месяца на крупных действующих электростанциях. К началу эксплуатации гидроэлектростанции были подготовлены дежурный персонал, работники электрической и химической лабораторий. В дальнейшем ежегодно подготавливалось примерно по 15–20 чел. Автоматизированному предприятию

требовалось всего лишь несколько сотен работников, но зато очень высокой квалификации.

Гораздо сложнее обстояло дело с подготовкой эксплуатационников для предприятий металлургии и лесохимии. Квалифицированных кадров, необходимых для основного производства, в регионе почти не было. Их следовало привлечь извне или подготовить на месте. Задолго до пуска объектов было ясно, что в условиях дефицита рабочей силы будущими эксплуатационниками новых промышленных предприятий станут многие из строителей. Среди них и организовали обучение новым специальностям.

На Братском лесопромышленном комплексе первые учебные группы по подготовке будущих целлюлозников были созданы в конце 1963 г. Тогда же удалось открыть вечерний техникум целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности. Уже в следующем году на курсах без отрыва от производства было подготовлено 374 чел., еще 270 рабочих осваивали новую технику и проходили стажировку на родственных предприятиях⁴. Несколько увеличились масштабы обучения новых рабочих в следующем году. Однако если учесть, что только для обеспечения пусконаладочных работ требовалось около 4 тыс. чел., то становится очевидным, что такое положение не могло быть признано удовлетворительным.

Чтобы обеспечить успешный ввод в действие предприятий первой очереди, требовалось привлечь высококвалифицированных специалистов с родственных предприятий.

Начальный этап подготовки работников для Коршуновского горно-обогатительного комбината имел много общего с таковым на Братском ЛПК. Здесь столь же широко практиковалась переподготовка строителей в учебно-курсовом комбинате с целью последующего использования их в качестве эксплуатационников. Более успешному изучению установленного оборудования и технологии способствовало участие будущих эксплуатационников в монтажных и общестроительных работах.

Ответственность за обучение новых рабочих на комбинате была возложена на учебно-методический совет, созданный под председательством главного инженера комбината. Совет разрабатывал программы обучения, контролировал качество подготовки рабочих разных профессий, следил за своевременным пополнением цехов квалифицированными кадрами. К моменту пуска предприятия в эксплуатацию обучение прошли более 2 тыс. рабочих. Этого количества на тот момент хватало для решения первоочередных задач.

В 1965 г. началось организованное обучение эксплуатационников на Братском алюминиевом заводе. И тут большинство обучающихся составляли строители. Прослушав теоретический курс в учебных группах на заводе, многие из них затем направлялись на другие предприятия алюминиевой промышленности для прохождения там практики. Ко времени пуска завода было подготовлено 414 рабочих, в том числе 200 электролизников и анодчиков, 57 машинистов электромостового крана, 42 электрика, 25 разливщиков, 90 рабочих других профессий, необходимых для основного производства⁵.

Хотя подготовка эксплуатационников на крупнейших промышленных предприятиях комплекса в предпусковой период была организована заблаговременно, ее размах не всегда соответствовал потребностям новых объектов в квалифицированных кадрах. Он сдерживался слабостью учебно-производственной базы. Занятия, как правило, проводились в слабо приспособленных помещениях при недостатке учебно-наглядных пособий, учебников и оборудования, что, естественно, снижало качество подготовки рабочих. Такое положение наблюдалось довольно долго. Учебно-курсовой комбинат Коршуновского ГОКа испытывал большие затруднения в связи с недостатком помещений. В его распоряжении находились лишь четыре классные комнаты общей площадью 130 кв. м. Отсутствовали специально оборудованные лаборатории и кабинеты, что затрудняло процесс обучения.

К преподавательской работе в учебных комбинатах и пунктах привлекались в основном специалисты с высшим и средним специальным образованием. Однако лишь немногие из них имели опыт педагогической работы, что также сказывалось на качестве подготовляемых кадров.

Улучшению процесса подготовки кадров способствовало укрепление учебно-материальной базы, начавшееся в конце 1960-х гг. на всех крупных предприятиях страны в соответствии с постановлением Совета Министров СССР «О мероприятиях по улучшению подготовки и повышению квалификации рабочих непосредственно на производстве», принятым 22 марта 1968 г.⁶. В нём предусматривалось разрабатывать планы подготовки и повышения квалификации рабочих по основным технологическим профессиям для вновь вводимых в действие предприятий. Кроме того, намечались мероприятия по улучшению методического руководства процессом обучения работников.

С этого времени ещё больше внимания данному направлению деятельности стали уделять и в трудовых коллективах Братско-Усть-Илимского ТПК. Уже в следующем году на Братском алюминиевом

заводе разработали комплекс мероприятий по улучшению производственно-технического обучения рабочих. Их реализация уже в скором времени дала позитивные результаты. Если до 1970 г. планы подготовки новых рабочих на заводе выполнялись лишь на 70–80 %, то в последующие годы они стабильно перевыполнялись. Положительную роль сыграло и улучшение методической помощи со стороны Государственного комитета Совета Министров СССР по профессионально-техническому образованию. Он стал обеспечивать министерства и ведомства типовыми программами для обучения кадров по отдельным профессиям и специальностям. Некоторые изменения в их содержание вносились с учетом местных условий. Подготовка рабочих на Братском ЛПК осуществлялась по 180–250-часовой программе. А на Коршуновском ГОКе рабочие по некоторым профессиям обучались по более обширным программам. Так, подготовка помощников машинистов буровых станков осуществлялась по 300-часовой программе.

Количественные изменения в подготовке рабочих на предприятиях во многом определялись производственными потребностями. Наибольший размах подготовка кадров приобрела в 1964–1970 гг., т.е. в период интенсивного ввода в действие новых производственных мощностей на ведущих предприятиях Братска и Железногорска. Например, на алюминиевом заводе наиболее значительные контингенты новых рабочих были обучены в первое пятилетие его работы при относительной стабильности в последующие годы. Несколько иное положение сложилось на Братском ЛПК. Интенсивный рост численности коллектива к концу рассматриваемого периода так и не завершился. В связи с этим возрастала и потребность в квалифицированных рабочих. Поэтому здесь подготовка кадров со временем приобретала все большие масштабы, хотя количественные показатели по отдельным годам менялись неоднозначно. Во время ввода в эксплуатацию крупных производственных объектов численность обученных резко возрастала, а затем несколько сокращалась.

В середине 1970-х гг. в строй действующих вступило еще несколько крупных промышленных предприятий, в том числе завод отопительного оборудования, швейная фабрика в Братске и ряд объектов на Усть-Илимском лесопромышленном комплексе.

Администрация завода отопительного оборудования сделала ставку на подготовку кадров на родственных предприятиях в Новокузнецке, Караганде, Целинограде, Киеве, Иркутске, Братске. Собственный отдел подготовки кадров здесь испытывал дефицит в помещениях,

учебных пособиях, мастерах и преподавателях. Планы обучения и повышения квалификации рабочих не выполнялись. Это не позволяло своевременно обеспечивать цеха и участки необходимым количеством работников.

Более успешно решалась проблема подготовки кадров на швейной фабрике. Много молодых рабочих поступило на предприятие из профессионально-технических училищ. Однако основная часть поступающих на фабрику обучалась бригадно-групповым методом в учебной мастерской без отрыва от производства. Планы подготовки новых рабочих здесь ежегодно выполнялись. За годы десятой пятилетки было обучено 1085 чел.⁷

Только в начале 1978 г. был создан учебно-курсовой комбинат на Усть-Илимском лесопромышленном комплексе. Его наличие сразу же позволило резко увеличить масштабы и качество подготовки рабочих кадров. До этого три года она осуществлялась в учебно-курсовом комбинате Братскгэсстроя.

Хотя успехи в деле производственного обучения были значительными, они не всегда отвечали потребностям промышленности в квалифицированных кадрах, особенно в первые годы функционирования предприятий. Нехватка квалифицированных рабочих выступала одним из факторов, замедляющих освоение новых производственных мощностей.

С первых лет формирования трудовых коллективов промышленных предприятий, когда наблюдался массовый переход строителей в эксплуатационники, в системе подготовки кадров на производстве фактически преобладала их переподготовка, т. е. обучение рабочих новым профессиям и специальностям. В дальнейшем этому сопутствовали высокий уровень текучести кадров на предприятиях и стройках, широкое привлечение из других районов рабочих, не имеющих нужных профессий. Иногда приходилось повторно обучать новичков профессии, которую они формально уже имели. По данным социологического обследования, проведенного автором в 1979 г., 12 % рабочих промышленности Братско-Усть-Илимского ТПК помимо подготовки по своей профессии на предприятии обучались этой же профессии в других местах. В обследованных строительных подразделениях Братскгэсстроя такие составляли 7 %. Особенно часто приходилось переучивать бывших учащихся профтехучилищ.

Обучение новых рабочих на предприятиях осуществлялось в форме индивидуального и бригадного производственного обучения, а также профессионально-технического обучения на курсах, с отрывом

и без отрыва от производства. Индивидуальная форма подготовки рабочих получила наиболее широкое распространение на промышленных предприятиях комплекса.

При индивидуальном обучении, как правило, не удавалось обеспечить тесную связь теоретического обучения с трудовым. Рабочие получали в основном узкопрофильную подготовку, позволяющую выполнять отдельные операции. Поэтому наибольшее распространение индивидуальное производственное обучение получило на предприятиях, широко использующих в производственном процессе узкоспециализированный труд рабочих: в производственных лесопромышленных объединениях «Братсклес» и «Илимсклес», на Братском лесопромышленном комплексе, Братском заводе отопительного оборудования, а также на Братской швейной фабрике. В гораздо меньшей степени индивидуальное обучение использовалось в строительстве.

При бригадной форме обучения, как и при индивидуальной, подготовка новых рабочих шла параллельно с выполнением учеником трудовых функций в производственной или ученической бригаде. Наиболее широко бригадное обучение применялось в комплексных бригадах, где существовала коллективная заинтересованность в том, чтобы все рабочие, в том числе и начинающие, овладевали смежными профессиями. Это в какой-то мере позволяло преодолевать недостатки узкоспециализированной подготовки при индивидуальной форме обучения, но не обеспечивало необходимой последовательности и системности теоретического обучения.

Бригадное и групповое обучение широко распространилось в лесной промышленности. За годы десятой пятилетки (1971–1975 гг.) каждый третий новый рабочий ПЛО «Братсклес» был подготовлен именно так⁸. Примерно в таких же масштабах использовалась данная форма обучения и в строительстве.

Наиболее сложным профессиям рабочие обучались на курсах. Преимущество этой формы обучения состояло, прежде всего, в более тесном соединении теоретического обучения с производственной практикой. Особое развитие курсовая система обучения получила на наиболее передовых в техническом плане предприятиях: Братском алюминиевом заводе, Коршуновском горно-обогатительном комбинате, а также в Братскгэстросте.

Происходившая в стране техническая модернизация индустриальной сферы определяла неуклонный рост требований к качеству подготовки рабочих кадров. Поэтому прослеживалась тенденция постепенного увеличения удельного веса подготовки рабочих кадров в

учебных комбинатах и на курсах. Она характерна и для предприятий и организаций Братско-Усть-Илимского ТПК. Однако происходящие в соотношении форм подготовки новых рабочих изменения были неоднозначны, что особенно отчетливо проявлялось в промышленности. В предпусковые и пусковые годы основная часть новых рабочих для объектов, вводимых в строй действующих, готовилась на специально организованных на них курсах, в учебных комбинатах родственных или соседних предприятий. С пуском предприятий резко возрастающие потребности в квалифицированных кадрах не могли удовлетворяться лишь за счет курсового обучения, поэтому увеличивалось значение индивидуально-бригадной подготовки, которое в дальнейшем постепенно снижалось. Расширение предприятий за счет разнообразных по характеру и сложности производств также оказывало влияние на изменение соотношения в формах производственно-технического обучения. Это было особенно заметным на Братском ЛПК.

Тенденция постепенного возрастания доли курсового обучения ещё больше прослеживается в строительстве. В Братскгэсстрое эта доля увеличилась с 55 % в 1960 г. до 80 % в 1970 г. и до 85 % в 1980 г.⁹. Анализ соответствующих показателей и их сравнение с общесоюзными показывало, что в целом в строительстве и промышленности Среднего Приангарья курсовое обучение рабочих на производстве использовалось более широко, чем в целом по стране¹⁰.

Расширение масштабов курсового обучения сопровождалось улучшением качества подготовки. Этому в значительной мере способствовали укрепление учебно-материальной базы учебных комбинатов, а также совершенствование качественного состава учебно-педагогических кадров.

Мощная база действовала в Братскгэсстрое. Если в 1957 г. отдел подготовки кадров располагал лишь восемью классными комнатами, то в 1970 г. в учебный комбинат входило шесть учебных пунктов, в которых насчитывалось 58 классных комнат общей площадью 2,4 тыс. кв. м на 1855 мест. Учебные пункты были расположены на основных строящихся объектах: Братском гидроузле, Коршуновском ГОКе, Братском лесопромышленном комплексе, Усть-Илимской ГЭС, Братском алюминиевом заводе, единой базе стройиндустрии. Улучшалась обеспеченность техническими средствами обучения, наглядными пособиями, учебниками. Для повышения эффективности подготовки кадров определенных профессий создавались специализированные классы. В 1978 г. они составляли 80 % от общего количества учебных аудиторий. В учебных пунктах Братскгэсстроя имелись: четыре класса мон-

тажников железобетонных изделий, два класса автокрановщиков, три класса по общей электротехнике, три класса отделочников, девять классов по подготовке водителей автомобилей, четыре класса для обучения машинистов башенных и мостовых кранов, два класса технического черчения, класс электросварщиков и другие. Учебные пункты были обеспечены тренажерами и техническими библиотеками. При помощи установленных в каждом из пунктов киноаппаратов «Украина» регулярно демонстрировались учебные фильмы согласно программам и планам учебно-воспитательной работы¹¹. Обучение рабочих, необходимых длястроек, проводилось по типовым программам и рекомендациям, разработанным учебно-методическим кабинетом Министерства энергетики и электрификации СССР.

На других предприятиях и организациях Братско-Усть-Илимского ТПК масштабы подготовки кадров были значительно меньшими, как и возможности для создания прочной учебно-производственной базы. Недостаточный уровень ее развития постоянно сказывался на качестве обучения рабочих. Тенденция повышения технической оснащенности учебного процесса прослеживалась на всех предприятиях, тем не менее, как и в целом по стране, она не отвечала возросшим требованиям. Этот недостаток в системе профессионального обучения отмечался в принятом в июне 1979 г. постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мероприятиях по дальнейшему совершенствованию подготовки и повышению квалификации рабочих на производстве»¹².

Большое значение в трудовых коллективах БИТПК придавалось улучшению состава и подготовки преподавателей и инструкторов производственного обучения. К педагогической работе на предприятиях привлекались опытные инженеры и техники, в качестве инструкторов – квалифицированные рабочие, имеющие большой стаж работы по данной специальности. Так, в подготовке кадров на Братском алюминиевом заводе активное участие принимали лучшие рабочие. На счету почетных металлургов (таких на заводе насчитывалось более 50 чел.) по 15–20 новых мастеров своего дела. Щедро делились со своими воспитанниками богатыми знаниями и опытом Герои Социалистического Труда А.И. Свиридонов и В.М. Панин.

На начальных этапах работы новых промышленных предприятий в обучении рабочих участвовали работники научно-исследовательских институтов, представители заводов-поставщиков, находящиеся в служебных командировках.

Возрастание требований к качеству обучения новых рабочих определило большие изменения состава преподавателей и инструкторов. К теоретическому обучению все шире привлекались инженерно-технические работники с высшим образованием. Так, на Коршуновском ГОКе в течение 1970–1978 гг. их удельный вес увеличился в 1,5 раза¹³.

Со временем повышался образовательный уровень и производственный опыт инструкторов производственного обучения (основная их масса имела образование не ниже среднего), увеличивалась доля имеющих высшее образование. Важно и то, что на комбинате уделялось большое внимание подготовке работников, привлекаемых к производственно-техническому обучению, оказанию им методической помощи. На предприятии был создан и работал учебно-методический совет, проводились открытые уроки, которые затем подвергались тщательному анализу. Для обучения учебно-педагогических кадров Министерством черной металлургии СССР организовывались специальные семинары. В 1977 г. на семинарах в Центральном учебном комбинате в Челябинске и Институте технического обучения в Свердловске прошли обучение около половины преподавателей и консультантов и четвертая часть инструкторов производственного обучения Коршуновского горно-обогатительного комбината.

Большое значение повышению квалификации работников, занятых подготовкой кадров, уделялось и на других предприятиях и организациях. В Братскгэсстрое ежегодно к обучению рабочих привлекалось от 450 до 650 инженерно-технических работников и новаторов производства. Для них проводились семинары-совещания, на которых рассматривались учебные планы, проводился методический разбор занятий, анализировались разработанные методические указания и программы, опыт работы по подготовке и повышению квалификации рабочих и многое другое.

Организацией подготовки кадров на предприятиях и в организациях занимались штатные работники учебных комбинатов, которые имели в основном высшее и среднетехническое образование и большой педагогический опыт. Существенную помощь оказывали им цеховые организаторы производственного обучения. Они участвовали в составлении учебных планов и программ, а также в организации обучения.

На повышение эффективности подготовки рабочих непосредственно на производстве заметное влияние оказало соединение профессионального обучения с движением наставничества. Широкий размах оно получило в годы девятой пятилетки. Оно вошло в жизнь всех

производственных коллективов. В 1974 г. в Братске работало около 500 наставников¹⁴.

На предприятиях и в организациях были созданы советы наставников. Они рассматривали вопросы качества подготовки и повышения квалификации рабочих кадров, совершенствования учебного процесса, развития социалистического соревнования между молодыми и кадровыми рабочими, руководили деятельностью наставников, их подбором, повышением педагогического и идейно-теоретического уровня, решали другие важные задачи.

Оценивая наставничество как действенный метод обучения и воспитания, общественные организации стремились к тому, чтобы за каждым подростком закрепить опытного наставника. В ряды наставников привлекались лучшие производственники, герои и ветераны войны и труда, народные депутаты. Большую часть рабочих-педагогов составляли опытные квалифицированные рабочие. Среди полуторатысячной армии наставников Братскгэсстроя они составляли в 1970 г. 87,5 %, а инженерно-технические работники и служащие – 12,5 %¹⁵.

Большую поддержку в деле профессионально-технической подготовки хозяйственные организации получали со стороны областной, и городских партийных организаций. Вопросы формирования коллектива и подготовки кадров для комплекса не раз обсуждались на пленумах и бюро Иркутского обкома и Братского горкома партии. В решении бюро Иркутского обкома КПСС по вопросу «О мерах по окончанию строительства и вводу в эксплуатацию мощностей первой очереди Братского ЛПК» отмечалась недостаточная профессиональная подготовка части рабочих¹⁶. Для освоения вводимых в действие мощностей на этот комбинат были приглашены 419 квалифицированных рабочих, имеющих опыт работы в целлюлозно-бумажной промышленности. Готовились кадры и в учебных пунктах комплекса. Всего за три пусконаладочных года (1964–1966) было подготовлено 1617 рабочих, 1032 чел. прошли стажировку на родственных предприятиях¹⁷.

Внимание обкомов, горкомов и райкомов КПСС к проблеме подготовки кадров не ослабевало и в последующие годы. Тем более, что на это нацеливало центральное руководство страны. В уже упоминавшемся правительственном постановлении «О мероприятиях по улучшению подготовки и повышению квалификации рабочих непосредственно на производстве», обосновывалась необходимость дальнейшего развития системы профтехобразования и в первую очередь через учебно-курсовые комбинаты. Для районов нового промышленного освоения был важен пункт, согласно которому намечалась разработка

планов подготовки и повышения квалификации рабочих по основным технологическим профессиям для вновь вводимых в действие предприятий. Кроме того, предлагалось больше внимания уделять улучшению методического руководства этой подготовкой¹⁸.

Партийные органы постоянно акцентировали внимание на актуальности проблемы подготовки кадров на производстве, разрабатывали соответствующие мероприятия по устранению имевшихся недостатков, принимали участие в планировании деятельности отдельных ведомств и конкретных предприятий и организаций, осуществляли постоянный контроль за процессом подготовки и переподготовки рабочих кадров с привлечением к нему первичных организаций. Всё это позволяло более успешно решать проблему повышения культурно-технического уровня трудящихся. И, тем не менее, следует признать, что партийные организации лишь способствовали более успешному решению данной проблемы. Основную часть работы по обучению рабочих кадров на производстве приходилось выполнять хозяйственным организациям под руководством министерств и ведомств. Качество обучения очень часто оказывалось невысоким. И всё же, сложившаяся в советское время система профессиональной подготовки кадров на местах, обеспечивала предприятия и стройки работниками, в целом соответствующими технико-технологическому уровню производства того времени.

Роль партийных органов была более заметной в развитии системы профессионально-технического образования. Несмотря на то, что отдельные училища часто ориентировались на подготовку кадров для конкретных заводов, учреждений и организаций, большая часть их выпускников поступала и на другие предприятия. Координировать действия отдельных ведомств могли лишь территориальные органы. Поэтому проблемой развития сети профтехобразования в отдельных субъектах Российской Федерации занимались советские и партийные органы. Так в 1961 г. бюро Иркутского обкома КПСС рассмотрело вопрос «О состоянии подготовки и воспитания квалифицированных рабочих в системе профессионально-технического образования». Было отмечено, что лишь за 1959–1960 гг. произошел заметный рост сети учебных заведений, для народного хозяйства области подготовлено 12,5 тыс. квалифицированных рабочих. Однако этого было явно недостаточно: выпускники школ и училищ ПТО составляли лишь десятую часть от новых пополнений рабочих¹⁹. Кардинально изменить ситуацию лишь усилиями местных властных органов было невозможно. Проблему следовало решать на общегосударственном уровне. Пона-

добилось ещё два десятилетия, чтобы сделать роль системы ПТО более значимой для народного хозяйства страны. В 1966, 1969, 1972 и в 1977 гг. были приняты совместные постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР, направленные на развитие системы профессионально-технического образования в стране, повышение уровня теоретического и производственного обучения, внедрение в учебный процесс современных технических средств обучения.

В районах нового промышленного освоения, к которым относился и Братско–Усть-Илимский ТПК, сеть профтехучилищ также развивалась медленно. Лучше, чем в других городах, обстояло дело в Железногорске. Здесь уже в первые годы после пуска предприятия в эксплуатацию начало действовать городское профессионально-техническое училище (ГПТУ-33), готовившее для Коршуновского горно-обогатительного комбината рабочих высокой квалификации по основным профессиям: машинистов и помощников машинистов экскаваторов, тепловозов, буровых станков, газосварщиков, токарей, слесарей-ремонтников. Ежегодно в нем обучалось около 500 юношей и девушек. Училище ежегодно передавало комбинату, как базовому предприятию, большую часть своих выпускников. Всего за 1971–1980 гг. по направлению училищ профтехобразования в коллектив комбината влилось 1656 чел., что составило около 12 % от общего количества принятых²⁰.

В конце 1973 г. на базе Братского алюминиевого завода было образовано профессионально-техническое училище № 24. В нем одновременно обучалось около 900 чел. по специальностям слесаря по ремонту контрольно-измерительных приборов электрооборудования и некоторым другим рабочим профессиям. Профессионально-технические училища организовывались и для подготовки молодежи по строительным профессиям. В 1965 г. два таких училища с числом учащихся более 700 чел. функционировало в Братске.

А после того как в стране был провозглашен курс на завершение перехода к всеобщему среднему образованию, были сделаны соответствующие корректировки и в профессиональной подготовке молодых рабочих. Принятое 23 июня 1972 г. совместное постановление партии и правительства «О дальнейшем совершенствовании системы профессионально-технического образования» поставило задачу по превращению профтехучилищ «в основную школу профессиональной подготовки молодежи и по формированию достойного пополнения рабочего класса». С этого времени в стране особенно быстро увеличивалась

численность средних профтехучилищ, в которых учащиеся получали не только профессию, но и общее среднее образование²¹.

Первым училищем Среднего Приангарья, преобразованным в среднее профессионально-техническое, стало железнгорское ППТУ-33. А к началу 1981 г. на территории Братско-Усть-Илимского ТПК функционировало уже 4 средних ПТУ, в которых насчитывалось около 2 тыс. учащихся. Эти училища заняли ведущее место в системе учебных заведений профтехобразования региона. В них обучались молодые рабочие по наиболее сложным профессиям.

Кроме ПТУ в конце 1970-х гг. в регионе появились технические училища (ТУ), в которых обучались молодые люди уже имевшие общее среднее образование. Лишь в 1978 г. в Среднем Приангарье открылось 2 технических училища. Одно было организовано для подготовки кадров для Усть-Илимского лесопромышленного комплекса (ТУ-7), другое открылось в Братске. Здесь на базе уже ранее существовавшего ТУ-3 возник филиал на 150 учащихся. А в следующем учебном году он превратился в самостоятельное училище ТУ-10 на 350 мест.

Совершенствованию подготовки квалифицированных кадров рабочих способствовало укрепление учебно-материальной базы училищ системы профтехобразования. Со временем в них появилось много современного оборудования, включая средства механизации и автоматизации производственных процессов, совершенных технических средств и учебно-наглядных пособий. Существенную помощь в укреплении материальной базы училищ оказывали подшефным профтехучилищам промышленные предприятия, такие как Коршуновский ГОК, братские алюминиевый завод и лесопромышленный комплекс.

Улучшению качества обучения способствовали совершенствование методики преподавания различных дисциплин, а также качественные и количественные изменения в составе инженерно-педагогических кадров. Например, в Братске численность преподавателей ПТУ в 1976–1980 гг. выросла более чем на четверть. Столь значительные изменения обусловил, прежде всего, пересмотр нормативов числа учащихся, приходящихся на одного мастера, с 30 до 12-15, а также перевод профтехучилищ в разряд средних.

Основную часть рабочих, вливающих в трудовые коллективы по направлению учебных заведений системы профтехобразования, давали выпускники училищ, расположенных на территории БИТПК. Однако на некоторые предприятия направлялись молодые рабочие, получившие профессию в профтехучилищах, находящихся за пределами

региона. Для одних предприятий они сыграли заметную роль в формировании кадров эксплуатационников лишь в предпусковые и пусковые годы, для других служили важным источником пополнения рабочей силы на протяжении длительного периода. Так, на Братскую швейную фабрику за первые шесть лет ее работы (1975–1980) из училищ ПТО поступило 567 чел.²². Большинство из них прошли обучение в техническом училище, находящемся в г. Усолье-Сибирское.

Подобным образом обеспечивались квалифицированными кадрами и некоторые подразделения Братскгэсстроя, особенно во время резкого увеличения объемов строительно-монтажных работ на крупных народнохозяйственных объектах. Например, в период нарастания работ на Усть-Илимском ЛПК Государственному комитету по профессионально-техническому образованию поставили задачу подготовить и направить в это строительное управление за 1975–1976 гг. 3000 молодых строителей²³.

Анализ развития системы профессионально-технического образования в Среднем Приангарье свидетельствует как о качественных, так и о количественных ее изменениях. Однако рост масштабов подготовки рабочих в профтехучилищах все же не соответствовал потребностям народного хозяйства БИТПК в квалифицированных кадрах, а во второй половине 1970-х гг. контингент учащихся вообще не увеличился.

Тем не менее, как свидетельствуют данные социологического обследования 1979 г., значительная часть рабочих промышленности и строительства БИТПК получила профессию через систему профтехобразования. Особенно велика доля таких рабочих на предприятиях, имеющих свои училища. При среднем показателе по промышленности 16,5 %, удельный вес получивших образование в профтехучилищах составил на Коршуновском горно-обогатительном комбинате 21 %, Братском алюминиевом заводе – 19 %, тогда как на Братском ЛПК, где техническое училище было создано сравнительно поздно, этот показатель составлял 12 %.

В обследованных строительных подразделениях Братскгэсстроя получившие профессию в системе ПТО составили 23 %. Для сравнения заметим, что в среднем по стране потребность промышленности в подготовке квалифицированных рабочих кадров удовлетворялась за счет выпускников училищ профтехобразования на 20 %, а строительства – на 30 %²⁴.

Подготовка новых рабочих осуществлялась и в общеобразовательных школах. Их сеть в регионе развивалась вместе с ростом населе-

ния. Только в Братске за 1956–1965 гг. появилось 25 школ. И этот процесс не останавливался никогда. Десятки новых школ построены в других городах Среднего Приангарья, в сельской местности.

В период массового разворота строительно-монтажных работ на Брасткой ГЭС в конце 1958 г. был принят закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР», по которому в средней школе предусматривалась подготовка квалифицированных рабочих. В ряде школ была предпринята попытка обеспечить профессиональную подготовку учащихся и приобщить их к производительному труду на стройплощадках. Братскгэсстрой оказывал реальную помощь школам в развитии учебной базы. И, тем не менее, производственное обучение в подавляющем большинстве школ не обеспечивало необходимого качества. И такое положение наблюдалось по всей стране. На практике положительных результатов добивались лишь те школы, в которых энтузиазм педагогов подкреплялся заинтересованностью партийных, советских и хозяйственных органов в развитии этого вида профессиональной подготовки.

Чтобы изменить ситуацию 10 ноября 1966 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли очередное постановление «О мерах дальнейшего улучшения работы средней общеобразовательной школы»²⁵. Однако и этот документ центрального партийного органа и правительства страны не принёс заметных позитивных результатов. В школах БИТПК производственное обучение школьников зачастую превращалось в пустую трату времени. Главная причина заключалась в том, что многие школы не располагали соответствующей материально-технической базой и постоянными рабочими местами. Производственное обучение школьников очень слабо увязывалось с потребностями предприятий истроек в рабочих тех или иных специальностей. Сказывалось и то обстоятельство, что учащиеся практически не имели возможностей овладеть теми профессиями, к которым они имели склонности исходя из своих интересов и способностей. Поэтому лишь очень небольшая часть подготовленных в школе рабочих поступала затем работать по специальности.

Таким образом, для профессионально-технического обучения в Среднем Приангарье были созданы неплохие возможности. Получить рабочую профессию можно было как в стационарных учебных заведениях, так и непосредственно на производстве. Профессионально-технические училища в целом сыграли важную роль в обеспечении трудовых коллективов квалифицированными кадрами. Но в количе-

ственном отношении их в регионе было значительно меньше, чем требовалось для удовлетворения потребностей предприятий истроек в рабочих наиболее сложных профессий. В связи с этим кадры готовились в основном в учебных отделах и комбинатах, созданных на предприятиях, в том числе и на родственных, что имело особо важное значение во время пуска в эксплуатацию новых промышленных объектов. Широкое распространение обучения рабочих на предприятиях в какой-то мере сдерживало социально-экономическое развитие региона, что было связано с недостаточным качеством этого вида подготовки кадров. Да и в целом сложившейся в БИТПК системе профессионально-технического обучения не хватало мобильности. Она очень медленно учитывала и не всегда адекватно реагировала на происходящие изменения в технике, технологии и организации труда на предприятиях и стройках. И лишь в редких случаях, как того и требовала техническая модернизация, подготовка осуществлялась не на покрытие текущих потребностей, а на перспективу развития индустриального производства.

¹ Данные архива учебного комбината Братскгэсстрой.

² Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. 6047. Оп. 4. Д. 60. Л. 32; Д. 64. Л. 85.

³ Рассчитано по данным годовых отчетов учебного комбината Братскгэсстрой.

⁴ Центральный архив (ЦА) БЛПК. Ф.1. Оп. 1. Д.65. Л. 14.

⁵ Центральный архив БрАЗа. Ф. 1. Оп. 1. Д. 130. Л. 125.

⁶ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т.6. М., 1968. С.688-690.

⁷ Рассчитано по данным годовых отчетов Братской швейной фабрики за 1976 – 1980 г.

⁸ Рассчитано по данным годовых отчетов о подготовке кадров ПЛО «Братсклес» за 1976–1980 г..

⁹ ЦА Братскгэсстрой. Ф. 1. Оп. 1. Д.315. Л. 175; Д. 1679. Л. 28; Д. 3577. Л. 29.

¹⁰ Ковригин М.А. Подготовка рабочих кадров в условиях научно-технической революции. М., 1981. С. 80.

¹¹ ЦА Братскгэсстрой. Ф. 1. Оп. 1. Д. 93. Л. 150; Д. 1679. Л. 30; Д. 3105. Л. 170.

¹² Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1981. Т.13. С. 40-45.

¹³ Рассчитано по данным учебно-курсового комбината КГОКа.

¹⁴ ГАНИИО. Ф.4847. Оп. 7. Д.24. Л.34.

-
- ¹⁵ ЦА Братскгэсстроя. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3577. Л. 24.
- ¹⁶ Семенченко М.Г. Деятельность КПСС по развитию промышленности Восточной Сибири в условиях строительства коммунизма. Иркутск, 1974. С. 200,201.
- ¹⁷ ЦА БЛПК. Доклад «Подготовка кадров на Братском ЛПК с 1964 по 1973 г.». Л. 1.
- ¹⁸ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 6. С. 688-690.
- ¹⁹ Семенченко М.Г. Указ соч. С.201.
- ²⁰ Рассчитано по архивным данным Коршуновского ГОКа.
- ²¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд.8. Т.11. М., С.103-109.
- ²² Архив Братской швейной фабрики, годовой отчет за 1980 г. Л. 36.
- ²³ РГАЭ. Ф. 7964. Оп.1.. Д. 6049. Л. 302.
- ²⁴ Тарасов А.М. Подготовка кадров для капитального строительства. М., 1979. С. 36.
- ²⁵ Справочник партийного работника. М., 1967. Вып. 7. С. 278-287.

Л.В. Занданова, Л.М. Салахова

**ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ
В МОЛОДЫХ ИНДУСТРИАЛЬНЫХ ГОРОДАХ БРАТСКО-
УСТЬ-ИЛИМСКОГО ТПК В СЕРЕДИНЕ 1950-х – 1980-е гг.**

Приангарье – часть Байкальской Сибири, территория Иркутской области и Красноярского края, расположенная в бассейне реки Ангары и ее притоков – феноменальная модель социально-экономического и социокультурного развития. Эта территория, прилегающая к уникальной по своим природным особенностям водной артерии – Ангаре, единственной реке, вытекающей из Байкала, – уникальна также и по своей региональной специфике. Реки чаще всего играли определяющую роль в заселении и освоении Сибири. Еще в XVII в. автор «Истории о Сибири» Ю. Крижанич писал: – «Вся сила Сибирской земли в ее реках, и кто хозяин рек, тот хозяин и этой земли». Вся история развития региона и особенно современная ситуация, как никогда ранее, подтверждают это определение.

Во второй половине XX столетия в Среднем Приангарье на основе Братской ГЭС, сегодня входящей в книгу рекордов Гиннеса, и крупных градообразующих предприятий - алюминиевого завода, целлюлозно-

бумажного комбината – выросли города Братск и Вихоревка. Усть-Илимская гидростанция и лесопромышленный комплекс дали жизнь городу Усть-Илимску, крупный горно-обогатительный комбинат – Железногорску-Илимскому. Важным фактором стало строительство железной дороги Абакан–Тайшет и Тайшет–Лена. Таким образом, из 10 городов Иркутской области, получивших свой статус в 1950–1970-е гг., четыре города, в основном построенные «с нуля», были расположены на территории Среднего Приангарья, где был сформирован Братско-Усть-Илимский территориально-производственный комплекс (БИТПК) – особая экономическая зона, имеющая геостратегическое значение не только для Сибири, но и для всей страны.

По истории Приангарья написана не одна сотня статей и изданы десятки монографий, в том числе и по истории средней его части, к которой относится территория Братского, Нижне-Илимского и Усть-Илимского районов Иркутской области, однако проблема их исторического развития продолжает оставаться объектом научного исследования и сегодня. Это обусловлено тем, что до конца XX в. изучение этих территорий осуществлялось с точки зрения глобальных экономических преобразований, происходивших в регионе под влиянием модернизационных процессов в стране в целом. Естественно, сибирские историки не остались в стороне от тех проторенных историографических путей, которыми в основном шли все советские ученые. Главными темами исследований были грандиозные сибирские стройки, представляемые как величайшие достижения в деятельности КПСС и Советского государства, открывавшие путь Сибири и всему СССР к светлому будущему в прямом и переносном смысле, поскольку стержнем всей программы преобразований являлось создание одной из крупнейших отраслей промышленности – электроэнергетики за счет каскада ангарских гидроэлектростанций.

Первыми к изучению истории промышленного освоения Среднего Приангарья обратились ученые из Новосибирска и Иркутска. Основное внимание историков в 1980–1990-е гг. было направлено на процесс создания и проблемы развития Братско-Усть-Илимского ТПК как центра индустриализации региона. В результате сложилось целое направление в сибиреведении, связанное с изучением экономической истории края. Значительное число работ этого периода посвящено проектированию и строительству гидростанций, заводов, новых городов, формированию трудовых коллективов. Особо следует отметить вклад в решение исследовательских задач В.В. Алексеева, Г.А. Цыкунова, А.А. Долголюка, С.Б. Сутурина, П.П. Ступина и др. Достаточно

ярко эти вопросы представлены в публицистических и социологических очерках таких авторов, как А.Н. Марчук, Г.Ф. Куцев и др.

Между тем, с конца 1990-х гг. под влиянием перестроечных процессов в стране меняется и ситуация в исследовании истории Приангарья XX века. Постепенно акцент смещается на другие проблемы. Немаловажную роль в этом сыграла возможность говорить и писать открыто не только о достижениях, но и просчетах в хозяйственном освоении региона (так называемых «уроках Братска»).

В настоящее время появился ряд работ, в которых авторы стремятся к отходу от субъективных оценок происшедшего. Так, например, большую работу по изучению социально-экологических проблем хозяйственного освоения Приангарья провела Н.В. Савчук, показав последствия глобального воздействия техногенных факторов на природу, окружающую среду в целом. Новый взгляд на историю создания водохранилищ ангарских ГЭС, их влияние на традиционный уклад хозяйственной жизни приангарского населения, проблемы переселения из зон затопления представлен в статьях Р.Л. Ермошкиной и О.Л. Беляевой, вопросы развития аграрного производства и проблемы природопользования в Среднем Приангарье – в работах Ю.А. Зуляра.

Объективно рассмотрела основные проблемы молодых городов Иркутской области, в том числе Братска и Усть-Илимска, Ю.В. Чернова, которая дала негативную оценку ведомственным интересам в вопросе формирования городской социальной сферы.

Открытие ранее недоступных архивов привело к появлению работ по истории сибирского ГУЛАГа. Их авторы – О.В. Афанасов, Е.С. Селезнев, А.Г. и В.Г. Мироновы рассматривают Среднюю Ангару как территорию экспансии ГУЛАГа, а принудительный труд заключенных – как часть народнохозяйственного комплекса Приангарья, оказавшего существенное влияние на результаты экономического развития Иркутской области в послевоенный период, поскольку в это время строительство более ста крупных промышленных объектов велось заключенными.

Несмотря на продвижение вперед, история Среднего Приангарья – территории Братско-Усть-Илимского ТПК – нуждается в дальнейшем изучении. На наш взгляд, наиболее актуальными являются вопросы, связанные с социальными и культурными особенностями процесса формирования ТПК, выразившимися в первую очередь в социокультурных трансформациях, происходивших в регионе под воздействием индустриализации, а также те аспекты жизни приангарского социума, которые раньше находились вне поля зрения историков, считались

малозначительными, неактуальными на фоне грандиозных экономических преобразований. В связи с этим мы в своей статье обратились к рассмотрению вопросов формирования культурного пространства молодых городов, влиянию на него официальной советской культурной политики и особенностей ее реализации в локальном масштабе – специфической, а точнее, феноменальной городской среде БИТПК.

Обращение к региональной тематике предполагает сопоставление макро- и микропроцессов в различных сферах общественной жизни. Бесспорно, что исследование истории региональной культуры будет неполным, если не соотнести государственную политическую стратегию в этой области с тем, как она воплощалась на местах. Таким образом, целью данной публикации является стремление показать как «мир большой политики» отражается в конкретном социокультурном пространстве. В нашем случае это один из районов нового освоения Восточной Сибири – Среднее Приангарье.

* * *

Особенности социокультурной среды региона во многом обусловлены спецификой магистральных процессов индустриализации и урбанизации, какими являются формирование поселенческой структуры, городского пространства, населения городов и городского сообщества. Поскольку начавшийся во второй половине XX в. этап индустриального развития Приангарья связан со строительством новых городских поселений и промышленных предприятий на малозаселенных территориях, на месте старожильческих деревень, а то и прямо в тайге, где население традиционно занималось сельским хозяйством и промыслами, то естественно, что этот процесс сопровождался ломкой привычной поселенческой структуры, сложившейся на Ангаре на протяжении нескольких столетий. Именно в эти годы в отдаленных от культурных центров районах, наряду с традиционной культурой, официальной культурой и разнообразными субкультурами, появилась традиция городской культуры. Изменился и социальный портрет жителей региона, их менталитет, в основе которого лежали национальные, культурные, духовные и социальные концепты, произошли изменения в социальной идентификации населения, в результате чего промышленные города Приангарья явились особой формой социокультурной среды.

Специфической особенностью урбанизационного перехода в регионе стало интегрирование местной сельской среды, что в первую очередь выразилось в снижении числа жителей села: согласно переписи 1959 г. в сельской местности Иркутской области проживало

37,9 % от общего числа населения, в 1979 г. его доля составила 22 %, а в 1989 г. – 19,5 %.

Строительство гидроэлектростанций на Ангаре сопровождалось созданием водохранилищ, что повлекло за собой коренное изменение всего хозяйственного облика района, жизненного уклада населения. При создании этих «морей» были затоплены большие территории, люди вынужденно покинули обжитые места, меняя при этом привычный хозяйственный, бытовой и культурный уклад. В результате Приангарье приобрело свою, специфическую форму внутренней миграции – переселение населения из зон затопления (в районах строительства только Братской и Усть-Илимской ГЭС было переселено более 150 тыс. человек), в города перебиралась и значительная часть переселенцев, прибывших ранее в приангарские колхозы, совхозы и леспромхозы по плановому переселению из других регионов страны. Все это, в свою очередь, привело к глубоким переменам в занятости, труде и быте, духовно-нравственных традициях, усилило маргинализацию населения. Несмотря на то, что уровень развития городской цивилизации в регионе был низким, темпы трансформации всех видов поведения населения были медленными, процесс модернизации всех социальных структур общества был несовершенным. Однако даже такой характер урбанизации стимулировал распространение среди сибиряков городских поведенческих стандартов и ценностных ориентиров, менял их жизненные установки. Во всех общественных процессах деревня все «настойчивее» следовала за городом, шло сближение образа жизни сельчан и горожан, начиная с самых глубинных процессов, таких как воспроизводство населения.

Для понимания особенностей формирующейся социокультурной среды в районах нового освоения имеет смысл глубже анализировать некоторые демографические характеристики. Так, в районе Средней Ангары в течение 23 лет возникло несколько городов: Братск (1955), Железногорск-Илимский (1965), Усть-Илимск (1973). В середине 50-х гг. в этом районе преобладало сельское население, составляя 81,7 % от общей численности. В 60-е годы его количество начинает резко сокращаться: в 1961 г. сельских жителей осталось 34,0 %, в 1966 г. – 25,8 %, в 1971 г. – 20,8 %, а в 1981 г. – 17,0 %. Такая динамика позволяет сделать вывод о стремительных темпах развития процесса урбанизации. За четверть века число городских жителей в Среднем Приангарье увеличилось в 30 раз (!) и составило 418 тыс. человек. Преобладающими в структуре населения были группы молодежного возраста. Так, например, на строительстве Железногорска-Илимского

в 60-е гг. работало 80 % молодёжи до 28 лет. Средний возраст жителей г. Братска в 1977 г. составил 28 лет, г. Усть-Илимска – 26 лет. Эти показатели ненамного изменились в 80-е гг. Средний возраст жителей самого молодого в Среднем Приангарье города – Усть-Илимска – был 30,6 лет, в других городах – 32 года. Совокупность приведенных статистических данных позволяет утверждать, что из сельской местности на стройки мигрировали в большей степени молодые люди, поскольку для них это была, в какой-то степени, возможность реализовать свои жизненные планы и социальные амбиции, в то время как доля деревенских жителей более старшего возраста, мигрировавшая в новые города, была незначительной.

Население формирующихся городов было неоднородным по социальному составу. Начиная с 1955 г. на строительство Братской ГЭС направлялись коммунисты и комсомольцы со всех районов области, в 1956 г. стали прибывать отряды по направлению ЦК ВЛКСМ из Москвы и добровольцы со всех концов страны. Освоение энергоресурсов Ангары совпало с общественно-политическими процессами в стране, порожденными XX съездом КПСС, в результате чего многие бывшие узники ГУЛАГа предпочли остаться на стройке. Здесь же оседала часть граждан, отбывших наказания за уголовные преступления, о чем свидетельствуют воспоминания первостроителей и некоторые архивные данные.

Состав населения городов БИТПК был многонациональным. Только в строительстве Братской ГЭС участвовали представители пятидесяти национальностей. В Усть-Илимске работали отряды из пяти стран СЭВ. По данным А.А. Долголюка, на строительстве Усть-Илимской ГЭС трудились представители 52-х, а в Нижнеилимском районе – 17-ти национальностей, что определило восприимчивость, открытость и богатство культурной среды.

В социально-профессиональной структуре молодых городов первоначально преобладали строители и монтажники; показательна динамика уровня образования в рабочей среде: с 1967 по 1975 гг. число рабочих со средним образованием выросло с 16,4 % до 26,9 %, в то время как число рабочих с начальным образованием снизилось с 28,6 % до 19,2 % от общего числа рабочих Братскгэсстроя. Среди жителей молодых городов было большое количество получавших образование по заочной или вечерней форме обучения. Так, например, в Железногорске-Илимском в 1970 г. 52 % молодежи обучалось в вечерней школе, техникуме, заочно в вузах.

Интеллигенция в городах БИТПК в связи с промышленной спецификой региона была представлена в основном инженерно-техническими работниками. Например, в Братске ее ядро составил так называемый «московский десант», прибывший в 1956 г., который сыграл большую роль в формировании культурной самобытности города. Аналогичной ситуация была в Усть-Илимске и Железногорске-Илимском: приток свежих сил ускорял культурные процессы, происходящие в молодых городах. Отметим, что в последнем важная роль в определении культурных приоритетов принадлежала сельской интеллигенции (учителям, журналистам, работникам культуры), представители которой в результате затопления Приилимья переселились в Железногорск-Илимский.

Молодые индустриальные города Сибири – в определенном смысле феномен. Мы рассматриваем данный феномен сквозь призму формирования облика городского сообщества, во многом определившего вектор социокультурного развития города.

* * *

В 1950–1980-е годы в Советском Союзе не только оформилась единая советская культурная политика, но и был приобретён опыт управления в области культурного строительства в районах нового освоения, к которым относилось Среднее Приангарье. Специфика данного периода состоит в том, что первая его часть (1956–1963 гг.) совпадает с периодом «оттепели», а вторая (середина 1960–1980-х гг.) – с «эпохой застоя». Это обстоятельство важно учитывать при рассмотрении особенностей культурной политики, поскольку лидерство во власти принадлежало не столько собственно государственным институтам, сколько коммунистической партии, практически монополизировавшей сферу контроля и управления в обществе.

Генеральная линия по отношению к культуре и творчеству наиболее чётко была определена в Программе КПСС, принятой в 1961 г. на XXII съезде партии. Изучение документа, на четверть века определившего судьбу культуры, позволяет сделать вывод о том, что этой сфере жизнедеятельности придавалась идеологическая направленность. Перед культурой ставилась задача активного участия в «воспитании всех трудящихся в духе высокой идейности и преданности коммунизму»¹. Ведущую роль в достижении поставленных целей, по мнению партии, должны были играть литература и искусство, «вооружённые» методом социалистического реализма. В программе указывалось на необходимость широкого привлечения к художественно-творческой деятельности народных масс². Таким образом, коммунистическая культура должна была стать неким симбиозом массовой художественной

самостоятельности и профессионального искусства. Для реализации этой цели партия брала на себя заботу по подъёму материальной базы культуры и оказанию помощи в деятельности общественных организаций и творческих союзов, работников литературы и искусства.

Содержание раздела Программы КПСС, посвящённого культурной политике, достаточно противоречиво. С одной стороны, творческим работникам и работникам культуры давали «широкий простор для проявления личной творческой инициативы, ...многообразия творческих форм, стилей...»³, а с другой стороны, свобода творчества ограничивалась идеологическими установками. Партия оставляла за собой право корректировки их деятельности в случаях «уклонения от курса».

По сути, образ культурного пространства, которое должно было сформироваться в Советском Союзе, определяли только программные документы правящей партии, причем без учета конкретных региональных условий и особенностей. Таким образом, в начале 60-х гг. политики создали мифологизированное клише, которое явно базировалось на их желании укрепить идеологию в массах, подменив ею истинно-этические ориентации. Созданные программные документы схожи по своим функциям с мифами тем, что и то, и другое позволяло власти манипулировать сознанием и последующими действиями участников социокультурного процесса.

Большое значение для творческой жизни регионов имело создание в РСФСР творческих союзов, открывших новые возможности для популяризации творчества талантливых провинциальных художников и писателей через их участие в организованных Союзами конкурсах, выставках, семинарах и т.д. Членство в Союзе давало возможность быстрого получения государственных заказов, а закупочные цены на произведения членов Союза были гораздо выше. Нельзя не отметить, что связи творческих союзов с властями превращали их в эффективное средство воздействия и препятствовали попыткам творцов избежать установленных правил игры.

Немаловажное значение в реализации намеченного курса играла система поощрения деятелей культуры премиями и званиями, наиболее престижными из которых считались Ленинская и Государственная премии СССР, а также премия Ленинского комсомола, присуждаемая с 1966 г. Присуждение премии сопровождалось крупными денежными суммами и давало право на определённые льготы: получение собственных мастерских, поддержку произведений в средствах массовой информации, участие в специальных мероприятиях.

С 1971 г. в Иркутской области существовала практика награждения творческой молодёжи премией им. И. Уткина, которое проходило по итогам конференции «Молодость. Творчество. Современность»⁴. Эта награда присуждалась молодым авторам, стремящимся приобщиться к литературному и художественному творчеству. Анализ документов позволяет сделать вывод, что для некоторых этот конкурс стал стартовой площадкой перехода из любительской сферы в профессиональную, таких как В. Корнилов (г. Братск), Г. Замаратский (г. Железногорск-Илимский), В. Пламеневский (г. Усть-Илимск) и др.

Отдельным направлением культурной политики КПСС была культурно-просветительная работа. Для её организации в стране была создана широкая сеть учреждений, особое место в которой занимали клубы и библиотеки. Именно они, по мнению руководства КПСС, могли реализовать комплексные задачи: повышение культурного уровня населения страны, приобщение к творческой деятельности и развитие творческих способностей трудящихся. Библиотеки должны были заниматься агитационно-пропагандистской деятельностью, о чём свидетельствуют постановления по идеологической работе 1979 и 1983 г.⁵

Пристальное внимание к библиотечной системе сыграло положительную роль в её создании и развитии на территории БИТПК. Молодые библиотеки получали серьёзную помощь в комплектовании фондов и в организации работы от областной библиотеки им. И. Молчанова-Сибирского – главного методического центра в Иркутской области⁶. Общий методический контроль осуществляла Государственная библиотека им. В.И. Ленина. Однако на местах существовали серьёзные проблемы, к решению которых Иркутский обком и Братский горком партии приступили только в середине 60-х гг., после того как по инициативе ЦК КПСС была проведена серьёзная проверка, выявившая крайне неудовлетворительное состояние библиотечного дела в г. Братске и Железногорске-Илимском, бывшем тогда ещё посёлком⁷. Одной из причин был ведомственный подход. Местные власти практически не имели плана размещения и строительства библиотек, в результате каждое ведомство осуществляло эту работу по своему усмотрению. Например, в одном из посёлков г. Братска, взрослое население которого составляло 4106 человек, к 1965 г. существовало три библиотеки и в каждую, по распоряжению профсоюзных комитетов, записывали рабочих только «своих» организаций. На одну библиотеку по статистике приходилось в среднем по 340 читателей. Обладая общим фондом в 14800 экземпляров книг, библиотеки работали практически «в холостую», тогда как в других районах города их не было вообще⁸.

Неравномерное размещение библиотек было характерно до конца 1970-х гг. и для Усть-Илимска. Государственные библиотеки размещались в непригодных помещениях, в то время как строительные организации располагали значительными финансовыми возможностями, но не могли направить их в городские бюджеты. В результате к середине 80-х гг. в городах БИТПК из более чем 180 библиотек только четыре располагались в специализированных помещениях. Ведомственная разобщённость не позволяла вести систематический учёт книжных фондов и их пополнение, поэтому создание централизованной библиотечной системы (ЦБС) в конце 70-х – начале 80-х гг. в городах БИТПК сыграло положительную роль. И если книжный фонд библиотек молодых городов значительно уступал по своему количеству другим культурным центрам Сибири, то по организации работы с населением библиотечные работники считались лучшими в области. Организованные при библиотеках клубы восполняли «культурный голод» новоселов, которые нередко проявляли инициативу по проведению мероприятий, выходявших за рамки только обсуждения прочитанной литературы.

Аналогичная по своим задачам работа осуществлялась в учреждениях клубного типа. В создании широкой культурно-просветительной сети непосредственное участие принимали профсоюзы различных ведомств под руководством ВЦСПС. Особая ответственность была возложена на ВЛКСМ: в 1968 г. было принято постановление КПСС, в котором говорилось: «Министерству культуры СССР, ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ принять меры к тому, чтобы деятельность... культурно-просветительных учреждений наиболее полно отвечала возросшим запросам современной молодёжи, способствовала развитию активных интересов к художественному творчеству, раскрытию талантов и способностей. ...широко знакомить юношей и девушек с богатейшим культурным наследием народов нашей страны, развивать массовую художественную самодеятельность, проводить смотры, конкурсы, выставки и фестивали, улучшать организацию отдыха молодёжи по месту жительства»⁹. Клубы должны были включиться в активную деятельность по развитию социального творчества через создание коллективов художественной самодеятельности. Уже в 1972 г. на XXIV съезде КПСС с гордостью было заявлено: «В художественной самодеятельности участвуют 13 млн. человек. Художественное творчество народа – одна из характерных черт нашей советской действительности, нашей жизни»¹⁰.

Формирующаяся культурная среда городов-новостроек стала подходящим полигоном для воплощения этих задач, тем более что эти

стройки были объявлены Всесоюзными комсомольскими. Культурно-просветительная работа на стройках считалась важнейшим участком, т.к. через нее распространялись идеологические убеждения, осуществлялся процесс воспитания молодёжи и передавался опыт и традиции советского общества. Ярким подтверждением тому служит положение о IV фестивале молодёжи г. Братска под названием «За коммунистический труд», посвящённом XXII съезду КПСС, в котором чётко оговаривались репертуарные требования. Центральными темами выступлений самодеятельных артистов должны были быть «борьба молодёжи за выполнение плана третьего года семилетки, сощобязательств..., патриотизм советских людей, участие комсомола и молодёжи в развитии производительных сил Восточной Сибири»¹¹. Такая работа помогала более интенсивному и целенаправленному развитию процесса социализации личности, то есть вовлечения человека в цепочку социального взаимодействия, приучения его к нормам и стандартам образа жизни, принятого в данном обществе.

Таблица 1

Численность клубов, Домов и Дворцов культуры и коллективов художественной самодеятельности в городах БИТПК в середине 1950–1985 гг.*

Показатели	1956 г.	1965 г.			1975 г.			1985 г.		
	Братск	Братск	Ж.-Илимск	У.-Илимск	Братск	Ж.-Илимск	У.-Илимск	Братск	Ж.-Илимск	У.-Илимск
Население, тыс. чел.	60	107	1,9	1,3	190	28,5	36	242	30,6	99
Клубы, ДК	8	15	2	-	13	4	3	13	3	5
Коллективы худ. самодеятельности	36	273	-	-	172	20	152	64	40	128

* Таблица составлена по данным: ГАИО.Ф. р-2649. Оп.5. Д.99. Л.12; Оп.7. Д.50. Л.1-4; Ф.4847. Оп.1. Д.22. Л.78; ГАНИО. Ф.210. Оп.28. Д.15. Л.52,57,58; Оп.50. Д.5. Л.31,45,53,64; АОАГБ. Ф. р-75. Оп.1. Д.37. Л.34; Д.28. Л.8; Д.27. Л.6,7; АОАГУИ. Ф. р-49. Оп.1. Д.8. Л.1-17; Д.59. Л.74; Д.83. Л.98.

Изучение документов позволяет обратить внимание на то, что главным показателем результативности работы в сфере культуры считалось увеличение количества культурно-просветительных учреждений.

Однако материалы не дают возможности определить, насколько власть была заинтересована в развитии самодостаточной личности в творчестве, в реализации эстетических устремлений граждан¹². Гораздо выше ценилась способность отражать задачи партии в процессе воспитания нового человека. Такая же тенденция сохранялась и на местном уровне. На заседаниях бюро горкомов КПСС, партийных конференциях и пленумах отслеживались количественные показатели и качество пропагандистской работы. Всё вышеизложенное свидетельствовало о подмене просвещения в области культуры идеологической пропагандой. Этот вывод подтверждается и теми задачами, которые были поставлены перед работниками культуры Иркутской области в 1962 г.: «...превратить каждый клуб, дом культуры в центр пропаганды и внедрения в производство достижений науки и техники; каждую библиотеку – в рупор партии по пропаганде опыта передовиков; каждую киноустановку – в центр политико-массовой и воспитательной работы по претворению в жизнь задач коммунистического строительства»¹³. Однобокость в организации работы культурно-просветительных учреждений приводила к спаду интереса к ней со стороны горожан. По данным исследований социологов, в молодых индустриальных городах БИТПК такая тенденция наметилась к началу 80-х гг.¹⁴. К этому времени в связи с завершением процессов градообразования и стабилизацией социального состава населения резко замедлилась динамика роста культурно-просветительных учреждений в городах БИТПК.

В эти же годы изменились и многие показатели социальной инфраструктуры. Например, значительно улучшилась обеспеченность населения жильем: в 1980 г. в Братске она составляла 87 %, в Усть-Илимске – 85 %¹⁵. В связи с этим расширились функции жилища, произошла его «интеллектуализация»: культурное пространство стало уменьшаться до рамок квартиры. В квартире стала размещаться личная библиотека, состоящая из подписных изданий и популярных журналов, таких как «Смена», «Огонек», «Современник», «Наука и жизнь», о чём свидетельствует увеличение подписки индивидуальных читателей. Квартира могла выполнять функции мастерской, то есть служить местом творчества. К началу 80-х гг. процесс информатизации привел к тому, что такие источники массовой информации, как радио, были во всех квартирах, большинство горожан имели телевизоры. Важную роль играло наличие магнитол и проигрывателей.

Фактор интеллектуализации городской общности в целом и его демографическое взросление – признак сложившегося образования

общности – вызвал понижение интереса к деятельности культурно-просветительных учреждений, уменьшилась посещаемость самодеятельных концертов, тематических вечеров, просмотра кинофильмов. Об этом наглядно свидетельствуют результаты социологического обследования по вопросам организации досуга трудящихся в районе ДК им. И.И. Наймушина г. Усть-Илимска. Только 7 % респондентов посетили концерты художественной самодеятельности, в то время как эстрадные концерты профессиональных коллективов вызвали интерес у 25 %, 36 % опрошенных никогда не были в Доме культуры, 14 % были один раз, 20 % – всего два раза. При этом 10 % респондентов назвали работу ДК неудовлетворительной, 18 % предпочитали провести время у телевизора, 86 % респондентов высказались за проведение свободного времени дома, в кругу семьи или друзей¹⁶.

Аналогичной была ситуация и в г. Братске. Обсуждая работу учреждений культуры в 1978 г., бюро горкома КПСС констатировало низкий процент охвата населения самодеятельным творчеством, видя причину в недостаточном внимании профсоюзных, комсомольских и партийных организаций к подбору кадров для руководства художественной самодеятельностью. На этом же заседании бюро было отмечено, что в кружках художественной самодеятельности «мало занимается молодёжи», «слабо поставлена реклама концертов, выставок, пропаганда работы учреждений культуры», «остаётся высокой текущая кадров во всех Домах культуры и клубах города». На IV пленуме Братского горкома КПСС в докладе говорилось: «...очень редко вы найдёте помещение клуба заполненным хотя бы на 70 %»¹⁷.

Положение в Железногорске-Илимском не отличалось от ситуации в других городах. По данным на 1985 г., только 6 % населения всего Нижне-Илимского района участвовало в художественной самодеятельности и 3 % – в любительских объединениях. Причём, коллективы художественной самодеятельности были нестабильными. Чаще всего их создавали к ежегодно проводившимся смотрам. В табл. 1 указано, что г. Железногорск-Илимский располагал 40 коллективами художественной самодеятельности, но в их работе участвовало только 800 человек, то есть 2,6 % населения города¹⁸.

Такой низкий процент посещения культурных мероприятий свидетельствует о сходной для всей страны ситуации – падении интереса к художественной самодеятельности, которая перестает быть массовой. Исследования социологов, проведённые в 1985 г., показали, что горожане затрачивали на посещение учреждений культуры всего 4,2 % свободного времени¹⁹.

Полученные данные также позволяют сделать вывод о том, что свободное время люди стремились провести в неформальной обстановке дружеского общения. Учитывая это, можно говорить о постепенном процессе интимизации общества, т.е. о сдвиге центра мироощущения из общественной среды в личную: человек стал стремиться проводить время с близкими людьми, уйти от вмешательства официальных структур. Яркий пример тому – очень быстрое отмирание такой формы работы, как лекционная пропаганда.

О постепенном доминировании личностного начала в культурных явлениях исследуемых городов свидетельствует уменьшение числа самостоятельных организаций и появление любительских объединений, что к концу исследуемого периода будет зафиксировано в постановлении ЦК КПСС «О мерах по улучшению использования клубных учреждений и спортивных сооружений» (1985). При Домах и Дворцах культуры предписывалось «создать общественные комиссии по изучению духовных запросов, интересов и потребностей различных категорий населения», «расширять сеть любительских объединений, предусмотреть создание любых объединений»²⁰. Такие рекомендации – суть попытки государства приблизить сеть и деятельность учреждений культуры к потребностям населения, учесть и использовать творческий потенциал населения городов. Первую половину 1980-х гг. можно назвать временем формальной легализации творческих любительских объединений. Демократизация культурной среды, выраженная в создании различных форм творческих любительских объединений, стала возможной и необходимой по причине неустойчивости кружковой самостоятельности. Своего пика этот процесс проявления демократических начал достиг к концу 1970-х гг.

Поскольку творческие самостоятельные организации, как часть культуры, являлись порождением конкретной социальной среды и отражали процессы, происходящие в ней, то потребности социума определили виды творческих организаций. В молодых городах, Братске и Усть-Илимске, в середине 70-х гг. наметился устойчивый рост числа любителей самостоятельного искусства: в г. Братске в 1976 г. их было 7 тыс., а в 1977 г. уже 13 тыс.; в Усть-Илимске – 3,5 и 6,9 тыс. соответственно; в Железногорске-Илимском в 70-е гг. отмечены три любительских объединения, в 1985 г. их стало пять с общей численностью участников 250 человек²¹. Такая разница данных обусловлена не только меньшим количеством жителей города, но и тем, что по уровню развития образования, количеству интеллигенции Железногорск-Илимский значительно уступал Братску и Усть-Илимску.

Творческие самодеятельные организации возникли как естественные саморегулирующиеся организмы в культурной среде, то есть способные адаптироваться к внешним условиям, менять форму, не изменяя сущности. Самоотдача творчеству обеспечила перспективы их долговременного существования, видимый прогресс, рост профессионализма личности. Эти ориентиры, в совокупности с необходимостью в творческом общении, были особо значимы для горожан. Подтверждением тому служит существование многих объединений, которые берут свои истоки в недрах стройки: коллективы поэтов и писателей «Истоки», самодеятельных художников «Колорит» (г. Братск), литобъединения «Поиск» (г. Усть-Илимск) и «Встреча» (г. Железногорск-Илимский).

Зарождаясь и действуя, такие жизненно активные объединения привлекали внимание руководства «морально устаревших» культурно-просветительных учреждений. В 70-е гг. произошел мощный отток профессиональных деятелей культуры, что повергло культуру молодых городов в состояние кризиса. В поисках выхода из сложившейся ситуации руководство стало приглашать любительские объединения для сотрудничества. Культурный альянс культурно-просветительных учреждений с творческими самодеятельными организациями привел к тому, что в г. Братске, в ДК «Ангара», «прижился» устный журнал «Глобус», в ДК «Лесохимик» – устный журнал «XX век», литобъединение «Истоки» существовало при книжном магазине «Прометей». В г. Усть-Илимске при центральной городской библиотеке собиралось литобъединение «Поиск», в ДК «Гренада» работал молодежный театр (ТТМ). Литобъединение «Встреча» (г. Железногорск-Илимский) начинало свою деятельность при газете «Маяк коммунизма» и постепенно переместилось в городскую библиотеку.

Быстрый содержательный износ культурно-просветительных учреждений был запрограммирован с момента их основания. Партийное руководство видело предназначение клубов в просветительной работе, они должны были стать рупором партии. Вот слова секретаря Братского ГК КПСС С.И. Георгиевского: «Слабо работают наши культурно-просветительные учреждения. Рабочие клубы все еще не стали центрами культурно-массовой работы передовиков производства, не проводятся технические и читательские конференции. Лекционная пропаганда на научно-технические и естественнонаучные темы, пропаганда здорового быта в клубах не организована. Слаба связь с жизнью предприятий, наглядная агитация по решениям XX съезда»²². Через 20 лет ситуация практически не изменилась. От лица коллектива ДК

«Энергетик» заместитель директора ДК Г. Дементьева заявляла: «...свое призвание мы, работники культуры, видим в том, чтобы пропагандировать документы и материалы партии, содействовать обеспечению тесного единства идейно-политического, трудового и нравственного воспитания»²³.

Рост числа любительских объединений шел на фоне сокращения кружковой самодеятельности: если в 1976 г. в Братске их было 167, то уже в 1977 г. осталось только 123. В кружках художественной самодеятельности участвовало 4 тыс. человек, при общей численности любителей искусства 13 тыс. человек²⁴. То есть, 9 тыс. человек, тяготея к тому или иному виду искусства, не являлись членами художественной самодеятельности, но представляли неорганизованное народное творчество.

О том, что кружки художественной самодеятельности не удовлетворяли потребности горожан г. Усть-Илимска, также свидетельствуют архивные данные. Так, например, в 1981 г. в городе работал 151 коллектив художественной самодеятельности, буквально за один год их численность сократилась до 128²⁵.

Еще одной тенденцией общественных процессов стало требование повышения уровня профессионализма посещаемых мероприятий. По результатам исследований социологов, проведенных в 1980-м году, две трети жителей г. Братска высказали желание значительно чаще посещать концерты и спектакли именно профессиональных артистов, а также профессиональные художественные выставки. Заведующий отделом народного образования Нижне-Илимского района Г.А. Данилов на собрании партийного актива в 1974 г. выразил мнение жителей Железногорска: «Нам в городе хотелось бы больше видеть хороших артистов, которые выступают в Усть-Илимске, Братске, а до нас они не доезжают, так как нет гостиницы»²⁶.

Профессионализм и самосовершенствование, возможные лишь при внутренней мотивации, личном интересе были присущи новым любительским объединениям. Коллективы художественной самодеятельности, ориентированные на состязательное эпизодичное выступление в рамках смотра художественной самодеятельности, не имели внутреннего потенциала развития. Творчество там подменялось исполнительством, что превращало их в коллективы-«однодневки».

Немаловажно отметить, что работе культурно-просветительных учреждений городов БИТПК постоянно мешала нестабильная кадровая ситуация. Еще в 1958 г. на заседании бюро горкома КПСС при рассмотрении вопроса «О работе культурно-просветительных учреждений на

строительстве г. Братска» было сказано о том, что до 50% кадров работников культуры выбывает из города ежегодно, а это не позволяло выработать систему и традиции в осуществлении культурной деятельности. Например, в клубе «Комсомолец» за полгода сменились три директора²⁷. Часто на работу принимали случайных людей, не имевших специального образования. Проблема подбора и расстановки кадров работников культуры в Братске оставалась острой на протяжении всего изучаемого периода²⁸. Подобная ситуация сложилась в Железнодорожно-Илимском, о чём свидетельствуют данные архивов²⁹. Только в Усть-Илимске можно наблюдать позитивную динамику в кадровых вопросах. Так, если в 1976 г. текучесть кадров работников культуры составляла 40 %, и, как отмечалось в отчёте отдела культуры: «Из числа имеющихся работников многие требуют замены», то уже в 1982 г. в отчёте бюро горкома КПСС было сказано: «В Усть-Илимске практически нет текучести кадров», общая обеспеченность района кадрами составляла 93 %. В учреждениях культуры города работало 206 человек, из которых 137 имели среднее специальное образование, 64 – высшее³⁰.

Одной из причин нестабильности кадров можно назвать нехватку жилья для работников культурной сферы, поскольку в первую очередь квартирами обеспечивались рабочие и инженеры промышленных предприятий, что было закономерно в силу поставленных экономических задач. Более удачно решался жилищный вопрос работников ведомственных учреждений культуры, а сотрудники вневедомственных учреждений вынуждены были довольствоваться общежитиями. Это вынуждало многих из них покидать молодые города. В результате создаваемые ими коллективы, кружки в отсутствие руководителей распались. Существовали и другие причины, среди которых можно отметить карьерный рост ввиду хороших организаторских способностей, конфликтные ситуации. Так, по воспоминаниям активной участницы художественной самодеятельности, а затем работника отдела культуры г. Железнодорожно-Илимского Р.Г. Рафаэль, «самодеятельный театр в городе не встал на ноги, потому что за десять лет его существования сменилось пять руководителей. Один из первых режиссёров был незаслуженно обижен руководством ГОКа, двое ушли работать в администрацию. Не смог театр работать и с режиссёром на общественных началах, который был инженером по основной деятельности. Ему явно не хватало профессионализма и времени»³¹.

В действительности в каждом из городов БИТПК существовали стабильные самобытные коллективы художественной самодеятельности,

но их было немного. Это были народные ансамбли танца «Юность» (г. Братск), «Илимчанка» (г. Железногорск-Илимский), «Солнечные блики» (г. Усть-Илимск); хор русской песни (г. Железногорск-Илимский), народный хор «Сибирячка» (г. Усть-Илимск), академический и мужской хоры (г. Братск); ВИА «Нона» (г. Железногорск-Илимский) и «Времена года» (г. Братск). За 30 лет в этом регионе возникли три стабильных народных театра. Во главе каждого из названных коллективов были творческие, профессиональные руководители, длительное время работавшие с самодеятельными артистами.

Поскольку одним из основных условий развития художественной самодеятельности была массовость, то наличие только четырёх-пяти стабильных коллективов в каждом городе не устраивало местные власти. Руководство предприятий, городские власти всячески поддерживали фестивальное движение, в ходе которого резко увеличивалось количество участников художественной самодеятельности. Особое внимание массовому участию трудящихся в художественных коллективах было уделено в связи с обострением криминогенной ситуации в городах БИТПК в конце 70-х гг. Предполагалось, что интеллектуализация свободного от работы времени уменьшит рост правонарушений, преступности и алкоголизации населения. Особенно острой эта проблема была в Братске и Железногорске-Илимском. Архивные данные показывают, что жителями Железногорска-Илимского в период с 1971 по 1985 гг. было совершено 25–30 % от всех преступлений по Нижнеилимскому району. К середине 80-х гг. Братск занял второе место в области после г. Иркутска по количеству совершенных преступлений. Катализатором этого процесса, по всей видимости, явилось наличие на строительстве городов людей, освободившихся из лагерей и находившихся на поселении, как называли в народе, «на химии», а также то, что к этому времени уменьшился приток мигрантов из социально активной среды³². В Усть-Илимске эта проблема обозначилась только к началу 80-х гг., поскольку в начале 70-х гг. строительство было в разгаре и туда прибывала передовая молодёжь. Доля преступности была не велика, в большей степени проблемой было злоупотребление алкоголем. Ещё в 1976 г. бюро горкома КПСС г. Братска приняло решение «Обязать городской отдел культуры (т. Маликова), отдел кинофикации (т. Тришина), горком профсоюзов культуры (т. Иванова) использовать все формы, направленные на профилактику правонарушений, борьбу с пьянством, организацию культурно-массовых мероприятий в кинотеатрах, клубах, библиотеках»³³. Подобные решения характерны для всех городов БИТПК и указывают ещё на

одну функцию культурно-просветительных учреждений – профилактическую. Данная миссия была возложена на учреждения культуры на основании партийных директив.

Благодаря своей универсальности, культурно-просветительные учреждения не только решали задачи организации досуга населения, приобщения к самодеятельному творчеству через кружковую работу, но и организовывали творческие выставки, проводили встречи с деятелями культуры страны, что позволяло в какой-то степени удовлетворять культурные запросы населения.

В конце 70-х – первой половине 80-х гг. КПСС попытается изменить ситуацию, сохраняя основные принципы культурной политики, о чем свидетельствует содержание постановлений «О работе с творческой молодёжью» (1976), «О мерах по дальнейшему развитию самодеятельного художественного творчества» (1978), «Об улучшении практики организации художественной самодеятельности» (1981), «О мерах по улучшению использования клубных учреждений и спортивных сооружений» (1985). По сути, партия и правительство стремятся приблизить учреждения культуры к потребностям населения, что, в какой-то степени, можно считать попыткой выхода из кризиса.

Большой интерес в обществе вызвали Всесоюзные фестивали самодеятельного народного творчества, проводившиеся в 1975–1977 гг., а затем в 1983–1985 гг. В стране имелся богатый опыт фестивальной деятельности. К примеру, в Иркутской области уже в середине 50-х гг. был популярен традиционный смотр творческих сил «Ангарские зори». В Братске еще в 1957 г. был организован первый фестиваль самодеятельного искусства, впоследствии ставший традиционным. С 70-х гг. в Усть-Илимске традиционным стал фестиваль гитарной песни, в Железногорске – «Дни культуры». Ежегодно в городах проходили смотры художественной самодеятельности производственных коллективов. Обязательным условием положений о концертной программе было включение номеров, прославляющих советский образ жизни, позитивную роль КПСС³⁴. Однако с конца 70-х гг. на первый план в положениях о проведении фестивалей выводится идея народного самовыражения. Такой подход способствовал появлению фольклорных певческих и танцевальных ансамблей, обращению к мировой классике и народным традициям. В то же время в репертуарах коллективов художественной самодеятельности не была отражена специфика местной самобытной старожильческой культуры, интерес к ней на официальном уровне станет проявляться только к концу 80-х годов, а на протяжении 80-х гг. политическое начало, бывшее

ведущим в ранее проводившихся смотрах, являлось общим фоном движения. Народные фестивали позволили талантливым провинциальным коллективам самореализоваться на достаточно высоком уровне.

К антикризисным мероприятиям можно отнести присоединение городов БИТПК к движению «Превратим Сибирь в край высокой культуры», которое развернулось в Красноярском крае, начиная с 1981 г. В рамках этого движения в Братске, Железногорске-Илимском и Усть-Илимске была начата работа по созданию программ комплексного культурного развития³⁵.

По нашему мнению, обращение к комплексным программам, которые предусматривали создание целых культурно-спортивных комплексов (КСК), было попыткой остановить общий спад в культурно-просветительной деятельности. Этот процесс остался незавершенным в связи с начавшимся перестроечным движением в СССР, поэтому оценить его результативность и целесообразность нет возможности. Но некоторые факты начала этой деятельности заслуживают внимания. Например, на XXVIII отчётно-выборной партийной конференции (1985) секретарь ГК КПСС С.А. Перфильев отмечал формальный подход со стороны горисполкома к созданию КСК в г. Железногорске-Илимском³⁶. Культурные комплексы пытались создавать без учёта реальных материально-технических и кадровых возможностей, руководствуясь идеей объединения усилий культурно-просветительных учреждений, спортивных организаций и предприятий. Комплексный подход к решению проблем в области культурного обслуживания позволил бы, по мнению властных структур, повысить посещаемость мероприятий и держать ситуацию под контролем. Комплексные программы развития городов, принятые почти в одно и то же время в Братске, Усть-Илимске, Железногорске-Илимском, содержали много общего при видимой разнице в социокультурных условиях, что явно можно назвать «компанейщиной».

Однако в этих условиях в молодых городах зарождались и развивались культурные традиции, возникшие не по принуждению, а как внутренняя потребность, ещё в 60-е гг. по инициативе рядовых, но творческих жителей городов. Это были День моря и День строителя в г. Братске, праздники улиц, Недели интернациональной дружбы, Дни искусства в Усть-Илимске, и др. Традиционными стали празднования Дней рождения городов, которые выливались в чествование первостроителей, ударников труда, знаменитых людей городов-новостроек. Все эти мероприятия удачно вписались в комплексные культурные программы.

Несмотря на то, что в стране к середине 80-х годов сложились условия, вызвавшие демократические изменения, ситуация в области культурной политики оставалась практически неизменной. В комплексной программе развития культуры г. Братска в XI пятилетке была поставлена задача превращения «каждого учреждения культуры в центр массово-политической и культурно-просветительной работы». В каждом Дворце, Доме культуры необходимо было провести цикл клубных мероприятий под девизом: «Нам съездом точный дан маршрут», общественно-политические чтения по направлениям «Планы партии – планы народа» и т.д.³⁷. Идеологическая направленность обнаруживалась в большинстве мероприятий культурно-просветительных учреждений, которые по форме напоминали производственные подразделения. Слово «просветительные» делало их глашатаями партии. Работники учреждений культуры брали на себя социалистические обязательства, в которых четко определялись плановые количественные показатели. Например, в комплексной программе развития культуры г. Братска в XI пятилетке «в целях дальнейшего совершенствования деятельности и повышения роли учреждений культуры в работе по коммунистическому воспитанию, в организации самодеятельного творчества и досуга трудящихся» дирекции учреждений культуры было предписано создать дополнительно четыре народных коллектива. Комплексная программа г. Железногорска-Илимского и Нижнеилимского района была направлена на увеличение любительских объединений к 1990 г. с 38 до 57. Библиотеки были обязаны охватить чтением 75 % активного населения³⁸. Социалистические обязательства являлись ответом на государственный заказ «сверху». В то же время нам не встретились документы, свидетельствующие о проведении какой-либо работы по выявлению культурных потребностей городского социума.

Поскольку власти стремились охватить культурно-массовой работой большое количество людей разного уровня образованности и различного социального положения, то можно сделать вывод, что создаваемая государством культура имела все признаки «массовой культуры». В этом был феномен культурной политики Советского государства. Однако в партийных директивах звучали требования следующего типа: «разоблачение реакционной сущности буржуазной «массовой культуры» и декадентских течений», «поставить надёжный заслон влиянию буржуазной «массовой культуры»³⁹.

Рассматривая массовую культуру как явление советской эпохи, следует заметить, что ее главной функцией являлось обслуживание

системы политической пропаганды. Современные специалисты выделяют ещё одну функцию массовой культуры – снятие психологического напряжения и разрешения конфликтных ситуаций, обновление образа жизни, обеспечение социализации человека, содействие в освоении новых социальных ролей и ценностей с помощью всех видов искусства: кинофильмов, музыкальных произведений, литературы. Справедливо замечание философа Э. Макаревича: «Массовая культура во всех обществах управляема. И управляется она системой «паблик рилейшнз» путём социального заказа»⁴⁰. По всем признакам, в СССР к середине 80-х гг. возникла своеобразная массовая культура, характерная для существовавшей политической системы.

В городах-новостройках, где в начальный период их создания не было условий для развития высокой или элитарной культуры, а также не существовало культурных традиций, культурная политика местных властей реально могла опираться только на элементы массовой культуры. Её носителями было само население молодых городов в силу их социальных особенностей. Это и был реальный результат воплощения программы XXII съезда КПСС, результат культурной политики Советского государства.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. В период с середины 1950-х гг. до середины 1980-х гг. в СССР существовала культурная политика, характерная для авторитарных и тоталитарных государств, которой свойственна монополизация сферы контроля и управления в области культуры, что в значительной степени сдерживало творческую инициативу граждан.

В молодых городах сложилась традиционная для Советского государства система управления культурой, что позволяло ей вписаться в общую культурную политику страны. Однако на государственном уровне не была создана программа развития культуры городов-новостроек с учётом их особенностей: географической отдалённости, отсутствия традиций городской и профессиональной культуры и т.д. Не была создана программа культурного развития молодых индустриальных городов и на местном уровне по причине отсутствия опыта такой деятельности и инициативы у официальных структур. В реализации культурной политики на территории молодых городов большую роль сыграли общественные организации: ВЛКСМ (как проводник идей КПСС) и профсоюзы (как представители многочисленных рабочих коллективов). Нельзя не отметить и тот факт, что степень активности молодежи в городах-новостройках была более высокой, нежели в целом по стране. Ведомственный подход в экономике значительно сдер-

живал развитие культурных процессов. В молодых городах явно ощущалось смещение приоритетов в сторону развития самодеятельного искусства и культурно-просветительской работы вследствие недостаточного финансирования культурной сферы в целом. Это обеспечивало существование и развитие главным образом массовой культуры.

В данной публикации преднамеренно использован определенный круг источников, включивший в себя программные и директивные документы КПСС, материалы делопроизводства, распорядительные документы партийно-государственных и хозяйственных органов всех уровней. Анализ указанных документов позволил восстановить и определить региональную специфику культурной жизни молодых промышленных городов Среднего Приангарья. В результате стал очевидным следующий этап работы – создание коллекции устных свидетельств непосредственных участников исторического процесса, обращение к воспоминаниям, дневникам, письмам. Выход на микроуровень не только позволит выявить своеобразие культурной жизни населения ТПК, но и конкретизировать социокультурные практики горожан, показать глубину противоречий и трудности становления профессиональной культуры в сибирских городах-новостройках второй половины XX века.

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 7. М., 1971. С. 408.

² Там же. С. 419.

³ Там же. С. 420.

⁴ ГАНИИО. Ф. 185. Оп. 16. Д. 47. Л. 57.

⁵ Правда, 1979. 6 мая; КПСС в резолюциях ... Т. 14. М., 1985. С. 417-433.

⁶ ГАИО. Ф. р-2823. Оп. 1. Д. 527. Л. 10.

⁷ АОАГБ. Ф. р- 75. Оп. 1. Д. 23. Л. 46-48.

⁸ Там же. Ф. р- 75. Оп. 1. Д. 37. Л. 19.

⁹ Постановление ЦК КПСС «О 50-летию ВЛКСМ и задачах коммунистического воспитания молодёжи» // КПСС в резолюциях и решениях ... Т. 11. М., 1972. С. 491.

¹⁰ Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1972. С. 89.

¹¹ Братская ГЭС. (1961-1966) Т. 2. Иркутск, 1967. С. 398.

¹² Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976. С. 221.; Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981. С. 182.

¹³ ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 72. Д. 52. Л. 44.

¹⁴ Культурная политика России. История и современность: два взгляда на одну проблему. М., 1998. С. 120,123.

-
- ¹⁵ ГАНИИО. Ф. 6047. Оп.12. Д.4. Л. 6; Ф.127. Оп.104. Д.173. Л.134.
- ¹⁶ АОАГУИ. Ф. р.- 49. Оп.1. Д.112. Л.77.
- ¹⁷ ГАНИИО. Ф.4847. Оп.11. Д.7. Л.102; Оп.13. Д.2. Л.19.
- ¹⁸ Там же. Ф.210. Оп.48. Д.96. Л.14; АОАГЖИ. Ф. р.-7. Оп.1. Д.158. Л.11.
- ¹⁹ *Культурная политика России. История и современность.* М., 1998. С.120.
- ²⁰ ГАНИИО. Ф.4847. Оп.21. Д.6 Л.106.
- ²¹ ГАИО. Ф.2687. Оп.3. Д.32. Л.15.; ГАИО. Ф.2687. Оп.3. Д.13. Л.146.; ГАНИИО Ф.210. Оп.50. Д.5. Л.64.
- ²² ГАИО. Ф.2687. Оп.3. Ед. хр. 67. Л. 4.
- ²³ *Дементьева Г. В чём призвание работника культуры.* // Огни Ангары. 1978. 30 мая.
- ²⁴ *Музей истории г. Братска и БГС.* Ф. 6. Оп. 1. Д. 1-6.
- ²⁵ АОАГУИ. Ф. р.- 49. Оп.1. Д.15; Ф. р.- 49. Оп.1. Д.83.
- ²⁶ *Куцев Г.Ф. Новые города. Социологический очерк.* М., 1982. С.109; ГАНИИО. Ф.210. Оп.31. Д.5. Л.39.
- ²⁷ ГАНИИО. Ф.4847. Оп.2. Д.7. Л.76.
- ²⁸ Там же. Ф. 4847. Оп. 16. Д. 5. Л. 12.
- ²⁹ Там же. Ф.210. Оп.44. Д.2. Л.125; Ф.185. Оп.24. Д.40. Л.3; Ф.210. Оп.30. Д.3. Л. 86; Ф.210. Оп. 28. Д.15. Л.68.
- ³⁰ Там же. Ф.6047. Оп.6. Д.57. Л.138; Оп.20. Д.31. Л.1; Оп.20. Д.64. Л.2; АОАГУИ. Ф. р-20. Оп.1. Д. 17. Л.4.
- ³¹ Из интервью с Р.Г. Рафаэль, бывшей участницы театральной студии, члена ансамбля народного танца «Илимчанка» г. Железногорска-Илимского // Личный архив Л.М. Салаховой.
- ³² ГАНИИО Ф.210. Оп. 29. Д.2. Л.60; Оп.46. Д.2. Л.14-15; Оп.38. Д.2. Л.154.; Ф.115. Оп.10. Д.8. Л.10; Ф.127. Оп.128. Д.98. Л.81; Ф.185. Оп.25. Д.109; Ф.4862. Оп.1. Д.8. Л.8.
- ³³ Там же. Ф.4847. Оп.18. Д.11. Л.160; Оп.9. Д.4. Л.123.
- ³⁴ Там же. Ф. 210. Оп. 31. Д. 2. Л. 10-11; Оп. 31. Д. 3. Л. 54.
- ³⁵ Там же. Ф. 210. Оп. 48. Д. 10. Л. 35.
- ³⁶ Там же. Ф. 210. Оп. 48. Д. 4. Л. 18.
- ³⁷ Там же. Ф. 4847. Оп. 15. Д. 6. Л. 145, 147.
- ³⁸ Там же. Ф.4847. Оп.15. Д.6. Л.140; Ф.210. Оп.28. Д.15. Л.59; Оп.50. Д.5. Л.31, 61-63.
- ³⁹ КПСС в резолюциях и решениях... Т. 11. М., 1978. С.30; *Постановление ЦК КПСС от 2 июля 1984 г. «О дальнейшем улучшении партийного руководства комсомолом и повышение его роли в коммунистическом воспитании молодёжи»* // Там же, Т. 14. М., 1985. С. 596.
- ⁴⁰ *Макаревич Э. Массовая культура: влияние на человека* // Диалог. 1997. № 11-12. С.78-79.

**ПРИВАТИЗАЦИЯ В ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ НАРОДНО-
ХОЗЯЙСТВЕННОМ КОМПЛЕКСЕ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ
В 1990-е гг.***

Одним из важнейших этапов истории России XX в. являлась смена общественно-экономического строя в 1990-е гг., приведшая к масштабным преобразованиям во всех сферах жизни страны, а также в быту и жизни людей. Ядром экономических реформ, проведенных в это время, стала приватизация основной части государственной собственности, в результате которой, по замыслу российских реформаторов, должна была произойти демонополизация производства, создана эффективная рыночная среда и широкий слой частных предпринимателей. Исследование процесса разгосударствления предприятий, организаций и учреждений в отдельных территориальных экономических комплексах представляется актуальным в связи с трансформацией государственного устройства России в это время и повышением роли регионов в ее социальном и хозяйственном развитии.

Общепринято, что термин территориальный производственный комплекс (ТПК) не распространяется на экономики краев, областей и республик. Однако в 1990-е гг. из-за разрыва хозяйственных связей, натурализации экономики и формирования автономных региональных политических режимов сформировались предпосылки для создания сравнительно замкнутых, ориентированных на самообеспечение и внутреннее потребление территориальных экономических систем. Поэтому, на наш взгляд вполне уместным представляется использование понятия территориальный экономический комплекс применительно к народному хозяйству Республики Бурятия именно в этот период.

В 1990 г. экономическое положение Советского Союза существенно ухудшилось. В программе Г.А. Явлинского и С.С. Шаталина «500 дней» разгосударствление предприятий и организаций народного хозяйства было признано одной из основных мер по оздоровлению экономики. Эта программа стимулировала органы власти ряда регионов, в т.ч. и Республики Бурятия, также приступить к разработке теоретических и практических аспектов денационализации собственности.

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект №10-01-00296а

К осени 1990 г. министерством местной промышленности республики был составлен проект, согласно которому предусматривалось все предприятия производственного объединения «Туяна» перевести на самостоятельный баланс с последующим преобразованием в кооперативы или сдачей в аренду. Руководством «Бурятлесхоза» было предложено на базе 26 цехов по переработке древесины создать комплекс малых предприятий, предоставив управление ими трудовым коллективам. Однако все эти проекты являлись ведомственными программами, ограниченными рамками только одной отрасли промышленного комплекса¹.

На второй сессии Верховного Совета Бурятии 12 созыва Председатель Совета Министров В.Б. Саганов в своем выступлении предложил провести разгосударствление, прежде всего, на предприятиях торговли, обслуживания населения, общественного питания, агропромышленного комплекса, местного и коммунального хозяйства, автомобильного транспорта и мелкой промышленности. На третьей сессии Верховного Совета республики, проходившей в декабре 1990 г., правительством было представлено на его рассмотрение «Положение о приватизации собственности в БССР», однако в итоге высший государственный орган решил временно отложить принятие этого важного документа².

В связи с необходимостью создания правительственного органа, который бы занимался методическим и организационно-правовым обеспечением перехода республики к рыночным отношениям 17 января 1991 г. постановлением Совета Министров БССР был образован государственный комитет по экономической реформе и местному самоуправлению. В его задачи вошли подготовка мероприятий по созданию рыночной инфраструктуры, составление рекомендаций по формам и методам разгосударствления собственности³.

В 1990 г. под юрисдикцию республиканских органов власти и управления перешли некоторые предприятия местного значения, что позволило правительству наделять отдельные министерства и ведомства правом распоряжения, аренды или даже продажи подведомственной государственной собственности. В ноябре 1990 г. вышли соответствующие постановления Совета Министров республики «Об определении статуса собственности предприятий торговли и общественного питания», «Об определении статуса собственности предприятий входящих в состав министерства местной промышленности БССР»⁴.

В 1991 г. экономическое положение СССР резко осложнилось, возросла денежная масса, увеличилась задолженность предприятий и организаций, быстро деградировала система взаимных поставок товаров и продукции. В политическом противостоянии М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина чаша весов все больше склонялась в пользу российского правительства, которое было сторонником скорейшего начала денационализации. В апреле 1991 г. в постановлении Верховного Совета России указывалось на то, что при отсутствии соответствующего законодательства захваты имущества в городах и регионах приобрели стихийный характер. В этой связи высший государственный орган страны дал задание исполнительным органам власти республик, краев и областей до первого июня 1991 г. подготовить свои предложения по положениям Государственной программы приватизации, разрабатываемой на 1991 г., а также перечень первоочередных объектов для разгосударствления. Городские и районные Советам народных депутатов должны были выработать соответствующие предложения, касающиеся муниципальной собственности⁵.

Весной 1991 г. Верховный Совет Бурятии дал задание исполнительным органам ускорить разработку соответствующих нормативных актов. К концу апреля Совет Министров подготовил «Положение о порядке и механизме разгосударствления и приватизации предприятий торговли, общественного питания и бытового обслуживания на территории БССР и Программу разгосударствления и приватизации собственности БССР на 1991 г.». Данное Положение и Программа имели отношение только к той небольшой части экономического комплекса республики, которая находилась в ведении ее органов власти. В целом это был пробный документ, в котором ведомственный подход к приватизации получил наиболее четкое отражение.

В мае 1991 г. союзное правительство открыто провозгласило о своей поддержке частного предпринимательства и намерении акционировать и передать в частные руки примерно 10 % государственного имущества. Однако формирование соответствующей правовой базы шло очень медленно. Союзный закон о приватизации трижды возвращался на доработку и был принят в только июле 1991 г. Процесс денационализации собственности был разбит на два этапа, к концу 1992 г. из сферы прямого управления министерств и ведомств должно было быть выведено до половины основных производственных фондов⁶.

В начале июля 1991 г. вышел российский закон «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР», согласно

которому условия, порядок и формы разгосударствления имущества, находящегося в собственности республик, краев и областей, должны были утверждаться с учетом федерального законодательства их собственными нормативными актами⁷. Однако все необходимые предпосылки для формирования разнообразных форм собственности возникли только после августа 1991 г. До этого момента союзный центр и российское руководство были заняты решением в основном политических вопросов. В ноябре 1991 г. правительство России возглавил сторонник рыночных реформ Е. Гайдар. В декабре этого года вышел указ Президента Ельцина Б.Н. «Об ускорении приватизации государственных и муниципальных предприятий», по которому разгосударствление собственности в стране должно начаться не позднее января 1992 г.⁸

Важнейшими вопросами грядущей денационализации стали распределение предприятий республиканского экономического комплекса между уровнями власти и увеличение числа хозяйствующих субъектов, входящих в подчинение региональных государственных органов. В положениях законов СССР «О собственности», «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами федерации», «Об основах экономических отношений Союза ССР, союзных и автономных республик», принятых в 1990 г. права национально-территориальных образований были несколько расширены. В республиканскую собственность перешли имущество их органов власти и управления, культурные и исторические ценности, средства бюджета, объекты жилищно-коммунального хозяйства, предприятия АПК, торговли, бытового обслуживания, транспорта, промышленность местного значения, строительные предприятия и комплексы, учреждения народного образования, культуры и здравоохранения. Общая балансовая стоимость этих объектов составила примерно 5 % от совокупной цены основных фондов всех предприятий, располагающихся на территории Бурятии.

Осенью 1990 г. в Верховном Совете БССР началось обсуждение республиканского закона о собственности. Позиции многих депутатов по ряду его положений оказались диаметрально противоположными. Особую остроту приобрела дискуссия о необходимости увеличения числа предприятий и организаций республиканского подчинения за счет российских и союзных. Однако в конечном итоге депутаты решили пока не затевать раздела территориального народнохозяйственного комплекса⁹.

Реальные предпосылки для перераспределения государственной собственности и расширения имущественных прав региональных ор-

ганов власти возникли только после августовского путча и распада СССР. К концу 1991 г. в Бурятии располагалось 1071 предприятие с общей стоимостью в 12,2 млрд. руб., из которых доля республиканских органов управления составляла 4,8 %. Правовой основой для перераспределения предприятий и организаций между региональными и федеральными государственными органами стало постановление Верховного Совета РСФСР от 27 декабря 1991 г. «О разграничении государственной собственности в Российской Федерации на федеральную собственность, собственность республик в составе Российской Федерации, краев, областей, автономных округов, городов Москвы и Санкт-Петербурга и муниципальную собственность». Этим постановлением все предприятия, организации и учреждения страны были разделены на три категории:

1. Объекты, относящиеся исключительно к федеральной собственности;

2. Объекты, которые могут передаваться республикам в составе России, краям, областям, автономной области, автономным округам, Москве и Санкт-Петербургу;

3. Объекты муниципальной собственности¹⁰.

В результате раздела территориального экономического комплекса Бурятии к федеральной собственности были отнесены электроэнергетика, железнодорожный транспорт, связь, радио и телевидение, часть автомобильных дорог, наиболее крупные производства, поставляющие в федеративно-республиканский фонд не менее 25 % продукции, такие как ЛВРЗ, Улан-Удэнское авиастроительное объединение и приборостроительный завод. Колхозы, совхозы, предприятия АПК, НИИ, проектно-конструкторские организации и некоторые крупные заводы (например, «Теплоприбор», «Электромашина», ТСК) вошли в подчинение министерствам и ведомствам Бурятии. Соотношение республиканской и федеральной собственности оказалось примерно равным¹¹. Требовавшее долгих процедур согласования между разными уровнями власти распределение государственной собственности продолжалось еще несколько лет (Табл. 1, 2).

К концу 1991 г. случаи стихийного захвата собственности участились. Появилась острая необходимость в республиканском законе о приватизации, обсуждение которого началось в конце ноября 1991 г. на пятой сессии Верховного Совета Бурятии. Согласно статьям нового нормативно-правового акта общесоюзные и российские предприятия экономического комплекса должны были приватизировать вышестоящие органы управления, а республиканские и местные – госу-

дарственный комитет БССР по управлению имуществом, республиканский фонд государственного имущества и органы, уполномоченные местными Советами народных депутатов¹².

Таблица 1

Перечень предприятий и организаций республики, переданных в федеральную собственность со стоимостью основных фондов на 1 января 1992 г. свыше 10 млн. руб. *

	Предприятие	Стоимость основных фондов (тыс. руб.)
<i>Машиностроение и металлообработка</i>		
1	Улан-Удэнский авиационный завод	128342,0
2	Улан-Удэнское ППО	87757,0
3	Судостроительный завод	14317,0
4	ЛВРЗ	51700,0
5	ГЗП «Бурятзолото»	40675,0
6	Вольфрамомолибденовый комбинат	56851,0
7	Прииск «Ципиканский»	30000,0
8	Кятинский плавикошпатовый комбинат	44967,0
9	ПОЭиЭ «Бурятэнерго»	260719,0
10	ГРЭС	234707,0
<i>Связь</i>		
11	Электросвязь	129000,0
<i>Пищевая промышленность</i>		
12	Об. «Бурятхлебпродукты»	21400,0
13	Заудинский комбинат	11282,0
14	Шалутский комбикормовый завод	13688,0
<i>Транспорт</i>		
15	Авиапредприятие	37900,0
<i>Строительство</i>		
16	Улан-Удэнский стеклозавод	19032,0
<i>Материально-техническое снабжение</i>		
17	Бурятнефтепродукт	21405,0

* НАРБ. Ф. 248. Д. 3883. Л. 38–113; Ф. 475. Д. 3545. Л. 92–141.

Таблица 2

**Перечень предприятий и организаций республики, переданных
в республиканскую собственность со стоимостью основных фондов
на 1 января 1992 г. свыше 10 млн. руб. ***

	Предприятие	Стоимость основных фондов (тыс. руб.)
<i>Машиностроение и металлообработка</i>		
1	Завод «Электромашина»	32260,0
2	Бурятферммаш	23350,0
3	Завод «Теплоприбор»	26375,0
<i>Строительство</i>		
4	Баргузинский ЛК «Забайкалеса»	12288,0
5	ПСО «Домостроитель»	16607,0
6	КПД-1	12530,0
7	КПД-2	23457,0
8	Трест «Спецстроймеханизация»	13540,0
9	Трест «Селенгапромстрой»	14341,0
10	КГО «Бурятагропромстрой»	38981,0
11	Железобетон	17300,0
<i>Промышленность строительных материалов</i>		
12	Тимлюйский асбест. шиферный	27013,0
13	Тимлюйский цементный завод	41815,0
14	Загорский опытный завод	11960,0
<i>Транспорт</i>		
15	АТП «Левобережье»	70337,0
<i>Оптовая торговля</i>		
16	Бурятбизнескомпания	15200,0
<i>Пищевая промышленность</i>		
17	Улан-Удэнская птицефабрика	13868,0
18	Сотниковская птицефабрика	37157,0
19	Заиграевская птицефабрика	22816,0
<i>Геология</i>		
20	Селенгинская ГРЭ	56361,0

* НАРБ. Ф. 248. Д. 3883. Л. 38-113; Ф. 475. Д. 3545. Л. 92-141.

В целях предотвращения «увода» предприятий из республики граждане БССР и созданные ими юридические лица получили преимущественные права при разгосударствлении собственности, которые, однако, не распространялось на конкурсы и аукционы. Отдельным пунктом закона оговаривалось, что в уставном капитале потенциальных претендентов на госимущество доля государства, местных Советов, общественных фондов должна составлять не более 25 %.

Статьями закона были определены также формы и способы приватизации. Трудовым коллективам были предоставлены некоторые льготы¹³. По примеру других республик в Бурятии был создан фонд республиканского имущества, который являясь неправительственным органом и действуя на коммерческих началах, должен был стать продавцом предприятий.

Для форсирования темпов денационализации экономики 29 декабря 1991 г. Президентом Российской Федерации был подписан указ, в котором была утверждена программа приватизации на 1992 г. Обязательному разгосударствлению подлежало 60 % легкой и пищевой промышленности, 35 % строительной, 50 % промышленности строительных материалов, оптовых баз и т.д. Региональным органам государственного управления и местным администрациям было дано задание в течение месяца со дня опубликования этого указа разработать и принять аналогичные территориальные программы¹⁴. Поэтому уже 11 февраля 1992 г. соответствующий документ, разработанный государственным комитетом по управлению имуществом и фондом республиканского имущества БССР, был утвержден Верховным Советом республики¹⁵.

Таблица 3

Расчетные показатели по приватизации различных отраслей в Республике Бурятия на 1992 г. *

	Легкая. промыш.	Пищев. промыш.	Строит.	Строй- ма- териалы	ПТО с/х	Автотр.	Магазины	Оптовые базы	Обществ. питание	Быт. обл.
В % от общего числа пред- приятий	60	50	35	50	60	60	60	50	50	60
В млн. руб.	65	90	100	55	10	30	55	15	30	25

* НАРБ. Ф. 475. Оп. 1. Д. 3488. Л. 5.

Общая стоимость приватизируемого имущества по республиканскому экономическому комплексу составила 465 млн. руб. Обязательной правовой реорганизации подлежали предприятия, в наибольшей степени влияющие на формирование и функционирование рыночной инфраструктуры, а также те из них, чья неэффективная деятельность сдерживала темпы развития экономики. Программой был наложен запрет на передачу в частную собственность земли, водных ресурсов, лесного фонда, воздушного пространства, охраняемых или особым образом используемых территорий и пр. Отдельный пункт был посвящен хозяйственным организациям, разгосударствление которых не допускалось до принятия соответствующих нормативных актов. Это, прежде всего, касалось предприятий добывающей промышленности, производств, занимающих доминирующее положение на рынке, изготовителей систем и элементов вооружений, организаций и учреждений гражданской обороны и мобилизационного назначения и некоторых других.

В программе подробно оговаривались права иностранных инвесторов при разгосударствлении объектов экономического комплекса республики. Присутствие зарубежного капитала поощрялось при осуществлении приватизации предприятий торговли, общественного питания, автотранспорта на условиях инвестиционных коммерческих курсов, убыточных производств, законсервированных объектов, незавершенного строительства и пр. В целях более полного учета особенностей отдельных отраслей министерствам и ведомствам разрешалось участвовать в разработке типовых условий сделок, направлять своих представителей в состав комиссий по разгосударствлению¹⁶.

Программа приватизации, разработанная в Бурятии, по своим основным положениям следовала в русле предложенных федеральным центром нормативов. Вместе с тем, трудовые коллективы и директорский корпус, как в республике, так и в стране в целом были обеспокоены возможностью приобретения контрольных пакетов акций посторонними юридическими и физическими лицами. Руководство России было вынуждено внести изменения в принятые правила и 11 июня 1992 г. Верховным Советом страны был принят расширенный закон, в котором вводились дополнительные льготы трудовым коллективам¹⁷.

Соответствующие изменения были внесены 13 августа 1992 г. в нормативно-правовые акты республики. По второму варианту льгот всем членам трудового коллектива было предоставлено право на приобретение 51 % обыкновенных акций. Однако в этом случае ценные

бумаги не могли быть отданы безвозмездно или реализованы на льготных условиях, а общий передаваемый пакет работникам не мог превышать 51 %. Согласно третьему варианту льгот, если трудовой коллектив брал на себя ответственность за выполнение плана приватизации предприятия и недопущение его банкротства в течение одного года, то ему предоставлялось право (опцион) на приобретение по истечении установленного срока 20 % уставного капитала с 30 % скидкой. В случае невыполнения этих условий опцион не мог быть продан. На период действия договора работникам передавалось еще 20 % акций этого предприятия, принадлежащих соответствующему фонду имущества.

Для более или менее справедливого раздела национального достояния руководство страны задействовало механизм, уже реализованный на практике в других восточноевропейских странах, в частности, в Чехословакии и Болгарии. Правительство России приняло решение выдать населению приватизационные чеки, равномерное распределение которых по идее должно было привести к появлению множества мелких акционеров и инвестиционных фондов, расширению рынка капиталов с последующей концентрацией собственности у активных предпринимателей. Введением ваучерной системы российские органы власти стремились также предотвратить преобразование хозяйственных организаций в акционерные общества закрытого типа. При таком разгосударствлении экономического комплекса большинство населения осталось бы без личной доли в национальном доходе страны. Указом Президента России приватизационные чеки были введены 14 августа 1992 г., хотя соответствующий закон был принят еще годом ранее¹⁸.

В начале июня 1993 г. на 12 сессии Верховного Совета республики была утверждена программа приватизации на 1993 г., которая была дополнена несколькими новыми правилами разгосударствления предприятий. Например, Совет Министров и госкомимущество Бурятии получили право закреплять контрольные пакеты акций хозяйствующих субъектов в республиканской собственности на срок до трех лет и выпускать «золотые акции». Последняя предоставляла владельцу право «вето» при принятии собранием акционеров решений о внесении изменений и дополнений в уставы предприятий, их реорганизации, ликвидации или вхождении в состав других акционерных обществ. Госкомимущество и фонд республиканского имущества получили возможность передавать государственные доли ценных бумаг в доверительное управление (траст) юридическим и физическим лицам¹⁹.

Характерной особенностью мероприятий 1993 г. являлась продажа пакетов акций в основном за приватизационные чеки. В программе не было отражено конкретное количество ценных бумаг, подлежащих продаже исключительно за ваучеры, однако их доля не могла быть ниже 29 % уставного капитала образуемых акционерных обществ²⁰.

Таблица 4

План приватизации по отраслям в 1993 г. *

Отрасль	Количество объектов	Стоимость основных фондов на 1 января 1992 г. (тыс. руб.)
Бытовое обслуживание и ЖКХ.	24	3859,400
Общественное питание	14	569,200
Розничная торговля.	181	3849,000
Оптовая торговля.	5	20310,000
Пищевая промышленность	27	153601,000
Легкая промышленность	1	99,000
Промышленность	69	1086618,400
Строительство	102	307714, 247
Промышленность строительных материалов	6	88303,000
Транспорт	15	124486,800
ПТО сельского хозяйства	32	52385,000
Связь	1	129000,000
Культура	3	95,000
Прочие	16	16292,900
Итого	496	1987182,947

* Составлено по: НАРБ Ф. 475. Оп. 1. Д. 3545. Л. 128–138.

Итого по республике предполагалось приватизировать 496 предприятий, с оценочной стоимостью основных фондов в 1987122,9 тыс. рублей, из которых 23 относились к федеральной собственности (1131335,0 тыс. руб. – 57,0%), 161 к республиканской (746610,6 тыс. руб. – 37,6%) и 312 к муниципальной (108737,3 тыс. руб. – 5,5%). Всего в 1993 г. должны были быть преобразованы в акционерные

общества свыше 150 хозяйственных организаций республиканского экономического комплекса.

Процедуре акционирования и разгосударствления подверглись крупнейшие промышленные гиганты республики, такие как Улан-Удэнские авиационный и судостроительный заводы, приборостроительное объединение, Джидинский вольфрамомолибденовый комбинат, ЛВРЗ, Бурятферммаш, ГРЭС и ряд других. В программе нашли отражение также некоторые отраслевые особенности денационализации. Например, «Бурятэнерго», «Бурятэнергострой», Гусиноозерская ГРЭС могли приватизироваться только согласно указу Президента России – 49 % доля этих акционерных обществ передавались РАО Энергетики и электрификации единой энергетической системы. Контрольный пакет объединения «Бурятнефтепродукты» оставался в руках федерального предприятия «Транснефтепродукт». По объектам строительства и Бурятводмелиорации предусматривался принцип технологической связи с передачей 20 % доли подразделений в уставный капитал головных структур и т.д.²¹.

Программа приватизации на 1994 г. практически не отличалась по предлагаемым способам и льготам от предшествующих. Однако ее отличало то, что она принималась Президиумом Верховного Совета Бурятии, а не на сессии высшего государственного органа. По своему содержанию и целям она полностью вписывалась в проводимый российским правительством экономический курс 1992–1993 гг.²².

Таблица 5

План приватизации по отраслям на 1994 г. *

Отрасль	Количество объектов	Стоимость основных фондов (тыс. руб.)
Энергетика	1	313694
Топливная промышленность	1	2171
Добывающая промышленность	1	40675
Машиностроение и металлообработка	5	285084
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная	1	2093
Итого	9	643717

* Составлено по: НАРБ Ф. 475. Оп. 1. Д. 3883. Л. 103–113.

В результате денационализации территориального экономического комплекса Республики Бурятия в период с 1992 по 1994 гг. были созданы условия для его структурной перестройки, организованы основы для конкурентной среды и демонополизации производства, сформировался слой частных собственников. К июлю 1994 г. было приватизировано 1197 средних и крупных объектов федеральной, республиканской и муниципальной собственности, на которых работали около 133 тыс. человек. В акционерные общества были преобразованы 295 хозяйствующих субъектов, в т.ч. 153 посредством чековых аукционов. Плановые задания были выполнены практически полностью. К началу 1995 г. было приватизировано 98 % предприятий торговли, 92 % – бытового обслуживания населения, 100 % – легкой промышленности, 98 % – ПТО сельского хозяйства, 90 % – машиностроения, 85 % – строительства и промышленности стройматериалов. Был завершен ваучерный этап денационализации.

Тем не менее, приватизация способствовала ухудшению экономического положения на республиканских предприятиях. С самого начала она столкнулась с сопротивлением директорского корпуса. Так, например, на этапе «малой» приватизации руководители ряда хозяйственных организаций тормозили коммерциализацию предприятий торговли, общественного питания, бытового обслуживания населения. В результате темпы правовой реорганизации объектов в ряде отраслей и в некоторых районах осуществлялась ниже намеченных, что приводило к изменениям в планах по разгосударствлению²³.

При невыполнении предусмотренных мероприятий в отдельных административных единицах республики шло разгосударствление объектов, не вошедших в приватизационную программу. Низовые органы власти и управления проводили слабую работу по привлечению населения к участию в чековых аукционах и использованию ваучеров в качестве платежных средств. Например, с апреля 1993 г. по февраль 1994 г., несмотря на то, что в республике было организовано 12 аукционов по реализации ценных бумаг 100 предприятий и действовало 4 чековых инвестиционных фонда, было собрано только 30 % приватизационных чеков²⁴.

Приватизация не дала ощутимого положительного экономического и социального эффекта. Например, к началу 1993 г. резко ухудшилась обеспеченность населения республики услугами предприятий бытового обслуживания, объем которых в 1992 г. сократился на 49 % по сравнению с предшествующим годом²⁵. Республиканские органы управления недостаточно полно информировали население о приватиза-

ции хозяйственных организаций, условиях участия граждан в приобретении акций, гарантиях их надежности и размерах дивидендов. Коммерциализированные предприятия сразу же столкнулись с многочисленными трудностями. Так, из-за инфляции доля их собственных оборотных средств в оплатах за поставляемую продукцию снизилась до 5–10 %. Товары первой необходимости стали вытесняться с прилавков магазинов более прибыльными. Уже с первых месяцев 1992 г. в государственных органах Бурятии обсуждались вопросы принятия программы поддержки приватизированных хозяйствующих субъектов, в первую очередь, тех из них, кто был связан со снабжением населения продовольствием.

К концу 1992 г. становится ясно, что в результате приватизации разрушаются сложившиеся внутривозрастные и технологические связи в экономическом комплексе республики²⁶. Практика показала, что большинство производств могут эффективно функционировать только в рамках крупных организационно-технологических объединений. Руководством Бурятии было признано, что им не было в отличие от других регионов выработано собственного подхода к регулированию процесса денационализации в переходный период, в основе которого лежало бы использование, как рыночных методов, так и практики прямой финансовой и материальной поддержки производственных комплексов и групп предприятий.

С середины 1994 г. заканчивается период массовой приватизации и начинается новый этап разгосударствления собственности. К этому времени республиканский экономический комплекс приобрел новые черты. Тяжелое финансовое положение большинства предприятий, связанное с кризисом платежей и падением производства, не могло не повлиять на характер дальнейших приватизационных процедур. Целевые установки в правительственной программе были несколько видоизменены. Прежде всего, был смещен акцент с создания широкого слоя частных собственников к осуществлению реконструкции приватизированных предприятий, расширению участия местных органов власти, министерств и ведомств в выборе методов разгосударствления²⁷.

Главными задачами правительства стали привлечение инвесторов и создание слоя стратегических собственников. Значительная часть средств, полученных от приватизации, теперь должна была оставаться в виде капиталовложений на самих предприятиях. Введением этой меры правительство стремилось решить их затруднения связанные с платежами и дефицитом оборотных средств. Балансовая стои-

мость основных фондов преобразуемых в акционерные общества хозяйственных организаций должна была составлять с первого января 1994 г. не менее 20 млн. руб., по сравнению с 1 млн. руб., установленными в 1992 г.

Правительство сохранило за собой право закреплять контрольные пакеты акций отдельных предприятий в республиканской собственности и выпускать «золотые акции». В положениях, касающихся хозяйствующих субъектов, имеющих оборонный заказ не более 30 % от общего объема производимой продукции, а также задания по мобилизационной подготовке, охране государственных тайн, обеспечению безопасного ведения работ, было установлено, что эти функции должны были сохраняться в их уставах и после проведения процедур акционирования²⁸. В целях восстановления единых комплексов недвижимости и для улучшения экономического положения разрешалась передача предприятиям земли, на которой располагались их здания и производственные мощности²⁹.

В связи с тем, что на федеральном уровне возникли сложности с формированием и утверждением плана приватизации на 1995 г. разгосударствление в Бурятии происходило на основании прогноза, утвержденного в июле 1995 г. указом Президента республики. При этом следует упомянуть о том, что в нормативы по приватизации нередко вносились изменения, в результате которых в большинстве случаев итоговое количество разгосударствленных предприятий не совпадало с первоначально запланированным.

В 1995 г. процесс денационализации осуществлялся в соответствии с программой правительства России «Реформы и развитие российской экономики в 1995–1997 гг.». В новую принятую приватизационную модель были внесены два дополнительных принципа: инвестиционная ориентация разгосударствления и обеспечение внешним собственникам возможности приобретать контрольные пакеты акций³⁰.

Для сохранения единых комплексов недвижимого имущества земельные участки передавались в состав приватизируемой собственности или продавались ранее акционированному предприятию на льготных условиях. До 41 % выручки от продажи ценных бумаг передавалось на счет самих хозяйственных организаций для улучшения их финансовой стабильности и инвестиционной привлекательности. В целях повышения курсовой стоимости реализуемых акций, обеспечения систематичности поступления средств в бюджет и создания максимально благоприятных условий для привлечения как отечественных, так и зарубежных капиталов было установлено заблаго-

временно публиковать планы-графики разгосударствления государственного имущества для информирования возможно более широкого круга потенциальных инвесторов.

Таблица 6

**Прогноз приватизации государственных предприятий
с разбивкой по отраслям на 1995 г. ***

Отрасль	Количество объектов	Стоимость основных фондов на 1 января 1994 г. (тыс. руб.)
Промышленность	1	982637,0
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность	2	19064,0
Промышленность строительных материалов	1	140556,0
Пищевая промышленность.	3	172920,0
Полиграфическая промышленность	2	8447,0
Сельское хозяйство.	2	62538,0
Прочие сельскохозяйственные производители	1	5505,0
ПТО сельского хозяйства.	1	1817,0
Транспорт	1	2698,0
Строительство	3	59533,0
Оптовая торговля	3	10751,0
Розничная торговля.	1	108,0
Геология	3	86829,0
Прочие виды деятельности	4	762166,0
Бытовое обслуживание	1	26131,0
Итого	29	2341730,0

* Составлено по: НАРБ ФР. 2028. Оп. 1. Д. 86. Л. 80–93.

В 1995 г. в республике были приватизированы 142 объекта, было образовано 21 акционерное общество с общим уставным капиталом 1594,2 млн. руб. У 8 предприятий по решению правительств России и Бурятии контрольный пакет закреплялся в государственной собственности, и вводились золотые акции. Учитывая тяжелое финансовое положение и необходимость больших денежных вливаний госкомиму-

ществом совместно с отраслевыми министерствами, ведомствами и трудовыми коллективами была предусмотрена продажа крупных долей акций 9 хозяйственных организаций на инвестиционных конкурсах³¹.

В ходе приватизации из утвержденных прогнозных показателей были исключены 7 федеральных и республиканских и 24 муниципальных объекта собственности относящихся к категории незавершенного строительства. Основными причинами этих изменений являлись: отзыв трудовыми коллективами заявок, приведение в соответствии с законодательством учредительных документов, ликвидация предприятий и т.д. В целом утвержденный на 1995 г. план был выполнен, вместе с тем по муниципальной собственности органы власти некоторых районов не смогли в полной мере обеспечить выполнение плановых заданий. За счет приватизации были получены средства на сумму 34104 млн. руб. при прогнозе в 9850 млн. руб., из них 21950 млн. руб. – от продажи пакетов акций объектов федеральной собственности.

Российская программа приватизации на 1996 г., также как и в 1995 г., не была принята. В этой связи прогноз по денационализации государственной и муниципальной собственности был вновь установлен указом Президента республики³². В 1996 г. в Бурятии предусматривалось передать в частные руки 18 объектов, в т.ч. 5 в недвижимости, 4 в незавершенном строительстве и 9 предприятий. Также по согласованию с госкомимуществом России планировалась продажа акций 17 акционерных обществ общей стоимостью в 153,6 млн. руб. Для финансовой поддержки приватизируемых хозяйствующих субъектов, правительство Бурятии посчитало целесообразным передавать им до 51 % полученных от их разгосударствления средств (вместо 41 %)³³.

Таким образом, за прошедший с 1992 г. период количество приватизируемых предприятий резко уменьшилось. Если в 1993 г. подверглись разгосударствлению 485 хозяйственных организаций, то в 1996 г. только 32. В феврале 1996 г. Президентом Б.Н. Ельциным был подписан указ, согласно которому правительство страны получило возможность отдавать в собственность регионов акции предприятий российской собственности на возмездной основе или в случаях возникновения задолженностей федерального бюджета по трансфертам. Однако госкомитет по имуществу республики посчитал нецелесообразным обращаться к правительству России с подобным предложением, т.к. в ряде акционерных обществ экономического комплекса Бурятии государственная доля была вложена в уставной капитал более крупных корпораций и компаний.

На десятой сессии Народного Хурала республики, проходившей 20 июня 1996 г., госкомимуществом впервые за прошедшие два года была представлена программа приватизации государственных и муниципальных предприятий Бурятии (на 1996–1998 гг.). Ее положения в основном сохранили преемственность по отношению к предыдущим принятым нормам и учли опыт и результаты прошедших лет. Основным способом разгосударствления предприятий после завершения срока действия приватизационных чеков по-прежнему была продажа ценных бумаг акционерных обществ. Льготы членам трудовых коллективов и лицам, приравненным к ним, остались прежними³⁴.

Местные органы власти также как и республиканские получили возможность в некоторых случаях закреплять имущество в муниципальной собственности, выпускать «золотые» акции и преобразовывать предприятия в АО. В программе также нашли отражение вопросы демонополизации. Под ней понималось введение ограничений при создании холдинговых компаний, стимулирование отделения структурных подразделений из состава головных предприятий, а также представление покупателем сведений об источниках доходов при заключении сделок на сумму свыше 500 тыс. минимальных размеров оплаты труда для юридических и свыше 5 тыс. для физических лиц³⁵.

Согласно прогнозу в 1996 г. должно было быть приватизировано 18 предприятий государственной и муниципальной собственности, однако в связи с большими трудностями, возникшими при формировании доходной части бюджета, разгосударствление коснулась значительно большего числа объектов – 32. Было создано 9 акционерных обществ с уставным капиталом 75716,0 тыс. руб. По решениям правительств России и Бурятии у двух АО контрольные пакеты были закреплены в государственной собственности и введены золотые акции³⁶.

Условия проведения приватизации в 1997 г. были несколько изменены. Например, реорганизуемым предприятиям перестали перечисляться средства от реализации их акций (ранее эта сумма доходила до 51 %). В порядке эксперимента по согласованию с министерствами впервые предполагалось осуществить разгосударствление нескольких объектов культуры, здравоохранения и образования³⁷. Всего в 1997 г. по республиканскому экономическому комплексу предусматривалось передать в частные руки акции 9 хозяйственных организаций, в т.ч. 3 федеральной собственности. В соответствии с планом-графиком было необходимо продать ценные бумаги 16 АО номинальной стоимостью более 551,0 млн. руб. В целом в 1997 г. процедуру разгосу-

дарствления прошло 21 предприятие. Общая стоимость приватизируемого имущества за 1992–1997 гг. составила 41,8 млрд. руб.³⁸

В последующие годы размеры приватизируемой государственной собственности существенно уменьшились. Так, например, в 1998 г. разгосударствлению должны были подвергнуться всего лишь 6 предприятий и организаций, а в 1999 – 5³⁹. В этой связи в июне 1997 г. были внесены поправки в российскую законодательную базу, существенно расширившие права региональных органов управления. Возникла необходимость в принятии соответствующего закона Республики Бурятия, т.к. разработчики российского нормативного акта намеренно оставили на усмотрение государственных органов субъектов Российской Федерации вопросы приватизации оставшихся в их распоряжении объектов региональной и муниципальной собственности⁴⁰.

В принятом в сентябре 1999 г. республиканском законе содержалось несколько принципиально новых положений. Например, в нем было установлено, что приватизация является возмездным отчуждением государственного имущества, тогда как раньше в отдельных нормативно-правовых актах говорилось о его безвозмездной передаче трудовым коллективам. Была повышена роль Народного Хурала Бурятии, который получил право утверждать государственную программу приватизации, изменения и дополнения к ней, расширился перечень социальных и инвестиционных условий разгосударствления. Увеличились периоды рассмотрения и подготовки планов по приватизации. Стоимость приватизируемой собственности теперь устанавливалась, исходя из реально сложившейся на рынке.

К 1999 г. органам власти Республики Бурятия принадлежало только около 40 пакетов акций, которые по величине доли в уставном капитале распределялись следующим образом: более 50% – в 2, от 25 до 50% – в 8, до 25% – в 25, специальное право «золотая акция» распространялось на 5 предприятий. Анализ предприятий с государственным долевым участием, показал, что большинству из них во избежание банкротства все же было целесообразно сохранить существующий статус. К концу 1990-х гг. предприятия с государственным участием уже не могли существенным образом влиять на подъем экономики Бурятии. Они не являлись социально значимыми, градообразующими, жизнеобеспечивающими и крупными налогоплательщиками. Основной костяк экономики составили приватизированные хозяйствующие субъекты.

Масштабная денационализация 1992–1994 гг. кардинально изменила прежнюю систему хозяйствования и стала важнейшим этапом фор-

мирования рыночной экономики. Резкое сокращение объемов государственной собственности после ваучерного этапа изменило характер приватизации в стране и республике. В связи с углублением финансового кризиса главной задачей госкомитета по имуществу стало получение максимально возможной денежной отдачи от разгосударствления собственности, поэтому республиканские органы власти, прежде всего, стремились провести его по точечному принципу и индивидуальным проектам. Однако данный процесс шел с большими трудностями из-за спада деловой активности и ухудшения положения дел в республиканском экономическом комплексе. Расширение прав органов власти Бурятии и местного самоуправления при приватизации республиканской и муниципальной собственности уже не могло иметь большого значения, т.к. основная часть государственного имущества была либо уже продана, либо прошла процедуру акционирования.

Таким образом, приватизация являлась важнейшим этапом процесса преобразования России и ее регионов в последнем десятилетии XX века. Как показывает отечественный и зарубежный опыт для ее успешной реализации необходимо провести длительную и кропотливую подготовительную работу, которая позволит в полной мере учесть интересы не только государства и предпринимателей, но также работников приватизируемых предприятий, организаций и учреждений. Однако денационализация экономики России происходила в условиях практически полного отсутствия рыночных механизмов, соответствующего законодательства, инфраструктуры, в сжатые сроки и против желания основной части населения. Вместо повышения эффективности народного хозяйства смена форм собственности обернулась значительным углублением экономического кризиса и криминализацией хозяйственных отношений, она подорвала материальное и финансовое положение большинства предприятий и способствовала концентрации наиболее конкурентоспособных из них в руках небольшой группы лиц. Ее отрицательные последствия ощущаются по сей день, тормозя процесс социально-экономической модернизации как страны в целом, так и ее отдельных регионов.

¹ Вторая сессия Верховного Совета (ВС) БССР (12 созыв) 8–16 октября 1990 г. Стенограф. отчет. Улан-Удэ, 1990. С. 76.

² Трудно даются решения. // Правда Бурятии. 1990. 19 дек.

³ НАРБ. Ф. 248. Оп. 1. Д. 5081. Л. 77–83.

-
- ⁴ Там же. Д. 4703. Л. 1-2.
- ⁵ *Ведомости* Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. №18. С. 535.
- ⁶ *Дерябин А.* СССР: закон и рынок. // Правда Бурятии. 1991. 13 сент.
- ⁷ *Ведомости* Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. №27. С. 1040-1041.
- ⁸ Там же. 1992. №3. С. 99.
- ⁹ *Бадмаев В.* Статус республики повышен. Что дальше? // Правда Бурятии. 1990. 10 окт.
- ¹⁰ *Ведомости* Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1992. №3. С. 90-96.
- ¹¹ *НАРБ.* Ф. 475. Оп. 1. Д. 3443. Л. 168.
- ¹² Там же. Д. 3440. Л. 85.
- ¹³ Там же. Д. 3439. Л. 62-79.
- ¹⁴ *Ведомости* Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1992. №3. С. 99.
- ¹⁵ *НАРБ.* Ф. 475. Оп. 1. Д. 3488. Л. 3.
- ¹⁶ Там же. Л. 15.
- ¹⁷ *Ведомости* Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1992. №28. С. 1979-1987.
- ¹⁸ *Ведомости* Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. №27. С. 1033-1035.
- ¹⁹ *НАРБ.* Ф. 475. Оп. 1. Д. 3545. Л. 99.
- ²⁰ Там же. Л. 107.
- ²¹ *НАРБ.* Ф. 475. Оп. 1. Д. 3545. Л. 118.
- ²² Там же. Д. 3883. Л. 38-113.
- ²³ *НАРБ.* Ф. 475. Оп. 1. Д. 3477. Л. 108-109.
- ²⁴ *НАРБ.* Ф. 248. Оп. 1. Д. 5223. Л. 98.
- ²⁵ Там же. Д. 5167. Л. 78-80.
- ²⁶ *Двенадцатая сессия ВС РБ (12 созыв) 23-24 марта 1993 г. Стенограф. отчет.* Ч. 2. Улан-Удэ, 1993. С. 138-141.
- ²⁷ *Вторая сессия НХ РБ (первый созыв) 24-27 октября 1994 г. Стенограф. отчет.* Ч. 3. Улан-Удэ, 1994. С. 97.
- ²⁸ Там же. С. 98.
- ²⁹ Там же. С. 198-202.
- ³⁰ *Собрание законодательства РФ.* 1995. №21. С. 3840-3841.
- ³¹ *Девятая сессия НХ РБ (первый созыв) 15 марта, 1-3 апреля 1996 г. Стенограф. отчет.* Улан-Удэ, 1996. С. 83.
- ³² *НАРБ.* ФР. 2028. Оп. 1. Д. 181. Л. 64-71.
- ³³ *Девятая сессия НХ РБ (первый созыв) . С. 86.*
- ³⁴ *Десятая сессия НХ РБ (первый созыв) 20 июня 1996 г. Стенограф. отчет.* Ч. 4. Улан-Удэ, 1996. С. 8, 83-86.
- ³⁵ Там же. С. 96-98.

³⁶ Тринадцатая сессия НХ РБ (первый созыв) 31 января 1997 г. Стенограф. отчет. Ч. 5. Улан-Удэ, 1997. С.14.

³⁷ Там же. С. 19.

³⁸ Елаев А.А. Указ соч. С. 258.

³⁹ Третья сессия НХ РБ (второй созыв) 26–27 января 1999 г. Стенограф. отчет. Ч. 3. Улан-Удэ, 1999. С.44.

⁴⁰ Собрание законодательства РФ. 1997. №30. С. 5952-5975.

Н.А. Куперштох

ВКЛАД ИНСТИТУТОВ ЯКУТСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА СО РАН В КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ СЕВЕРО-ВОСТОКА РОССИИ

Переход от традиционного общества к индустриально-урбанистическому наиболее отчетливо проявился в XX в. Он означал смещение центра тяжести экономического, геополитического и социального потенциала Российского государства в сторону восточных районов. Однако ведущие политики и ученые и до этого отчетливо понимали: социально-экономическое развитие государства в целом зависит от того, насколько гармонично удастся включить огромные территории за Уралом в структуру экономического потенциала. Квинтэссенцией этого стала знаменитая формула М.В. Ломоносова: «... российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном ...», которая вновь и вновь доказывает свою актуальность.

Начало систематическому изучению Сибири положили I и II Камчатские экспедиции Академией наук. Первая организована под руководством В. Беринга в 1724 г.; вторая во главе с академиками Г.Ф. Миллером и И.Г. Гмелиным получила название Великой Северной экспедиции и продолжалась с 1733 по 1743 гг. Их отличительной чертой были комплексное изучение природных ресурсов, широкий территориальный охват и многообразие поставленных задач. Отряды экспедиций составляли новые карты, описывали минеральные богатства, флору и фауну, проводили этнографические исследования.

Что касается академического изучения Северо-Востока России, то оно приобрело планомерный характер с создания специального отдела при Комиссии по изучению естественных производительных сил (КЕПС) в 1918 г. Наиболее масштабной акцией Академии наук оказалась Якутская комплексная экспедиция 1925–1930 гг.¹. Ее организова-

ла созданная при КЕПС Комиссия по изучению Якутской АССР (КЯР).

Инициатором проведения экспедиции являлся один из национальных лидеров и основателей якутской государственности М.К. Аммосов. В апреле 1925 г. он обратился к неопременному секретарю Академии наук С.Ф. Ольденбургу с письмом о необходимости организации экспедиции для изучения естественных производительных сил Якутской республики. Якутия стала первой национальной республикой, которая поставила перед Академией наук вопрос о необходимости научного изучения края².

Необходимость комплексного изучения Якутии была вызвана рядом факторов. Во-первых, Якутия в силу уникальных климатических условий, своеобразия животного и растительного мира, богатой минерально-сырьевой базы всегда являлась привлекательным объектом для исследований в области естественных, технических и гуманитарных наук. Во-вторых, в условиях начавшейся индустриализации страны возникла объективная потребность выявить имеющиеся в стране природные ресурсы и обосновать целесообразность их освоения. В-третьих, без изучения производительных сил региона нельзя было рассчитывать на развитие его экономики и культуры. Поэтому к разработке научных программ экспедиции были привлечены крупнейшие ученые – С.В. Обручев, А.П. Карпинский, Н.И. Вавилов, А.А. Борисяк, В.Ю. Визе, Л.С. Берг, А.А. Григорьев, Б.Д. Греков и др.

Специализированные отряды экспедиции внесли неоценимый вклад в изучение природных ресурсов республики. Исследования проводились на обширной территории – от южных границ республики до Колымы, Верхоянья и Новосибирских островов. Полученные результаты легли в основу написания фундаментальных научных отчетов и монографий. Закономерно, что материалы экспедиции использовались при определении перспектив развития экономики Якутии и других регионов страны.

Комплексная экспедиция дала толчок росту национальной интеллигенции и положила начало процессу формирования сети научных учреждений Якутии. Одним из первых в республике в 1935 г. возник Научно-исследовательский институт языка и культуры при СНК ЯАССР (ныне – Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН). Инициатором создания и первым директором института был видный государственный и общественный деятель, писатель-лингвист П.А. Ойунский. Первоначально организованы три сектора: языка и письменности, литературы и искусства, народного образования и истории³.

Деятельность института была нацелена на организацию фундаментальных исследований в республике. В 1944 г. его переименовали в Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (НИИЯЛИ) ЯАССР. Ощутимую помощь в организации науки оказывали ученые из центральных учреждений страны, благодаря которым институт установил сотрудничество с академическими институтами истории, этнографии, языка и мышления, русского языка. Вхождение НИИЯЛИ в систему Академии наук СССР (1947 г.) способствовало организационному укреплению и расширению спектра исследований по важнейшим проблемам истории, языка, литературы, фольклора, искусства народов Якутии⁴.

В 1946 г. Совет министров Якутской АССР ходатайствовал перед вышестоящими инстанциями о создании Якутской научно-исследовательской базы АН СССР (ЯНИБ). Целью академического учреждения должны были стать систематическое изучение природы и природных ресурсов территории Якутской АССР, истории, языка и культуры населяющих ее народов, объединение и координация научных работ в республике. В 1947 г. Президиум Академии наук СССР поддержал это предложение соответствующим решением⁵. В состав ЯНИБ были переданы НИИЯЛИ, химическая лаборатория, станция по изучению космических лучей, а также организованы шесть секторов (зоологии и животноводства, почвоведения и ботаники, экономики, искусствоведения, геологии, географии). Работу ЯНИБ курировали такие крупные ученые как С.В. Бахрушин, С.Н. Вернов, И.П. Герасимов, А.А. Григорьев, С.Е. Малов, И.И. Минц, С.С. Смирнов и др.

В 1949 г. на основе ЯНИБ возник Якутский филиал АН СССР. Одной из его главнейших задач стало содействие развертыванию работ второй комплексной экспедиции СОПС АН СССР по изучению производительных сил Якутии, которая действовала на территории республики с 1950 по 1955 г. Общее руководство ее работой осуществляли академики И.П. Бардин, В.С. Немчинов, Д.С. Коржинский, В.А. Обручев. Работа отрядов экспедиции в значительной степени основывалась на данных ученых Якутского филиала АН СССР.

Программа работ комплексной экспедиции включала: геологические исследования, изучение минерально-сырьевых ресурсов, природных условий и экономики для выявления перспектив металлургической промышленности в ЯАССР; разработку вопроса о перспективах возможной промышленной нефте- и газоносности; установление направлений и характера дальнейших геолого-поисковых работ в малоизученных районах республики; выявление путей развития и реконструк-

ции сельского и лесного хозяйства, рыбного и пушного промыслов; экономическое обоснование комплексного развития районов, прилегающих к намечаемым транспортным магистралям⁶.

Важнейшим результатом работы второй комплексной экспедиции стал вывод о том, что железорудные и угольные месторождения Южной Якутии могут быть основой для развития черной металлургии на Северо-Востоке страны⁷. Таким образом, экспедиция положила начало освоению крупных промышленных районов Якутии.

В 1956 г. Академия наук СССР организовала в Якутии третью комплексную экспедицию по изучению природных ресурсов бассейна р. Вилюя в связи с развитием в этом регионе алмазодобывающей промышленности. Были созданы десятки отрядов с привлечением ученых ЯФ АН СССР и центральных учреждений страны. Экспедиция работала в течение трех лет. За это время были проведены исследования коренных месторождений алмазов, горючих ископаемых и минеральных строительных материалов.

В 1958 г. для обобщения итогов изучения природных ресурсов, а также их использования и развития народного хозяйства республики в Якутске прошло региональное совещание, основные положения которого были одобрены в этом же году на конференции по развитию производительных сил Восточной Сибири, состоявшейся в Иркутске. На Иркутской конференции впервые были отчетливо сформулированы принципы территориальной организации комплекса производства в его современном понимании⁸. Предлагалось сформировать в Сибири целую систему территориально-производственных комплексов (ТПК) и определить их производственную специализацию.

Интенсивное хозяйственное освоение Якутии имело свою специфику. Выяснилось, что строительство промышленных зданий и сооружений невозможно без учета научных знаний о мерзлых грунтах. Еще в 1938 г. в Якутию прибыла экспедиция СОПС АН СССР во главе с основоположником мерзлотоведения М.И. Сумгиным, которая разработала программу изучения вечной мерзлоты Якутии. В 1941 г. на базе экспедиции была создана Якутская научно-исследовательская станция Института мерзлотоведения им. В.А. Обручева АН СССР (ЯНИМС) – первое постоянное академическое учреждение в Якутии. На ее основе впоследствии возник Институт мерзлотоведения СО АН СССР (ныне Институт мерзлотоведения им. П.И. Мельникова СО РАН).

Геокриологические исследования осуществлялись по двум направлениям: инженерному и региональному. Сотрудники станции под руководством П.И. Мельникова изучали состав, строение и физико-

механические свойства многолетнемерзлых отложений в различных районах Якутии, обобщали имеющийся опыт строительства, проводили многочисленные эксперименты. Полученные материалы позволили сделать вывод о том, что в условиях сурового континентального климата Центральной Якутии принцип сохранения мерзлого состояния грунтов в основании промышленных и жилых зданий является основным⁹. Одновременно сотрудники станции внедряли в производство новые методы строительства зданий, водопроводов, других инженерных сооружений. Без экспертизы ЯНИМС не могло начаться строительство ни одного объекта.

Значительным успехом коллектива станции явилось бурение эксплуатационных скважин для водоснабжения г. Якутска и открытие Якутского артезианского бассейна. Исследования П.И. Мельникова и его коллег открыли эпоху широкого использования артезианских подмерзлотных вод в Центральной Якутии для питьевого и хозяйственного водоснабжения. Гидрогеологические скважины, пробуренные в дальнейшем в других районах Центральной Якутии, подтвердили теоретический вывод о водоносности юрских и кембрийских пород и существовании обширного артезианского бассейна подмерзлотных вод¹⁰.

Сотрудники станции приняли активное участие в работе второй и третьей комплексных экспедиций и внесли существенный вклад в изучение вечной мерзлоты в различных районах Якутии. В 1956 г. станцию преобразовали в Северо-Восточное отделение Института мерзлотоведения им. В.А. Обручева АН СССР. В его состав включили Игарскую, Алданскую, Анадырскую мерзлотные станции. П.И. Мельникову удалось сформировать работоспособный коллектив специалистов и создать четыре сектора: общей геокриологии, физики теплообмена, инженерного мерзлотоведения и экспериментальный¹¹.

В 1951 г. в составе Якутского филиала АН СССР организован Биологический институт (ныне – Институт биологических проблем криолитозоны СО РАН). С момента возникновения он был ориентирован на создание научной основы для развития сельского и лесного хозяйства, пушного и рыбного промыслов. Важнейшим направлением работы под руководством В.Г. Зольникова в рамках третьей комплексной экспедиции стало исследование почв в Центральной и Юго-Западной Якутии, в бассейне р. Вилуй. Эти работы позволили установить уникальность почвенного покрова территории, не имеющего аналогов в мире¹².

С организацией Сибирского отделения в 1957 г. все подразделения АН СССР в республике вошли в его состав. Первый председатель

Сибирского отделения АН СССР акад. М.А. Лаврентьев уделял большое внимание развитию научного потенциала республики и проблемам изучения ее богатейших природных ресурсов. Однако дело не ограничивалось организацией прикладных разработок. Приоритетной задачей Сибирского отделения всегда оставалось развитие фундаментальных исследований. Именно в соответствии с этой стратегией в Якутии организовали уникальные институты, ставшие неотъемлемой частью научного потенциала России: Институт геологии (ныне Институт геологии алмаза и благородных металлов), Институт мерзлотоведения, Институт космофизических исследований и аэронауки, Институт физико-технических проблем Севера, Институт горного дела Севера, Институт экономики комплексного освоения природных ресурсов Севера (ныне Институт региональной экономики находится в составе Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова), Институт проблем нефти и газа и др.

Открытие новых институтов сопровождалось укреплением их кадрового состава известными учеными – представителями научных школ ведущих учреждений страны, направлением в Якутию выпускников центральных вузов. Такой сплав способствовал формированию уникальных научных школ ЯНЦ. Здесь получили развитие новые научные направления в геокриологии (П.И. Мельников, Н.А. Цытович, В.Т. Балобаев), геологии (Н.В. Черский, И.С. Рожков, В.В. Ковальский), биологии (В.П. Дадыкин, В.Г. Зольников, И.П. Щербаков, Н.Г. Соломонов), космофизике и аэронауки (Ю.Г. Шафер, Д.Д. Красильников, А.И. Кузьмин, Г.Ф. Крымский), северном материаловедении (Ю.С. Уржумцев, В.П. Ларионов), гуманитарных науках (Е.И. Убрятова, Е.И. Коркина и др.).

В 1972 г. состоялось выездное заседание Президиума СО АН СССР с участием академиков М.А. Лаврентьева, А.А. Трофимука и Г.И. Марчука. Оно стало важным событием не только для развития Якутского филиала СО АН СССР, но и для всей республики. В постановлении, принятом Президиумом Сибирского отделения, отмечались достижения институтов Якутского филиала и четко обозначались ориентиры их дальнейшего развития, включавшие задачи активного изучения производительных сил региона¹³.

В 1960–1980-е гг. ученые ЯНЦ принимали участие в обосновании эффективности создания крупной оловодобывающей промышленности, определении перспектив создания газодобывающей промышленности, развития отраслей цветной металлургии на основе НТП и комплексного использования минерального сырья, обосновании теории региональной экономики на примере северных регионов; в изучении

проблем хозяйственного освоения зоны БАМ, разработке концепции формирования Южно-Якутского ТПК и создания угольного комплекса в Южной Якутии, обосновании строительства железной дороги Берка-кит–Томмот–Якутск; в разработке комплексных программ НТП и интенсификации региональной экономики, межотраслевых балансов, концепции самоуправления и самофинансирования Якутской АССР.

Линию на развитие как фундаментальных исследований, так и прикладных разработок в интересах региона выдерживали руководители Сибирского отделения АН СССР/РАН академики Г.И. Марчук, В.А. Коптюг, Н.Л. Добрецов. Эту традицию продолжает председатель СО РАН академик А.Л. Асеев. Выработан четкий механизм взаимодействия по управлению академическим потенциалом республики, в котором партнерами являются три стороны: Российская академия наук и ее Сибирское отделение, Якутский научный центр СО РАН, Республика Саха (Якутия).

В 1990-е гг. Президент РС(Я) М.Е. Николаев принял ряд мер по социальной поддержке научных сотрудников, из республиканского бюджета центру выделялись средства, доля которых в бюджете ЯНЦ СО РАН достигала 40 %. В условиях социально-экономической нестабильности в стране часть институтов были переданы в Академию наук РС(Я). В настоящее время республиканская Академия играет важную роль в координации научных исследований в республике, обеспечивая взаимодействие с Сибирским отделением, отраслевыми академиями, вузами региона. Важнейшей составляющей интеграционной функции Академии наук РС(Я) является ее участие в работе Координационного совета РАН по взаимодействию региональных отделений и научных центров¹⁴.

В 2003 г. в Якутске состоялось расширенное выездное заседание Президиума Сибирского отделения РАН с участием руководителей Уральского и Дальневосточного отделений, членов Правительства Республики Саха (Якутия), руководителей Академии наук РС(Я). Важное место было уделено вопросам устойчивого развития топливно-энергетического и алмазно-бриллиантового комплексов, разработке новейших технологий для горнопромышленного комплекса, проблемам малочисленных народов Севера, обеспечению устойчивой жизнедеятельности в условиях низких температур¹⁵.

В рамках этого заседания Президент РС(Я) В.А. Штыров и председатель СО РАН академик Н.Л. Добрецов подписали соглашение о взаимодействии и сотрудничестве между Республикой Саха (Якутия) и Сибирским отделением РАН. Достигнута договоренность, что приори-

тетами научно-технической деятельности СО РАН и институтов ЯНЦ СО РАН в интересах РС(Я) на ближайший период следует считать проблемы алмазно-бриллиантового комплекса и формирующегося нефтегазового комплекса Якутии.

Консультативным органом, обеспечивающим взаимодействие республиканского руководства с научными организациями, является Совет по науке и научно-технической политике при Президенте РС(Я). Совет сыграл важную роль в подготовке соглашения между РС(Я) и СО РАН о развитии Якутского научного центра на 2010–2015 гг., которое в 2009 г. подписали Президент РС(Я) В.А. Штыров и председатель СО РАН академик А.Л. Асеев. В документе отражены обязательства РС(Я) по привлечению ученых ЯНЦ к формированию и реализации целевых программ и проектов по научному и технологическому обеспечению социально-экономического развития региона и его инновационной инфраструктуры¹⁶.

Основной акцент соглашения сделан на обеспечение научного сопровождения реализации двух крупных проектов: «Схемы комплексного развития производительных сил, транспорта и энергетики Республики Саха (Якутия) до 2020 года» и «Комплексного развития Южной Якутии». Основой экономики Якутии традиционно является минерально-сырьевой комплекс, доходы от которого составляют более 60% бюджета республики. Поэтому в основе «Схемы...» лежат три крупных блока, направленные на диверсификацию экономики. Во-первых, это вывод на новый технологический уровень традиционных базовых отраслей: алмазной, золотодобывающей, угольной, лесной, сельского хозяйства. Во-вторых, создание новых отраслей: нефтегазовой, железорудной, металлургической. В-третьих, создание транспортной и энергетической инфраструктур.

Сегодня наука Якутии представлена 24 научными учреждениями. Но, по признанию экс-министра науки и профессионального образования РС(Я) А.А. Пахомова, «ядром республиканской науки, неизменным источником классических традиций исторически являются институты Сибирского отделения РАН»¹⁷. Именно этим институтам отводится ключевая роль в обеспечении вышеназванных мегапроектов. И это не случайно.

Якутский научный центр относится к старейшим научным центрам Сибири. Основной целью ЯНЦ является организация и содействие проведению фундаментальных научных исследований и координация прикладных работ, направленных на решение научных проблем, способствующих социально-экономическому развитию РС(Я). Научные ис-

следования академических институтов ЯНЦ связаны с проблемами Севера: закономерностями природных процессов, поиском и добычей полезных ископаемых, работой машин, механизмов и конструкций, освоением биологических ресурсов, изучением проблем народов Севера. ЯНЦ является структурным звеном СО РАН, объединяет в своем составе сотрудников, работающих в научных организациях СО РАН на территории республики.

В 2010 г. в составе ЯНЦ функционировало восемь институтов: Гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера, Биологических проблем криолитозоны, Геологии алмаза и благородных металлов, Мерзлотоведения им. П.И. Мельникова, Космофизических исследований и аэронавтики им. Ю.Г. Шафера, Физико-технических проблем Севера им. В.П. Ларионова, Горного дела им. Н.В. Черского, Проблем нефти и газа. Институты ЯНЦ и их лидеры всемерно способствовали изучению и развитию производительных сил республики. Напомним кратко историю каждого института, чтобы убедиться, что это действительно так.

В *Институте гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера* под руководством таких лидеров как Т.А. Шуб, А.И. Новгородов, З.В. Гоголев, Е.И. Коркина, В.Н. Иванов, В.А. Роббек и др. коллектив многое сделал в области изучения якутского языка, литературы, истории, национальной культуры. Институт впервые в российской академической науке поднял проблему сохранения и возрождения исчезающих народов Севера, проводит исследования по разработке фундаментальных научных основ социального и экономического развития народов Севера в современных условиях. Силами сотрудников института под руководством проф. Н.А. Алексеева впервые в России представлена «Концепция развития коренных малочисленных народов Севера Российской Федерации в XXI веке», ставшая основой «Государственной целевой программы экономического и социального развития коренных малочисленных народов Севера до 2011 года»¹⁸.

Институт биологических проблем криолитозоны организован в 1951 г. Его руководителями были В.П. Дадыкин, Я.Л. Глембоцкий, В.Г. Зольников, В.А. Тавровский, И.П. Щербаков, Н.Г. Соломонов, Б.И. Иванов. Коллектив сотрудников на протяжении нескольких десятилетий накапливал опыт изучения северных экосистем, закладывал научные основы охраны и оптимизации использования биологических ресурсов криолитозоны. В рамках реализации мегапроектов коллективом института под руководством канд. биол. наук П.А. Ремигайло осуществлен мониторинг состояния гидробиоценозов, почв, растительно-

сти, населения и ресурсов наземных позвоночных животных. Эти данные имеют огромное значение для проведения оценки воздействия на окружающую среду Канкунской ГЭС и Нижнетимптонской ГЭС еще на стадии их проектирования.

Институт геологии алмаза и благородных металлов организован в 1957 г. как Институт геологии по инициативе проф. Ю.П. Ивенсена. Под руководством И.С. Рожкова, К.Б. Мокшанцева, В.В. Ковальского, Б.В. Олейникова, Л.М. Парфенова сформировался сильный коллектив профессионалов, выполняющих фундаментальные и прикладные исследования в области тектоники и региональной геологии, магматизма и металлогении, палеонтологии и стратиграфии, современной геодинамики и сейсмичности, закономерностей размещения и образования месторождений стратегических видов минерального сырья. Работа института имеет важнейшее значение для развития минерально-сырьевой базы Республики Саха (Якутия) и всего Северо-Востока России. Коллектив института под руководством проф. А.П. Смелова проводит исследования по заказам геологических производственных служб, а его разработки могут быть использованы в практике геологосъемочных и поисковых работ в рамках мегапроектов.

Институт мерзлотоведения организован в 1960 г. Под руководством академика П.И. Мельникова, а затем проф. Р.М. Каменского институт стал ведущим научным учреждением, проводящим масштабные комплексные теоретические и прикладные исследования в области геокриологии в районах развития многолетнемерзлых пород, составляющих около 60 % территории России. Своей уникальностью институт известен благодаря достижениям в решении задач геокриологии, гидрогеологии, устойчивости сооружений. Фундаментальные разработки института вряд ли оказались бы столь значимыми, если бы в 1970–1980-е гг. не были организованы стационары в различных климатических зонах на территории СССР. В настоящее время под руководством проф. Р.В. Чжана обрабатываются геокриологические данные, на основе которых будут приниматься проектные решения и прогнозы устойчивости инженерных сооружений при реализации мегапроектов.

Институт космофизических исследований и аэронауки организован в 1962 г. Еще до войны будущий лауреат Сталинской премии Ю.Г. Шафер исследовал вариации космических лучей, работая в Якутском педагогическом институте. Именно он стал основателем института, который занимается современными проблемами астрономии, астрофизики и ведет исследования космического пространства, включая физику космического пространства и космических лучей. Под ру-

ководством академика Г.Ф. Крымского и нынешнего директора чл.-корр. РАН Е.Г. Бережко в институте накоплен опыт оперативного спутникового мониторинга крупномасштабных природных и техногенных чрезвычайных ситуаций, который также оказался востребован при реализации мегапроектов.

Институт физико-технических проблем Севера организован в 1970 г. по инициативе академика Н.В. Черского. Институт является одним из немногих учреждений Российской академии наук, успешно занимающихся техникой северного исполнения, выработкой правил и рекомендаций по ее проектированию и эксплуатации. Под руководством Н.В. Черского, Ю.С. Уржумцева, В.П. Ларионова, О.И. Слепцова сотрудники института внесли заметный вклад в оптимизацию топливно-энергетического комплекса и развитие электроэнергетики республики. В настоящее время коллектив института под руководством проф. М.П. Лебедева проводит исследования по прогнозированию изменения природных и социальных условий Южной Якутии в связи со строительством каскада ГЭС, атомных станций малой мощности, использованию альтернативных источников энергии, составлению топливно-энергетического баланса республики.

Институт горного дела Севера организован в 1980 г. также по инициативе академика Н.В. Черского. Под руководством последующих директоров членов-корреспондентов РАН В.Л. Яковлева и М.Д. Новопашина усилия коллектива были направлены на изучение проблем комплексного освоения минеральных ресурсов в условиях криолитозоны; теплофизики и геомеханики многолетнемерзлых пород и массивов с учетом антропогенных факторов. Для успешного воплощения мегапроектов оказались важны исследования института по изменению свойств горных пород при знакопеременном температурном воздействии, которые необходимо учитывать при проектировании и проведении горных работ.

Институт проблем нефти и газа организован в 1999 г. Институт создавался в целях дальнейшего развития комплексных исследований в области геологии, добычи, транспортировки и переработки нефти и газа. Основными направлениями исследований стали фундаментальные проблемы геологии и геохимии нефти и газа древних платформ; физико-технические проблемы разработки месторождений, транспорта и переработки углеводородов в условиях Крайнего Севера; проблемы экономики формирования регионального нефтегазового комплекса в новых экономических условиях; научные основы сохранения северных экосистем в условиях функционирования нефтегазового ком-

плекса. Под руководством чл.-корр. РАН А.Ф. Сафронова проводится дифференцированная оценка перспектив нефтегазоносности территорий, тяготеющих к трассе ВСТО и будущего магистрального газопровода Чаянда–Хабаровск. Выделена зона возможного преимущественного нефтенакпления на восточном борту Березовской впадины. По рекомендациям института возобновлены сейсморазведочные работы в Алдано-Майском прогибе.

Таким образом, академический сектор науки Якутии обладает достаточным потенциалом, чтобы решать актуальные проблемы изучения и освоения производительных сил Северо-Востока России. Однако не следует забывать, что роль академических институтов не должна сводиться к чисто прикладным задачам. Без развития фундаментальных исследований не было бы и прикладных разработок, которые в настоящее время активно востребованы крупными корпорациями.

Как показывает опыт развития отдельных регионов России, задача их комплексного научного изучения является актуальной на любом историческом этапе. В современных условиях проблемы изучения стратегически важных для государства сырьевых ресурсов не должны заслонять гуманитарную компоненту научных исследований. В этой связи вновь стоит вспомнить слова одного из организаторов якутской науки М.К. Аммосова. В статье «Задачи исследования Якутии», опубликованной в 1925 г., он писал: «Прежде всего, Якутия должна познать себя. Она должна познать свои природные и человеческие ресурсы, свою историю, свою культуру. Чтобы строить новую жизнь и готовить будущее, Якутия должна знать свое прошлое и настоящее, для того, чтобы найти пути к развитию производительных сил своей страны»¹⁹.

¹ *Ермолаева Ю.Н.* Якутская комплексная экспедиция 1925-1930 гг.: Развитие науки в Якутии. Новосибирск: Наука, 2001. 165 с.

² *Винокурова Л.Е.* М.К. Аммосов и общественно-политические события в Якутии (1920-1928 гг.). Якутск: Изд-во ЯНЦ СО РАН, 2007. 192 с.

³ *Архив ЯНЦ СО РАН.* Ф. 5. Оп. 5. Д. 1. Л. 4.

⁴ *Алексеев Н.А.* ИГИИПМНС: этапы истории и перспективы развития // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2010. № 1. С. 5-9.

⁵ *Архив ЯНЦ СО РАН.* Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Л. 27.

⁶ *Архив ЯНЦ СО РАН.* Ф. 1. Оп. 1. Д. 77. Л. 8-9.

⁷ *Архив РАН.* Ф. 174. Оп. 28. Д. 6. Л. 7.

⁸ *Шнипер Р.И.* Рубежи научного познания Сибири// ЭКО. 1980. №4. С.116-117.

-
- ⁹ Чжан Р.В., Шепелев В.В. Основатели якутской геокриологической научной школы // Якутская геокриологическая научная школа (сфера исследований, результаты, люди). Новосибирск: Академич. изд-во «Гео», 2010. С.5-9.
- ¹⁰ Академическая наука в Якутии (1949-2009 гг.) / Гл. ред. А.Ф. Сафронов, отв. ред. В.В. Шепелев. Новосибирск: Академич. изд-во «Гео», 2009. С. 16-18.
- ¹¹ Войтковский К.Ф., Гречищев С.Е. Основные этапы научной и научно-организационной деятельности академика П.И. Мельникова // Криосфера Земли. 1998. Т. II. № 4. С. 11.
- ¹² Куперштох Н.А. Научные центры Сибирского отделения РАН. Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2006. С. 292.
- ¹³ Комплексные региональные исследования производительных сил СССР (Научно-исторический очерк) / Отв. ред. Л.А. Козлов. Ч. I. М.: СОПС, 1991. С. 67.
- ¹⁴ Филиппов В. Академии наук республики Саха (Якутия) – 10 лет // Наука в Сибири. 2003. № 47-48.
- ¹⁵ Об участии СО РАН в решении актуальных задач развития регионов России (на примере Якутского научного центра СО РАН). Постановление Президиума Сибирского отделения РАН 10.02.2003 г. // Наука в Сибири. 2003. № 9.
- ¹⁶ Академической науке в Якутии – 60 лет! // Наука в Сибири. 2009. № 38.
- ¹⁷ Республиканские власти – в поддержку науки / Из выступления А.А. Пахомова, министра науки и профессионального образования Республики Саха (Якутия) на Общем собрании СО РАН // Наука в Сибири. 2009. № 15.
- ¹⁸ Флагман гуманитарной науки в Якутии // Наука в Сибири. 2010. № 34-35.
- ¹⁹ Аммосов М.К. С помощью русских рабочих и крестьян. Якутск, 1967. С. 142.

Г.П. Власов

ПРОМЫШЛЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНА БАМА В ХХІ ВЕКЕ: РЕАЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ*

Создание современной экономики инновационного типа, интегрированной в Евро-Азиатское экономическое пространство, определяет особую роль восточных районов в силу географического положения, наличия огромного ресурсного, значительного производственного, научно-технического, образовательного и кадрового потенциалов.хозяйственное освоение этих районов – стратегическая государственная линия России во все исторические времена.

Дальновидным расчетом российских правительственных кругов конца XIX в. была идея прокладки Байкало-Амурской железнодорожной

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 10-01-00296а

магистрали через северные районы Сибири и хозяйственное освоение ее региона. Главной целью реализации этого крупнейшего инвестиционного проекта по аналогии с Транссибом (она повторялась и в предвоенной стратегии движения производительных сил на Восток) стало создание второго, более короткого транзитного пути между Тихим океаном и Центральной Сибирью с перспективой продолжения его в западном направлении (Северо-Сибирская железнодорожная магистраль), что могло дать мощный импульс освоению природных ресурсов обширного района, решению проблем военно-стратегического значения. Объективно положение и роль региона БАМа в стратегических приоритетах России бесспорны.

Современный этап развития мировой цивилизации – сложный, противоречивый процесс. В условиях глобализации мирохозяйственная система достигает определенной степени целостности. Одним из ее хозяйствующих объектов является регион. Он развивается как часть системы более высокого порядка, в рамках сложившихся разнокачественных связей – структурных, субординационных, управленческих и т.п. Тенденции развития глобальной хозяйственной системы обуславливают необходимость ориентации хозяйственного комплекса не просто на установление взаимоотношений, но и на конкурентность с другими мирохозяйственными субъектами.

Регион БАМа – это 400-километровый широтный коридор вдоль Байкало-Амурской железнодорожной магистрали площадью 1,5 млн. кв. км. Среди отраслей его производственной инфраструктуры важную роль играет энергетика. На Западном участке БАМ мощным энергетическим плацдармом является Братская ГЭС мощностью в 4100 тыс. кВт/ч., построенная в предельно сжатые сроки. К 1970 г. за время своей эксплуатации она уже несколько раз окупила затраты на ее создание. На построенной севернее г. Братска Усть-Илимской ГЭС к 1984 г. выработано 70 млрд. кВт/ч. электроэнергии, что также позволило окупить расходы на ее сооружение¹. Эти гидроэлектростанции являются богатейшими источниками производства электроэнергии не только для Иркутской области, но и для развития промышленного потенциала региона БАМа. В современное кризисное для страны время стабильная работа данных энергетических мощностей позволяет поддерживать жизнеобеспечение территорий. На восточном участке региона БАМа введены в действие две мощные гидроэлектростанции – Зейская и Бурейская ГЭС.

Осуществляется первый в России масштабный межотраслевой государственно-частный проект по созданию нового промышлен-

ного района в Красноярском крае на базе Богучанской ГЭС и природно-ресурсного потенциала территории. Его участниками являются ОАО «Корпорация развития Красноярского края» и коммерческие организации – инвесторы промышленных проектов: ОАО «Русский алюминий», ОАО «ГидроОГК», Внешэкономбанк. Инициатором проекта выступило ОАО «Корпорация развития Красноярского края». Эта компания специально создана в 2006 г. четырьмя акционерами: администрацией Красноярского края, ОАО «ГидроОГК», ООО «Базовым элементом» и Внешэкономбанком (каждый учредитель имеет по 25 % акций).

Цель инвестиционного проекта состоит в развитии промышленного потенциала территорий Нижнего Приангарья путем создания и модернизации транспортной и энергетической инфраструктуры, освоения природных ресурсов и строительства комплекса промышленных объектов. А ресурсный потенциал в этом регионе огромный: 13 % российских запасов золота, почти треть свинца, 6 % нефти и газа.

В рамках проекта государство из средств Инвестиционного фонда финансирует работы по созданию необходимой инфраструктуры, которая включает в себя ряд объектов:

- магистральные линии электропередач для Богучанской ГЭС,
- строительство и реконструкция автодороги Канск-Абан-Богучаны-Кодинск,
- строительство железной дороги Карабула-Ярки,
- строительство моста через Ангару с участком дороги Богучаны-Ангарский.

За счет средств инвесторов финансируются промышленные объекты:

- достройка и завершение строительства гидротехнических сооружений Богучанской ГЭС,
- строительство алюминиевого завода,
- строительство целлюлозно-бумажного комбината.

Сметная стоимость проекта: 214 млрд. руб., в т.ч. собственные и привлекаемые средства инвесторов – 180 млрд., государственные инвестиции – 34 млрд. руб.²

Богучанская ГЭС – крупнейший объект гидротехнического строительства в России. Станция возводится вблизи города Кодинска Кежемского района Красноярского края в 445 км от устья Ангары и 380 км от Усть-Илимской ГЭС. Проектная мощность гидроузла составляет 3 тыс. МВт. Совокупный объем средств, вложенных в проект, составит 179,7 млрд. рублей.

Со времени начала работ по достройке ГЭС с декабря 2005 по 2007 г., в тело плотины станции уложено более 110 тыс. куб. м гидротехнического бетона и асфальтобетона, земельно-скальные работы выполнены в объеме более 2 млн. куб. м, смонтировано свыше 2 тыс. т металлоконструкций. Заказано основное оборудование. Инвестиции в строительство станции в 2006 г. составили более 5 млрд. рублей³.

На последующем этапе реализации этого проекта предполагается строительство Тагарского металлургического объединения на базе местного железнорудного месторождения, Горевского металлургического объединения на основе свинцово-цинкового месторождения, газоперерабатывающего и газохимического комбинатов в Богучанском районе, цементного завода на базе Чадобецкого глиноземного месторождения. Губернатор Красноярского края А. Хлопонин на Петербургском экономическом форуме в июне 2006 г. заявил: «Мы оцениваем сегодняшнее решение инвестиционной комиссии как возможность дать старт самому масштабному государственно-частному проекту за историю рыночной экономики России. Речь идет о создании огромного кластера энергоемких предприятий в Восточной Сибири, способного внести заметный вклад в рост экономики не только Красноярского края, но и России в целом»⁴.

На западном участке БАМ важным энергоисточником может стать Мокская ГЭС на р. Витим проектной мощностью в 1,7 млн. кВт/часов. Ее преимущество состоит в удобном географическом положении относительно трассы будущей железной дороги (в 25 км южнее станции Витим) и потенциально крупных потребителей электрической энергии – будущих Удоканского и Молодежного горнообрабатывающих комбинатов, Мамско-Бодайбинского энергорайона в Иркутской области.

В восточной части зоны БАМ программой «Дальний Восток» предусмотрено строительство Нижнебурейской, Селемджинской, Гилуйской ГЭС, которые должны стать важными энергетическими источниками развивающегося индустриального района.

К сожалению, все эти проектные расчеты сделаны без широкого обсуждения в трудовых коллективах. Нам представляется, что вести сегодня энергетическое строительство в традиционном стиле невозможно. Ведь есть же мировой опыт, когда гидроэлектростанции строятся и эксплуатируются, не нарушая естественного режима водных систем. Кроме того, особо важным для развития энергетического хозяйства восточных районов региона БАМ, а также, возможно, в ка-

честве экспортного ресурса через порты Приморья, является использование в больших масштабах энергетических углей Восточной Сибири.

Как известно, Дальний Восток, как важный район региона БАМ, малозаселен и малоосвоен даже по российским меркам. На территории Дальневосточного экономического района (включая Республику Саха), составляющей 36 % от площади России, проживает менее 6 % российского населения. Причем основная часть размещается в южных регионах вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали. Необходимым (но не достаточным) условием для стабилизации и дальнейшего увеличения численности населения, повышения уровня и качества жизни, экономического развития служит усиление экономической инфраструктуры. К базовым инфраструктурным отраслям Дальнего Востока, в силу особо суровых климатических условий и низкой плотности населения, относятся, прежде всего, транспорт и энергетика.

Уместно напомнить, что активное экономическое развитие Сибири началось со строительства и ввода Транссиба. Вторым крупным этапом в промышленном развитии Сибири (точнее, её западной части) стало освоение Кузбасса, начавшееся в 1920-х гг. Наконец, исходным импульсом третьего крупного этапа в промышленном развитии Сибири, особенно Восточной Сибири, послужило создание каскада мощных ГЭС на Ангаре и Енисее, освоение угольных бассейнов Красноярского края и Иркутской области. Создание крупномасштабных источников относительно дешевой энергии является, безусловно, первостепенным для развития в регионах Сибири промышленности, сельского хозяйства, жилищного строительства. Таким же первостепенным условием служит и создание возможностей для масштабных низкочастотных перевозок грузов.

К сожалению, следует констатировать, что создание БАМа пока не повлекло ожидавшейся активности экономического развития прилегающих к нему районов Дальнего Востока и Забайкалья. Причем экономический кризис, охвативший Россию в 1990-е гг., поставил под угрозу само существование БАМа. Чтобы обеспечить рентабельность магистрали, необходимо определить те реальные, безусловно, экономически эффективные и достаточно масштабные грузы, перевозка которых могла бы обеспечить покрытие издержек на эксплуатацию БАМа.

Представляется, что таким мероприятием могло бы стать создание специальной компании по снабжению южных районов Дальнего Востока углями Восточной Сибири. Эта компания могла бы уже в кратчайшие сроки, через 2–3 года, обеспечить объем перевозок около

10 млн. т. угольных грузов (что соответствует около 6 млн. т. условного топлива). Такой объем перевозок вполне бы обеспечил минимальной загрузкой БАМ. Причем имеются практически неограниченные перспективы расширения данной компании, т.е. объемов перевозок углей Восточной Сибири на Дальний Восток. Через 10–15 лет объемы перевозок, вероятно, можно будет доводить до 30–50 млн. т. Принципиально важно, что это экономически эффективный проект с большим запасом рентабельности.

Обеспечение топливно-энергетическими ресурсами регионов Дальнего Востока, в том числе Амурской области, Приморского и Хабаровского краев, представляет с каждым годом все более сложную задачу. Потребности в электроэнергии и теплоте требуют строительства новых, реконструкции и расширения действующих тепловых электростанций и котельных, что в свою очередь потребует дополнительных объемов угля. Использование местных месторождений угля ограничено его низким качеством, сложными горно-геологическими условиями и малыми объемами разведанных геологических запасов, а также относительно высокими затратами на разработку.

При этом на юге Восточной Сибири в Иркутской области и в Красноярском крае имеются огромные запасы энергетических углей с низкими затратами по добыче. Особый интерес представляют угли Канско-Ачинского бассейна Красноярского края.

В Красноярском крае выявлено 85,5 млрд. т запасов угля, из них балансовых более 50,5 млрд. т. Однако добыча угля ведется только вблизи промышленно-развитых районов и составляет около 50 млн. т в год, закрывая потребности края и близлежащих районов⁵.

Нам представляется, что Канско-Ачинское месторождение имеет большой запас экономического преимущества, и он может быть использован для выплаты рентных платежей за добычу угля (Красноярскому краю или Иркутской области и в бюджет РФ), снижение затрат на энергоснабжение (цен и тарифов на электрическую и тепловую энергию) в районах Дальнего Востока, для поддержки работников БАМа и обеспечения её безубыточного функционирования, для выплаты дивидендов инвесторам этого проекта. Естественно, распределение прибыли между указанными направлениями требует дополнительного обсуждения и согласования.

Эффективность рассматриваемого проекта будет достигнута только в том случае, если в нем реализуется принцип единоначалия, т.е. это должна быть единая компания, занимающаяся организацией добычи, перевозок и потребления (в конкретных ТЭЦ и котельных) углей.

Если учесть, что Канско-Ачинские угли обладают высокой влажностью, то необходимо обеспечить ускоренную перевозку данных углей. Этого можно достичь, если организовать перевозку в форме «вертушек», т.е. в виде нерасцепляемых составов от начального до конечного пунктов с ускоренным режимом прохождения по всей трассе. Это не исключает целесообразность сортировки углей, а также брикетирования в целях использования для широкого потребления, в том числе для коммунально-бытовых нужд и возможного экспорта. Основная масса углей может пойти только на специально подготовленные для сжигания данных видов топлива крупные котельные и ТЭЦ. Именно этим объясняется необходимость единой организации процесса добычи и потребления.

Ретроспективный анализ развития энергетики в регионе БАМ так же показал имеющиеся в этой области крупные просчеты и стратегические ошибки.

Во-первых, на наш взгляд, строительство энергетических и электросетевых объектов в районе нового освоения должно быть опережающим. В регионе БАМ получилось иначе. Параллельное развитие этой важной отрасли не способствовало эффективности хозяйственного освоения региона, создавало экологические и социально-экономические трудности. Накопленный практический опыт убеждает, что региональным органам необходимо выделять на электрификацию достаточные, ежегодно нарастающие финансовые и материальные ресурсы по особым нормативам, утвержденным для северных районов.

Во-вторых, опыт БАМа показал, что для эффективного энергообеспечения пионерных районов необходимо использовать новую, специально созданную для Севера технику и иную методику строительства линии электропередач. Энергостроители на БАМе так и не получили опоры из алюминиевых сплавов, специальные провода облегченного типа. Линии прокладывались, как и 10-15 лет назад. Для условий БАМа значительно выгоднее во всех отношениях свайные фундаменты под опоры. Энергостроители, по-прежнему, перекапывали землю бульдозерами, рубили тайгу, тем самым наносили непоправимый ущерб легко ранимой природе. И все потому, что фундаменты очень громоздки. Крайне необходимы современные средства передвижения. Значительная доля вины в этом лежит на проектных институтах. Так, институт «Энергосетьпроект» и его отделения вели проектно-изыскательские работы без учета специфических условий региона БАМ. В большинстве случаев в выполненных проектах линий электропередач и подстанций предусматривались строительные конструкции,

соответствующие для обычных условий работ. Несомненно, что для ускорения и удешевления строительства электросетевых объектов в районах нового освоения необходимо улучшить качество проектной документации, внедрять в практику новые прогрессивные технические решения. Кроме того, объемы выполняемых геологических исследований грунтов по трассе недостаточны для определения их характеристики. Поэтому нередки случаи, когда без должного обоснования в проекты закладывались громоздкие и металлоемкие конструкции.

В-третьих, для успешного строительства энергетических объектов в зоне БАМ необходимо ускорить создание в этих районах базы стройиндустрии. Среднее расстояние перевозки конструкций превышает 2 тыс. км, а время доставки с учетом загруженности железной дороги – 20 дней и более. Все это приводит к удорожанию строительства и усложнению оперативного решения вопросов комплектации объектов.

В промышленном развитии региона огромное значение имеет вовлечение в народнохозяйственный оборот минеральных запасов. Тем более что в настоящее время резко обострены проблемы снабжения металлургических предприятий рудным сырьем при одновременном критически низком уровне обеспеченности горнорудных предприятий разведанными запасами. Россия сегодня осталась практически без промышленных месторождений марганцевых и хромовых руд и испытывает серьезный дефицит в 20 видах стратегического минерального сырья. При этом постоянно усугубляются диспропорции в географическом размещении сырьевой базы и металлургических предприятий.

Зона Байкало-Амурской железнодорожной магистрали характеризуется уникальными возможностями крупномасштабного освоения сырьевых ресурсов Забайкалья, Дальнего Востока и даже Якутии. Многие специалисты отмечают, что, несмотря на открытие сквозного движения по БАМу еще в 1984 г., за 18 лет не была развернута масштабная работа по вовлечению неосвоенных месторождений региона в хозяйственный оборот. Сегодня Байкало-Амурская железнодорожная магистраль сохраняет свое стратегическое значение в интересах национальной безопасности страны и для инфраструктурного обеспечения геополитически уязвимого и экономически депрессивного района Забайкалья и Дальнего Востока. И хотя доходы от эксплуатации покрывают менее 50 % затрат на содержание дороги, а для бывшего МПС в начале XXI в. прямые убытки БАМа исчислялись суммами порядка 1 млрд. руб. в год⁶, на сегодня мы имеем яркие примеры положительного опыта эксплуатации отдельных месторождений, в том числе угольного месторождения Нерюнгри, что позволяет с

оптимизмом оценивать перспективу производственно-хозяйственной деятельности в данном регионе.

Благоприятным фактором для развития в зоне БАМа горно-добывающих отраслей является высокая концентрация минерально-сырьевых ресурсов в определённых рудных узлах, а также размещение на соседних площадях рудных месторождений и топливно-энергетического сырья. В Южной Якутии территориально близки крупные месторождения железных руд Южно-Алданского и Чаро-Токкинского районов, месторождения урана на Алдане и коксующиеся угли Южно-Якутского бассейна; на севере Читинской области – месторождения меди (Удоканское и Чинейское), железных руд (Чарское) и угля (Апсатское); в Хабаровском крае – оловорудные месторождения Комсомольского и Баджалского районов и угли Буреинского угольного бассейна и Лианского месторождения. Для развития экономики зоны БАМа, несомненно, будет иметь большое значение наличие месторождений нефти и газа в пределах Непского свода на севере Иркутской области, где, кроме того, выявлены крупные запасы калийных солей. Однако далеко не все они освоены, в частности, в Иркутской области – месторождение золота Сухой Лог, в Читинской области – Удоканское месторождение медных руд и Чинейское месторождение комплексных железо-ванадий-титановых руд. За последние 20 лет в разведку этих трёх месторождений вложено около 1,5 млрд. долларов государственных средств, но не получено ни рубля отдачи, хотя только по титану годовой объём добычи Чинейского месторождения может составить до 600 тыс. т.

В зоне БАМа имеется семь месторождений свинцово-цинковых руд, содержащих 79 % всех разведанных запасов страны: Горевское – 43 % (Красноярский край), Холоднинское – 14,4 %, Озёрное – 10,5 % (Бурятия), Корбалихинское – 3 % (Алтайский край), Ново-Широкинское – 1,7 % (Читинская область), Николаевское – 3,5 % и Партизанское – 3,5 % (Приморский край). Освоение этих месторождений могло бы обеспечить производство свинца и цинка в концентратах соответственно 70-100 тыс. т и 410 тыс. т в год⁷.

В зоне БАМа расположена также основная сырьевая база атомной промышленности России. Благодаря открытым здесь месторождениям редкоземельных металлов можно покрыть их потребность на длительную перспективу. Это месторождения Белозиминское (Иркутская область), Томтор (Республика Саха – Якутия), Катугинское (Читинская обл.). В зоне БАМ находится единственное действующее предприятие по добыче и переработке стратегического сырья – слюды

мусковита (Иркутская область). К сожалению, обстановка на этих месторождениях также выглядит не лучшим образом.

В 1996 г. Институтом экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН проведены работы по экономической оценке риска инвестиций в освоение месторождений БАМа. В их числе 106 объектов углеводородного, рудного и нерудного сырья. Каждый объект описывался 23 показателями, которые относились к обобщённым содержательным признакам, включая географический, природно-климатический, геологический, технологический, экологический и экономический.

В результате выделено 4 группы месторождений. В первую – с наименьшими инвестиционными рисками – вошли 17 месторождений. В основном это месторождения золота и радиоактивных руд, наиболее подготовленные к освоению. Во вторую группу вошли месторождения, потенциал которых для освоения следует рассматривать как высокий – из 25 месторождений этой группы 6 разрабатываются (три угольных и два оловянных). Третья и четвёртая группы получили оценки риска ниже средней, однако при определённых условиях их эксплуатация может быть эффективной, включая наличие соответствующих технологий переработки комплексных руд.

Считается, что для реализации первоочередных проектов минерально-сырьевого комплекса в зоне БАМа необходимы инвестиции в объёме 8-10 млрд. долларов, что сопоставимо с капитальными вложениями в строительство самой железнодорожной магистрали. При этом следует признать, что строительство горнорудных предприятий займёт продолжительный период, а окупаемость инвестиций растянется на длительный срок.

К первоочередным районам промышленного освоения природных ресурсов, которые наиболее привлекательны для инвестиций, могут быть отнесены Ковыктинский (природный газ и конденсат), Бодайбинский (рудное и россыпное золото), Южно-Якутский (уголь и золото) и Кодаро-Удоканский (медь, ванадий-титано-железорудное сырьё).

Железорудной сырьевой базой на Дальнем Востоке, включая Южную Якутию, могут служить Гаринское месторождение с запасами магнетитовых руд 211 млн. т, в том числе не требующих обогащения 44 млн. т с содержанием железа 55,7 % (Амурская область), Тарынахское месторождение железистых кварцитов с запасами в границах карьера 1191 млн. т и с содержанием железа 28,3 %, Таёжное и Десовское месторождения комплексных железных руд с запасами соответственно 320,2 и 361,6 млн. т и содержанием железа 39,4 % и

26,7 % (Южная Якутия), а также Сулуматское месторождение с запасами в контуре карьера 286 млн. т (Читинская область).

Следует иметь в виду, что институтом «Гипроруда» ещё в 1988 г. было разработано технико-экономическое обоснование строительства металлургического комплекса на Дальнем Востоке, в котором рассмотрены перечисленные выше железорудные месторождения и их освоение признано нецелесообразным. Естественно, нужна дополнительная проработка вопроса с учётом условий рыночной экономики.

Для освоения Удоканского месторождения меди создано ОАО «Забайкальская горная компания», учредителями которой стали администрация Читинской области, мэрия Москвы, ГУП «Восточно-Сибирская железная дорога», ГУП «Забайкальская железная дорога» и ОАО «БАМинвест». Последнее создано МПС России с целью освоения природных богатств, расположенных в районе БАМа. Затем в состав учредителей компании вошло ОАО «Уралэлектромедь» (Свердловская область), которое готовит ТЭО освоения Удоканского месторождения. Годовая производительность предприятия предполагается 10-14 млн. т руды с последующим наращиванием мощности.

На Западном участке БАМ открыто крупнейшее газоконденсатное Ковыктинское месторождение. Администрацией Иркутской области совместно с компанией ТНК-ВР в марте 2004 г. создана ОАО «Восточно-Сибирская газовая компания» — оператор регионального проекта газоснабжения на базе Ковыктинского ГКМ. Проект предусматривает добычу газа на Ковыктинском газоконденсатном месторождении и его транспортировку газопроводом по маршруту Ковыкта—Саянск—Иркутск как промышленным потребителям, так и на нужды ЖКХ региона.

Спрос на газ в Иркутской области по базовому и максимальному вариантам по подсчетам ОАО «ВСКГ» оценивается в 2,5 млрд. куб. м в год с перспективой увеличения до 4—4,5 млрд. куб. м в год в результате расширения существующих производств и реализации новых инвестиционных проектов.

Отличие проекта газоснабжения на базе Ковыкты от многих других, которые реализуются в России, в комплексном подходе к использованию газа. Выбранный маршрут газопровода позволяет построить газоразделительный комплекс на промышленной площадке ОАО «Саянскхимпласт», где будут выделяться все компоненты газа, предусмотрено и сжижение столь ценного сырья, как гелий. На первом этапе объем производства сжиженного гелия составит более 7 млн. литров в год, что в несколько раз превышает российские потребности в

этом газе. Его излишки будут экспортироваться. Именно под гелиевую составляющую проекта ОАО «Саянскимпласт» и ООО «Криор» создали совместное предприятие «Криопласт». Однако ковыктинский газ получит не только промышленность. Вопросом строительства сетей низкого давления, призванных доставлять газ жителям региона, вероятно, займется ЗАО «Комплексные энергетические системы» (КЭС)⁸.

Решение Российского правительства о строительстве нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий океан» предопределило актуальность разработки углеводородного сырья на Севере Иркутской области. Таким месторождением является Верхнечонское, расположенное в Катангском районе. Месторождение открыто в 1978 г. С 1983 г. велись активные работы по его разведке: за десять лет на Верхней Чоне пробурена сотня скважин. После завершения геологоразведочных работ определен пользователь недр. Им стало ОАО «Русиа Петролеум», созданное учредителями «Иркутск-энерго», Саянский и Усольский химкомбинаты, Ангарская нефтехимическая компания.

Осенью 2002 г. «Русиа Петролеум» выделило нефтяное направление в отдельную компанию – ОАО «Верхнечонскнефтегаз», совладельцами которого стали ОАО «ТНК-ВР» с долей 62,7 % акций, ХК «Интеррос» (25,94 %) и администрация Иркутской области (11,29 %). В 2005 г. в проект вошла НК «Роснефть», купившая долю «Интерроса». Стратегические инвесторы – «ТНК-ВР» и «Роснефть» взяли на себя обязательства по привлечению средств на разработку месторождения. С 2007 г. она велась в рамках опытно-промышленной эксплуатации⁹.

В советский период центральными и местными плановыми органами, организациями Сибирского отделения и Дальневосточного научного центра Академии наук СССР проделана большая работа по территориально-производственному районированию и разработке оптимальных схем организации хозяйственного освоения БАМа. Научный совет по проблеме БАМа Академии наук СССР и Центральный научно-исследовательский экономический институт при Госплане РСФСР (ЦЭНИИ) предложили несколько схем территориальной организации хозяйства в зоне БАМа. В этих схемах предусмотрено создание в регионе системы «территориально-производственных комплексов» и «промышленных узлов». Однако при этом не определено, что следует понимать под «территориально-производственными комплексами», а что выделять в качестве «промышленных узлов». В связи с этим термин «промышленный узел» в предложенных схемах имеет два значения. С одной стороны, он применяется для обозначения крупных самостоятельных территориально-производственных единиц (например,

Удоканский ПУ), выделенных наряду с ТПК (Южно-Якутским, Верхне-Ленским и др.), с другой стороны, употребляется для обозначения более мелких территориально-производственных единиц, входящих в состав ТПК. Неудивительно поэтому, что номенклатура, названия и объемы некоторых намечавшихся территориально-производственных единиц (например, на территории Амурской области) неоднократно менялись – они относились то к ТПК, то к ПУ.

Госпланом РСФСР с учетом рекомендации Научного совета АН СССР по проблемам БАМа и ЦЭНИИ была принята следующая схема территориально-производственного районирования зоны БАМа:

- Южно-Якутский ТПК (Алданский и Олёкминский районы Якутской АССР, г. Нерюнгри с территорией, подчиненной горсовету) – угольная, слюдяная, горно-химическая промышленность, возможно, черная металлургия;
- Верхне-Ленский ТПК (Усть-Кутский, Казачинско-Ленский, Киренский и Жигаловский районы Иркутской области) – лесная, деревообрабатывающая и целлюлозная промышленность;
- Северо-Байкальский ТПК (Северо-Байкальский и Баунтовский районы Бурятской АССР) – горнорудная промышленность, цветная металлургия;
- Мамско-Бодайбинский ТПК (Бодайбинский и Мамско-Чуйский районы Иркутской области) – горнорудная промышленность;
- Удоканский ПУ (Каларский район Читинской области) – цветная металлургия;
- Тындинский ПУ (Тындинский район Амурской области) – лесная и деревообрабатывающая промышленность;
- Зейский ПУ (Зейский район Амурской области) – энергетика, лесная промышленность;
- Селемджинский ТПК (Мазановский и Селемджинский районы Амурской области) – цветная металлургия;
- Ургальский ПУ (Верхнебуреинский район Хабаровского края) – угольная промышленность, лесная и деревообрабатывающая промышленность;
- Комсомольский ТПК (Комсомольский, Амурский, Солнечный районы Хабаровского края) – цветная металлургия, машиностроение, лесная, лесоперерабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность;
- Совгаванский ПУ (Ванинский, Советско-Гаванский районы Хабаровского края) – портовое хозяйство, внешнеторговые функции.

По примеру Южно-Якутского ТПК в XXI в. имеют перспективу формирования другие территориально-производственные комплексы. Так,

Верхне-Ленский ТПК, первоначально использующий лесные ресурсы Иркутской области и ее гидроэнергетику, в ближайшей перспективе может опереться на разведанные месторождения нефти (в частности, Верхне-Чонское) Непского свода, способные обеспечить потребность зоны БАМа в углеводородном сырье на перспективу 20-25 лет. Важное значение для развития сельского хозяйства Сибири и Дальнего Востока имеет ввод в эксплуатацию Непско-Гажинского месторождения калийных солей. Его сильвинитовые руды являются по своему качеству лучшими в стране. Для них характерно высокое содержание оксида калия и низкое содержание вредных примесей: нерастворимого остатка и хлористого калия, что, с учетом близкого углеводородного сырья, может способствовать развитию крупного химического производства.

Ленский золотоносный район, долгие годы связанный с добычей благородных металлов, возможно преобразовать в Мамско-Чуйский ТПК благодаря развитию слюдяной промышленности и вводу в эксплуатацию месторождения Сиреневый камень (чароит).

С распадом СССР резко выросло значение для экономики России месторождений Удоканского ТПК, где открыты крупнейшие залежи медных руд. Удоканское месторождение медных песчаников, одно из крупнейших в Евразии, было открыто в 1949 г. Его запасы оцениваются в 1,5 млрд. т меди, что составляет около 30 % всех запасов этого металла в России. И расположение этих несметных богатств весьма удачное: они находятся в 22 км от железной дороги. Месторождение уже пытались лицензировать. В 1992 г. право на его разработку получило российско-американское СП «Удоканская горная компания». Однако в 1998 г. администрация Читинской области отозвала у СП лицензию за невыполнение условий договора. К сожалению, освоение Удокана находится на нулевой отметке. Среди потенциальных участников будущего тендера называются крупнейшие предприятия цветной металлургии России, а наиболее вероятным – ОАО «Норильский никель».

На Удокане действует опытно-промышленная установка (ОПУ) для определения технологий и отработки месторождений полезных ископаемых. Установка имеет собственные тепло-, электро- и водоснабжения, ремонтную мастерскую, парк автомобильного транспорта, фронтальный погрузчик, открытый склад руды площадью 2000 кв. м, что обеспечивает автономную круглогодичную эксплуатацию, укомплектована современным технологическим и лабораторным оборудованием. Действуют технологические участки дробления, измель-

чения, флотационного и электрического обогащения, кучного выщелачивания, жидкостной экстракции, обезвоживания, приготовления реагентов, а также хвостовое хозяйство. Словом, этот уникальный объект может быть эффективно использован в качестве опытно-промышленной базы для разработки новых технологий и экспертной оценки инвестиционной привлекательности проектов по добыче и переработке различных типов руд с получением товарных продуктов.

В 2006–2007 гг. на установке выполнены испытания руд многих окрестных месторождений: Удоканского, Быстринского, Наседкино (Малоурюмского), Чинейского. Среди заказчиков этих испытаний правительство Москвы, ООО «Востокгеология», ОАО «Забайкалстальинвест». Проводятся испытания руд Большого Сейима (это месторождение располагается в среднем течении реки Олекмы). Костяком инженерного состава являются сотрудники Московского института стали и сплавов. Эксплуатационный персонал предприятия прошел обучение в Забайкальском горном колледже, специалисты химико-технологической лаборатории подготовлены в северной столице. Министерство природных ресурсов России заказало московскому Гипроцветмету работы по переоценке запасов Удокана¹⁰.

В акватории Удоканского ТПК расположены готовые к освоению запасы редкоземельных и урановых руд (Катугинское месторождение), а также менее масштабное, чем в Южно-Якутском ТПК, но весьма перспективное сочетание железных руд Чарского месторождения с коксующимися и энергетическими углями Абсатского бассейна. По совокупной экономической мощности Удоканский ТПК, наряду с Южно-Якутским, способен стать своеобразным промышленным сердцем БАМа.

Опорными для развития Северо-Байкальского ТПК являются цветная металлургия – производство цинка и свинца на базе Холоднинского, молибдена – на базе Орехитканского месторождений, а также в перспективе, после создания приемлемых технологических схем переработки, выпуск глинозема за счет нефелинов и сынныритов. В связи с тем, что алюминиевая промышленность России испытывает острейший дефицит сырья (ежегодно за рубежом закупается около 2 млн. т глинозема и 4 млн. т бокситов на сумму свыше 1 млрд. долл.), эта программа выдвигается в ряд первоочередных. Кроме того, при переработке сынныритов в отдельное производство можно выделить соединения калия. Значительную роль в потенциале Северо-Байкальского ТПК сыграет использование Молодежного месторождения, способного полностью насытить внутренний рынок дефицитными сортами хризотил-асбеста, а также поставлять их на экспорт.

Зейско-Селемжинский ТПК, помимо традиционной лесной и лесоперерабатывающей промышленности, имеет хорошие перспективы для развития энергетики на базе гидроресурсов, угля, Тындинского и других месторождений, а также энергоемкой цветной металлургии.

Наконец, самый восточный из ТПК зоны БАМа, Ургало-Комсомольский, уже обладает развитым машино- и судостроением, цветной металлургией на базе оловянных руд Комсомольского района, нефтехимией, угольной промышленностью, энергетикой и системой морских портов. К этому комплексу, который, несомненно, претерпит значительные количественные и качественные изменения, могут быть добавлены металлургические предприятия первого и второго передела.

Уже на первых этапах реализации этих программ население зоны БАМа способно вырасти до 1 млн. человек, что резко обострит продовольственные проблемы. Продуктивность сельского хозяйства в этих регионах невысока вследствие нехватки в почве калия и фосфора, а также очень короткого вегетативного периода. Но эффективность применения минеральных удобрений достаточно высока: каждый килограмм питательного вещества, внесенный на гектар, окупается прибавкой 5–8 кг зерна. Однако минеральные удобрения здесь не производятся, а ввоз их из центральной России достаточно дорог и представляет собой серьезную транспортную проблему. В результате использование минеральных удобрений в Сибири меньше, чем по России, приблизительно в 3 раза. Поэтому понятна необходимость опережающей разработки соответствующих месторождений: Непского (калийных солей) и Селигдарского апатитового, тем более, что спрос на фосфорные и калийные удобрения достаточно высок и в Китае, и в странах Азиатско-Тихоокеанского экономического сообщества.

Таким образом, построенный БАМ является готовым плацдармом для доступа к огромным, относительно хорошо разведанным запасам минерального сырья, имеющего спрос на мировом и на внутреннем рынке России. Активизация добычи воспроизводимых (например, леса) и не воспроизводимых ресурсов в регионе БАМ сможет генерировать высокий и устойчивый грузопоток, и, следовательно, загрузку магистралей.

Вместе с тем, исследованный исторический опыт свидетельствует об отсутствии воли и ответственности государственной правящей элиты в деле комплексного хозяйственного освоения региона БАМа. Он так и не имеет своей программы освоения. Наука, отражая сложив-

шиеся противоречия в обществе, все больше приобретает характер замкнутого ведомства со всеми присущими ему качествами: ориентацией на свои внутренние интересы, стандарты и критерии, бюрократизацией.

Интересы комплексного развития территории вызывают острую необходимость эффективного управления социальным развитием региона. Результаты исследования, как и проходящие в обществе глубокие политические и экономические преобразования, диктуют необходимость скорейшего расширения правовых и финансовых возможностей местных органов власти, которые должны взять на себя функции единых заказчиков строительства и эксплуатации объектов социальной сферы с кооперированием всех финансовых и материальных ресурсов.

Процесс хозяйственного освоения региона БАМа характеризуется острыми противоречиями между обществом и природной средой, научной мыслью и бездумной практикой хозяйствования, забвением человеческого опыта и нравственных ценностей.

Имеющийся опыт искажает ряд основных положений концепции освоения нового района. Это относится, во-первых, к своевременной разработке научно-обоснованной программы процесса освоения. Центральная идея такой программы должна быть связана с инвестиционной политикой. Именно она способна ответить на главные вопросы: что мы хотим от районов нового освоения и как конкретно собираемся это делать? Во-вторых, это соблюдение принципов пропорционального развития всех элементов хозяйственного освоения нового района.

В главном искажается положение о роли и месте человеческого фактора. Государство должно рассматривать человека как главный объект государственной политики, создавать оптимальные условия его жизнедеятельности.

На современном этапе общественного развития варианты исторического выбора остро встают перед многими элементами социально-политической системы страны. В связи с этим актуальна постановка вопроса о перспективе региона БАМа. Как нам представляется, не имеет под собой аргументированных оснований утверждение, рассматривающее БАМ как «дорогу в никуда», как одну из ошибок периода социализма.

Роль БАМа в фокусе геополитических, геоэкономических и географических факторов сопоставима с ролью крупнейших транспортно-коммуникационных структур Северной Америки, Европы и Азии.

Байкало-Амурская железнодорожная магистраль может и должна стать одной из главных магистралей подключения России к динамично развивающимся странам АТР, современной транспортной артерией, конкурентной Транссибу, что предполагает быстрое развитие системы БАМ-Транссиб. Дело в том, что Китай, Пакистан и Иран форсируют создание трансазиатской железнодорожной магистрали, и эта дорога способна перехватить транзитный поток грузов из стран Юго-Восточной Азии в Европу. Кроме того, хозяйственное освоение региона БАМ необходимо форсировать в плане адекватного ответа на демографическое давление со стороны Китая, который, тем не менее, является геополитическим союзником России: в XXI в. им вместе предстоит конкурировать с Японией и США, стремящимся к экономическому гегемонизму. Эта оптимистически-открытая концепция решения проблем региона БАМ отвечает современному политическому и экономическому моменту, логически вытекает из ретроспективного анализа развития и тесно сопрягается с задачами развития страны. Многовековая практика Российского государства по хозяйственному освоению восточных районов страны вытекает из базовых геополитических интересов державы. Преемственность исторического опыта в этом процессе должна быть не просто учтена, но и развита с учетом новых условий.

Новый этап региона БАМа в XXI веке, связанный с комплексным развитием территории, во многом зависит от политической ответственности правящей элиты Российского государства.

¹ Цыкунов Г.А. Ангара-Енисейские ТПК: проблемы и опыт (исторический аспект). Иркутск, 1991. С. 32; Братск-Богучаны. М., 1976. С. 15.

² *Транспортно-промышленное освоение Сибири и Дальнего Востока – системный фактор прорывного развития экономики России, ее интеграции в мировую систему. Аналитический доклад «Байкальский экономический форум 2006 г.»*. Новосибирск, 2006. С.90.

³ «Земля и люди». 2007, 26 мая.

⁴ *Транспортно-промышленное освоение Сибири и Дальнего Востока – системный фактор прорывного развития экономики России*. С.90.

⁵ *Геополитические и социально-экономические проблемы создания международных транзитных транспортных коридоров*. Т.2. Иркутск. 2004. С. 336.

⁶ *Регион на перекрестке Востока и Запада: глобализация и конкурентность*. М., 2003. С. 448.

⁷ Козловский Е. БАМ: плацдарм для освоения восточных регионов России. М., 2000. С.15.

⁸ Промышленная Россия. 2006, №7. С. 57.

⁹ Восточно-Сибирская правда. 2007, 29 декабря.

¹⁰ Восточно-Сибирский путь. 2008, 18 января.

М.М. Ефимкин

ГЕНЕЗИС И РАЗВИТИЕ ТПК В СИБИРИ В XX – НАЧАЛЕ XXI вв.*

Индустриальная модернизация – это процесс создания и организации ведущих отраслей народного хозяйства региона. В истории сибирского экономического района известны её четыре этапа. По оценкам специалистов в начале XX века Россия еще продолжала оставаться страной аграрно-индустриальной со значительным преобладанием сельскохозяйственного производства над промышленным. Она представляла собой империю, в которой в едином территориальном комплексе оказались слиты метрополия и колонии (в том числе Сибирь), находившиеся на гораздо более низких стадиях развития. Процессы модернизации, все более охватывавшие российскую промышленность в начале XX века, незначительно коснулись её сибирской части, принципиально не изменив хозяйственную структуру Сибири. Запад же в это время интенсивно проходил стадию индустриального развития. Конечно, процесс индустриализации начала XX в. стимулировал количественный рост индустриальной категории населения, постепенно формируя первичную основу иного трудового потенциала Сибири, ставшего фундаментом будущих индустриальных изменений региона. Задумки здесь были масштабные, а реалии суровые. За годы Первой мировой и Гражданской войн промышленность Сибири пришла в упадок. Объем промышленного производства в Сибири сократился по сравнению с 1913 г. на три четверти¹. Новая власть проводит постепенную, на первом этапе, смену собственности. Она начинается с введения рабочего контроля, а затем и национализации промышленности. В первые месяцы советской власти национализация осуществлялась сверху, по декретам СНК и ВСНХ. Данный директивный путь нашел свою встречную поддержку снизу в форме широкой инициативы фабзавкомов и местных Советов. К маю 1918 г. в основ-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФГФ, проект №10-01-00295а

ном завершается национализация крупных и средних предприятий, что привело к кардинальной смене формы собственности в промышленности. Первичная материальная основа будущего плана создания индустриальной базы в восточных районах страны на основе использования природных ресурсов края была подготовлена.

Предстояла тяжелая работа по восстановлению и дальнейшему развитию сибирской индустрии, продолжавшаяся значительно дольше и тяжелее, чем в европейской части страны. Губительный неурожай засушливого лета 1920 г., непомерные ставки продрозверстки и дискриминационная политика центра в отношении промышленности сибирских городов существенно тормозили данный процесс. Тем не менее, задачи восстановления хозяйственной жизни Сибирской губернии достаточно успешно разрешались, и в первую очередь, благодаря местной творческой инициативе. Шел новый, социалистический по характеру, процесс промышленной адаптации региона, в основе которого признавалась необходимость интенсивного и широкого транспортного строительства, призванного обеспечить выход в соседний Урал и Европейскую Россию. Фундамент, хоть еще и не устойчивый, для осуществления намеченных и перспективных планов индустриального переоборудования восточных районов страны, все же был создан. К 1924 г. в них заметно повысилась концентрация производства. И вот в таких условиях процесс перехода от традиционного аграрного производства к современному индустриальному, тянувшийся с конца XIX — начала XX вв., советская власть сумела ускорить до промышленного скачка, позволившего создать индустриальную структуру экономики страны. В его основе лежала идея территориально-производственных комплексов. На наш взгляд, территориально-производственные комплексы как основная форма индустриальной модернизации территории, региона, страны недостаточно продуктивна в свете общего, по возможности рационального развития народнохозяйственного организма на указанных пространственных образованиях. Однако, история всегда конкретна и на определенном её этапе осуществление этой парадигмы на практике было тем спасительным звеном, потянув за которое, в данном случае Советская власть, смогла вытащить всю цепь индустриальной модернизации в определяющих её отраслях.

Развитие сибирского территориально-производственного комплекса исторически стало одним из решающих условий выживания как нового строя, так и страны в целом. К экономико-геостратегическим потенциям региона неотделимо примыкало его военно-стратегическое значение. Поэтому Сибири, наряду с Уралом, отводилась в те годы

чуть ли не основная роль в решении модернизационных задач, основой которых становится процесс индустриализации. Первым мощным толчком стала интенсивно проводимая новая экономическая политика, потребовавшая перестройки работы советской промышленности и её комплексного, через рынок, взаимодействия с сельским хозяйством. Это было первым важнейшим шагом по пути материального воплощения плана индустриализации народного хозяйства Советского Союза, ставшего основным смыслом советских модернизационных программ, и, в первую очередь, развития тяжелой промышленности. Сердцевиной этих планов должно было стать комплексное планомерное размещение в стране крупного электрифицированного машинного производства с максимальным использованием всех природных ресурсов востока страны.

С первых лет существования Советского государства в его научно-административных структурах шел поиск оптимальных форм организации народного хозяйства страны. Наиболее интенсивно в данной сфере функционировали различные структуры Госплана. Его секция районирования предлагала начать перестройку хозяйства страны по районному признаку, как «совокупность хозяйствующих по единому плану единиц»². Первый руководитель Советского государства В.И. Ленин еще в 1919 г. предвещал подобные наметки Госплана, когда в работе «Набросок плана научно-технических работ» писал о том, что основной задачей реконструкции народного хозяйства является рациональное размещение промышленности в России, с точки зрения близости сырья и возможности наименьшей потери труда при переходе от обработки сырья ко всем последующим стадиям обработки полуфабрикатов вплоть до получения готового продукта³. Здесь он опирался на уже имеющийся план ГОЭЛРО – первый задуманный и осуществленный на практике территориально-энергетический комплекс России.

Вместе с ним, идеи создания второй металлургической базы на основе Урало-Кузнецкого промышленного комплекса становятся судьбоносными в истории страны и Сибири. Подобные ключевые события, опыт их осуществления дают ценнейший прагматический аналитический материал для последующих, в том числе и сегодняшних решений по модернизации экономики. В свете вышесказанного, зафиксируем, что это как раз и стало тем звеном, приложив усилия всей страны к которому, удалось вытянуть всю цепочку индустриализации – соорудить крупные предприятия машиностроения, металлообработки и создать новую отрасль промышленности, составившую базу пред-

приятий оборонного значения. Практическое осуществление проекта началось весной 1929 г. со строительства двух крупнейших металлургических комбинатов – Кузнецкого и Магнитогорского. Оно шло с огромными, невообразимыми для современного читателя трудностями, которые преодолевались ценой невероятного напряжения материальных и человеческих ресурсов государства. И у новой власти основным продолжал оставаться принцип модернизационной парадигмы «регион для страны». Здесь прозрачна идея выделения района как части народного хозяйства для решения конкретной проблемы, зачастую малопродуктивной для его территории и населения, так и не приблизившегося к власти, а получившего еще одну её форму – территориально-производственную, впоследствии перекрывающую собой другие. Можно сказать, что изначально необходимость выделения территориальных систем или ТПК выявилось в первую очередь в результате осознания объективности фактора концентрации производственной и социальной деятельности на определенных территориях⁴. И все же основным приводным ремнем подобных хозяйственных акций служили политические и административно-управленческие решения власти различного уровня. Для Сибири их значения трудно переоценить. Украина или Сибирь? С экономической точки зрения было очевидно преимущество Украины. Новое промышленное строительство на востоке страны обходилось в несколько раз дороже, чем на Украине.

Однако, идеология советской индустриализации справедливо учла и интегрировала в себе геополитические императивы, существенно изменившие конфигурацию территориально-хозяйственных приоритетов в пользу азиатской части России. При этом власть не забывала, что необходимость создания и развития индустрии в Сибири диктовалась и местными специфическими условиями, тормозящими её социалистическое переустройство. Отвергнута была, тем самым, доктрина Л.Д. Троцкого по специализации Сибири в области производств, перерабатывающих сельскохозяйственное сырье на экспорт и создание путей сообщения, что, по сути дела, подтверждало прежнюю парадигму экономического развития края. А зададимся вопросом, как это настойчиво предлагает проф. В.Ю. Малов в рамках клиометрии, базирующейся на количественных оценках исторических событий, каковы были бы последствия, если бы победил в данном случае южный (украинский) вариант? Вспомним, что в течение трех месяцев войска гитлеровской Германии оккупировали территорию, на которой проживало до войны более 70 млн. человек, да еще и с большой индустриальной базой. С чем бы остался СССР в итоге уже в первый период Великой Отече-

ственной войны? Думается, немецкий блицкриг тогда бы удался во славу немецкого оружия. Недооценка восточного экономического потенциала России стала, пожалуй, одной из основных стратегических ошибок высшего руководства Германии⁵. Решение Урало-Кузнецкого проекта открыло путь интенсивной индустриализации азиатской части России. Сибирь быстро, по историческим меркам, превращалась в важнейший промышленный район страны, готовя точечные пространственные площадки для чрезвычайного воздвижения будущих территориально-производственных комплексов, потребность в которых обозначила война.

Тяжелый опыт 1930–1940-х гг. был затемнен ярким светом Великой Победы. Но остался примером того, как на отдельных направлениях и пространственных образованиях можно решать задачи хозяйственного мобилизационного содержания. Прошедший период подтвердил эффективность территориально-производственных форм организации промышленного производства. Он же обнаружил всю ущербность решения в их рамках аграрно-социальных проблем, копившихся десятилетиями. Кстати, именно в те годы произошло существенное наполнение территорий азиатской России людским потенциалом, который и создавал индустриальные территориально-производственные комплексы. К 1960 г. – времени широкого разворота фронта работ по формированию территориально-производственных комплексов – численность рабочих и служащих составляла около 7,5 млн. человек⁶. Большинство из них (примерно 66 %) трудились на производствах огромного военно-промышленного комплекса. Открывшиеся перед Сибирью в послевоенные годы широкие горизонты индустриального освоения были обусловлены его предыдущим этапом и требованиями мирового модернизационного процесса. Возросшие масштабы ее народного хозяйства, промышленная территориальная и отраслевая специализация, вновь определяют её место на острие геополитических процессов. Сибирский промышленно-энергетический комплекс вместе с Уралом становится базой создания качественно новых Урало-Сибирских производственных комплексов, создавших стране ядерно-космический щит. Этот период в истории территориально-производственных комплексов требует своего особого выделения как качественно выросшего в процессе модернизации и потребовавшего иного современного промышленного персонала для сотен тысяч новых рабочих мест.

Уже в те годы явно стала проявляться негативная тенденция «специализаций» отраслей и регионов, получившая наибольший размах с освоением газо-нефтеносных провинций. То, что было «позволено»

важным отраслям оборонного комплекса, не могли ни в какой мере позволить себе другие, сопутствующие отрасли. Однако, жизнь требовала и их интенсивного развития, как неотъемлемой части индустриальной структуры. Поэтому вторая половина 1950-х – середина 1980-х годов стала временем расцвета и осуществления идеи территориально-производственных комплексов. Пятидесятые годы ознаменовались открытием нефти и газа, строительством целого каскада гидроэлектростанций. Энергетический потенциал края обогатился новым компонентом, имеющим стратегическое экономическое значение для развития его производительных сил. Вот когда в полную силу для Сибири заработали идеи первого плана комплексного развития страны – ГОЭЛРО. Они позволили успешно решать проблемы рационального размещения и комплексного развития народного хозяйства, что было оформлено в соответствующих постановлениях высших директивных органов страны. И все же, ТПК не только «конструировались сверху», но и выявлялись с позиций наилучших вариантов реализации народно-хозяйственных целей – максимум благосостояния населения⁷. Все это было бы приемлемым если бы основная цель социалистического производства – повышение благосостояния и жизненного уровня советского народа в теории не перекрывалась технократической практикой и ведомственной политикой – производство ради производства, во имя производства. Какие бы ни были территориально-национальные и социальные проблемы территории, все они отходили на задний, если не в сторону, план в любом сопоставлении с ведомственными производственными интересами. Только государство, как властный политический инструмент, могло вмешиваться и корректировать данный процесс.

Конечно, именно в силу того, что «ТПК – объект» формировался в результате оптимального выбора варианта пространственного развития страны⁸, удалось в те годы окончательно оформить структуру территориально-производственных комплексов. Несомненно территориально-производственные и промышленные комплексы позволяли на определенном временном отрезке более рационально использовать электроэнергию, глубоко и полно перерабатывать сырьевые ресурсы, использовать имеющийся трудовой потенциал, дефицит которого в Сибири был всегда. В то же время достигнутый уровень комплексности производства в крае не решал полностью проблему рационального размещения промышленности и, тем более, народного хозяйства в целом. Налицо были их распыленность на обширной территории и чрезмерная концентрация в отдельных городах, таких как Новоси-

бирск, Красноярск, Омск, Новокузнецк и др. Динамика промышленного производства Сибири в целом повторяла общесоюзные тенденции. Она, став фактически индустриальной территорией, требовала новых модернизационных подходов, основанных на достижениях мировой науки и техники того времени. Ни ведомства, ни территории в этом не были заинтересованы. Да и сама идея ТПК постепенно становится своим собственным могильщиком в непосредственном государственном исполнении. В последние десятилетия существования СССР развитие экономики региона осуществлялось в рамках крупномасштабных целевых программ создания Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, формирования системы ТПК в Ангара-Енисейском регионе, сооружения БАМа и освоение прилегающей к нему зоны и др., оставивших многие отрасли промышленности вне рамок данных крупных процессов. Поэтому здесь депрессивное состояние экономики стало нарастать более ускоренными темпами чем в среднем по стране. Тем не менее, на исторический рубеж девяностых годов Сибирь вышла, имея мощный промышленный потенциал, скукожившийся в годы системного кризиса до его сырьевой составляющей, обеспечивающей прибыльное производство.

Идея сибирских ТПК и результаты её осуществления остаются пока похороненными двадцатилетним осуществлением российских «рыночных» реформ. И будущего у них явно не просматривается, несмотря на надежды (наивные сегодня), что общество научится соизмерять интересы отдельных субъектов хозяйственных отношений и находить между ними компромисс в целях создания «общества благосостояния»⁹.

¹ *История Сибири.* Т.4. Л., 1968. С.152.

² *Азиатская часть России: новый этап освоения северных и восточных регионов страны.* Новосибирск, 2008. С.199.

³ *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. 5-е издание. Т.36. С.22.

⁴ *Азиатская часть России.* С.100.

⁵ *Ефимкин М.М.* Сибирская Россия. Социально-индустриальная адаптация. Новосибирск, 2009. С.69.

⁶ Там же. С.270-271.

⁷ *Азиатская часть России.* С.101.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С.103.

СОДЕРЖАНИЕ

Букин С.С., Долголюк А.А., Тимошенко А.И. Проблемы комплексного развития Сибири в региональной политике советского государства в 1920-1980 – е гг.	3
Исаев В.И. Миграция сельского населения Сибири как основа формирования кадрового потенциала Урало-Кузнецкого промышленного комплекса в годы первой пятилетки	25
Романов Р.Е. Динамика численности рабочих авиационной отрасли оборонно-промышленного комплекса Сибири накануне и в годы Великой Отечественной войны (1937–1945)	38
Тимошенко А.И. КАТЭК: разработка и реализация программы .	52
Рафикова С.А. Урбанизационно-индустриальное развитие Красноярского края в 1960-е годы как предпосылка создания ТПК	71
Букин С.С. Социально-бытовая инфраструктура северо-сибирских ТПК: истоки проблем и ресурсы развития	79
Янюшкин С.А. Индустриальное развитие Приангарья и его экологические аспекты (1950-1980-е гг.)	97
Волосов Е.Н. Взаимодействие партийной элиты Ангаро-Енисейского региона с центральными хозяйственными органами страны в системе экономического планирования (1960 – 1980-е гг.)	113
Долголюк А.А. Подготовка новых рабочих для предприятий и строек Братско-Усть-Илимского ТПК в 1955 – 1980 гг.	130
Занданова Л.В., Салахова Л.М. Особенности реализации советской культурной политики в молодых индустриальных городах Братско-Усть-Илимского ТПК в середине 1950-х – 1980-е гг.	149
Дашинамжилов О.Б. Приватизация в территориальном народнохозяйственном комплексе Республики Бурятия в 1990-е гг. . .	173
Куперштох Н.А. Вклад институтов Якутского научного центра СО РАН в комплексное изучение и развитие производительных сил Северо-Востока России	194
Власов Г.П. Промышленный потенциал региона БАМа в XXI веке: реальность и перспективы	206
Ефимкин М.М. Генезис и развитие ТПК в Сибири в XX – начале XXI вв.	224

Научное издание

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ СИБИРСКИХ
ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ

Сборник научных трудов

Оператор электронной верстки Букина Т.Д.

Подписано в печать 18 ноября 2010 г. Бумага офсетная. Формат 60х84 1/16.
Уч.-изд. л. 13,25. Усл. п.л. 13,48. Тираж 200 экз. Заказ № 1118

Отпечатано в типографии ООО «Параллель»
630090 Новосибирск, ул. Институтская, 4/1